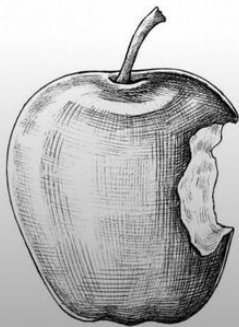

18+

Алексей Иванов

*Второе Пришествие
Христа. Евангелие
от Елены*

Алексей Иванов
Второе пришествие Христа.
Евангелие от Елены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72532177

ISBN 978-5-0068-4058-4

Аннотация

Если Христос спустился с Неба и был распят, то Творец явился, чтобы провести расследование Его гибели и наказать виновных. Все персонажи выдуманы, все совпадения случайны.

Содержание

Пролог	6
Том 1.	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	45
Глава 5	51
Глава 6	78
Глава 7	90
Глава 8	94
Глава 9	102
Глава 10	105
Глава 11	112
Глава 12	123
Глава 13	140
Глава 14	144
Глава 15	146
Глава 16	154
Глава 17	163
Глава 18	173
Глава 19	177
Глава 20	188
Глава 21	196

Глава 22	201
Глава 23	207
Глава 24	214
Глава 25	233
Глава 26	237
Глава 27	240
Глава 28	246
Глава 29	251
Конец ознакомительного фрагмента.	252

Второе Пришествие Христа. Евангелие от Елены

Алексей Иванов

© Алексей Иванов, 2025

ISBN 978-5-0068-4058-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Творец бродил по выжженной атомной войной планете в светозарном теле, всё пытаясь понять: «Почему же это произошло?». Несмотря на то, что ожидавший его на орбите Челнок уже несколько раз посылал сигналы, призывая как можно скорее подняться на борт. Хотя Летучий Корабль, забрав всех богов и ангелов, уже давно покинул орбиту и отправился развозить их по своим планетам, словно школьный автобус с галдящими детьми.

«Смертные до последнего думали, что можно не обращать внимания на воззвания Творца эволюционировать и им за это ничего не будет. Даже тогда, когда война была уже в разгаре! – размышлял Творец, бродя по всё ещё раскалённому пеплу. – Наивные! Они надеялись, что архидемоны так и оставят их тут беситься и играть в брачные игры. Не понимая, что те помогали смертным, посылая озарения, изобрести ядерное оружие именно для того, чтобы и устроить тут ядерный апокалипсис, манипулируя их обидами и амбициями. То есть – их же собственными руками!»

Да и книгиню надо было срочно найти. Она убежала от него в светозарном теле и где-то спряталась, не желая смириться с тем, что тут произошло. Ей вовсе не улыбалось ждать на своей родной планете, пока ветер развеет наконец-то переставшую быть радиоактивной пыль, чтоб начать

созидать тут новую цивилизацию. С ноля, как Адам и Ева. Для неё это были не игрушки! Её всё ещё женское сердце никак не могло со всем этим смириться. Как сердце Творца, уже давно привыкшее к подобным потрясениям. Ведь это была его далеко не первая планета, на которой цивилизация разумных существ досадно схлопнулась. Как Книга Жизни, которую Творец устал читать.

Том 1.

Воплощенный Логос

Глава 1

По приходу из рейса Творец купил «Спринтер». И когда уже подъезжал к дому, на дорогу выбежал пешеход. Творец резко нажал на тормоз, и тот запрыгнул в машину.

– Ты должен вернуть нам деньги! – оскалился Самаэль, произвольно подёргивая мослами. – То, что ты лоханул тему, ещё не означает, что ты нам ничего не должен. Это твои проблемы!

– Когда люди Вэпса преградили нам дорогу, Дюшон тут же вспомнил, что ты хотел меня подставить. За то, что я пытался увести Лилит из твоей команды. Видимо, ты рассчитывал, что они сразу же нас убьют. Так что это ты виноват в том, что они отобрали у нас хабар.

– Но ты же сам хвастался, что можешь убивать людей десятками, как пророк Илия! – воскликнул Самаэль, закипая нетерпением в подмышках. – Вот мы и решили, что ты их всех положил, как только нашли два сгоревших джипа.

– Я предложил им разойтись по мирному и исчезнуть с хабаром босса.

– Оставив тебя в живых?

– Я сказал им, что если они меня убьют, то Вэпсу станет ясно, что они решили его кинуть. И он будет носом рыть землю, пока не перебьет их всех. А так все решат, что это я их сжег, чтобы не отдавать хабар. Если не веришь, спроси у Дюшона.

– Но его мы тоже не можем нигде найти!

– Странно. И куда же он делся?

– Тебе видней! Лилит сказала, что ты должен был убить его контрольным Словом!

– Как ты думаешь, какое Слово она закрепила якорями у тебя в подсознании, пока ты пытался её вернуть?

– Откуда я знаю? – переменялся в лице Самаэль. сглатывающая дрожь в носоглотке.

– Зато я знаю! Это я её этому обучил. Хочешь, я скажу тебе своё Слово? «Вначале было Слово! И Слово было убого. Убогим был и бог, пока Тьма не объяла его!» – подмигнул Творец и коснулся руки Самаэля. – Ещё раз тебя увижу, и это будет последнее, что ты услышишь в этой жизни. Запомнил Слово? – снова подмигнул Творец и коснулся его руки.

– Да! – одёрнул тот руку, ощутив неподдельный ужас. – Но на Коня у тебя ничего нет! Да и Кот не стал с ней спать, когда понял, что Лилит начнёт его контролировать. Так что если мы обнаружим, что ты тратишь тут наши деньги, они убьют тебя по старинке!

– Видимо, Дюшон попался Вэпсу. И если мы оба ещё живы, то это только потому, что Дюшон нас не сдал. Но я не могу лгать, поэтому если Вэпс на меня выйдет, мне придётся признаться, что это вы разработали план этой аферы с целью меня подставить. Его люди вас порвут! – заявил Творец и достал телефон. – Ну, чего ты ждёшь? Хочешь, чтобы я сам позвонил Вэпсу и прямо при тебе во всем признался?

– Я буду за тобой следить! – пригрозил кулаком Самаэль и вышел из машины.

Самаэля и его дружков Творец не боялся. А вот Лилит... И внезапно нахлынувшие переживания на кофейной гуще всё гуще и гуще напоминали ему о тех недалёких днях, утрах и вечерах, которые он проводил за калитку счастья в её объятиях.

В гостинице «Меркурий» им было так хорошо, что Творец спросил:

– Ну-ка, покажи, как ты любишь папочку?

И как только Лилит в ответ с детской искренностью крепко обняла его, почувствовал, как сильно он её любит и через это передал ей часть своей энергии. Он увидел, как внутри него стал подниматься, расширяясь к центру и вновь сужаясь кверху, какой-то желтый лучистый стержень, а в ответ ему расширялся и рос подобный лучистый стержень внутри неё, но поменьше, наполняя их тела единым ощущением утончённого блаженства. словно ни души их слились в одну, а самые их организмы растворились во всепоглощающей лу-

чистой энергии счастья. И она, замороженная этим чудо-действием, чуть слышно шептала:

– Я хочу стать такой же чистой, как и ты! По крайней мере, стать чище, чем была.

– Хорошо, я попробую тебе помочь, – вздохнул он. Ну, как он мог не верить ей? Зная, что божественность – это не просто качество, но одна из волн нашего сердца, а конкретно – высшая частота. А Бог – это только повод, толчок к тому чтобы сделать тебя ещё прекрасней! И поэтому выступал перед ней напрямую – от Его лица. – Но я смогу помочь тебе только если ты сама этого захочешь. Иначе ты не будешь помогать мне тебе помогать. Так как на самом деле вся сила моего очарования в тебе – в твоём собственном очаровании, отголоски которого ты во мне и обнаруживаешь. И желая её вернуть, стремишься присвоить её себе вместе с её атрибутом – твоим покорным слугой. Очарователен не я, а ты, способная это обнаружить и оценить. И присвоить себе меня как некий сверкающий в твоих руках бриллиант. Ты выйдешь за меня замуж?

– Да.

И чем всё это закончилось?

Помимо Самаэля и Коня на кухне были ещё пара каких-то жутких клоунов, которые, на минуту закрыв дверь кухни, быстро куда-то исчезли. И огневолосая дива, задумчиво выплывшая вслед за ними.

Она вывела Творца из зала в коридор с перепуганными

глазами сообщить о том, какая ему угрожает опасность.

– Не бойся, ангел мой, – невольно улыбнулся он, безмерно тронутый её участием, – они ничего не смогут мне сделать. Ты же знаешь.

– Смогут! – настаивала она, подталкивая его к выходу из нехорошей квартиры. – Они давно уже хотели, да я всё их отговаривала. А тут они напились водки, и теперь Самаэль меня не воспринимает. Тебе надо исчезнуть, на время... Ты иди, заводи машину, а я их пока что заговорю.

Он, конечно же, мог бы постоять за себя и сам. Но если есть кто-то, кто может сделать это из любви к тебе, то разве можно ему в этом отказывать? Тем более, если это девушка?

И решив, что это очередная игра, в которую втягивает его божественное, он чётко исполнил свой долг. Пусть и считал угрозу мнимой.

– Брось всё. Давай уедем во Владивосток! Ты же знаешь, что только я могу сделать тебя счастливой! – затараторил Творец, когда они остановились на развилке дороги, спускавшейся к дому Дюшона.

Но Лилит посмотрела на него печально. Как полевой колокольчик, отяжелённый росой воспоминаний:

– Не могу.

– Но – почему?

– Конь предложил мне поучаствовать в одной крупной афере.

– Он это выдумал!

– Зачем?

– Чтобы ты к ним вернулась. Разве не ясно?

– Нет. Он мне всё уже рассказал, – и Лилит стала торопливо посвящать его в подробности этой аферы, где она – главное действующее лицо. Соблазняющая сына какого-то депутата.

И Творец понял, что несмотря на все его воздействия, Конь и Самаэль снова заманили её в свою кристаллическую решетку ценностей, восстановив прежний её психотип и, как следствие, линию поведения. Окружение – усечённая модель общества. Принадлежность к низшим, средним или высшим классам указывает лишь на уровень постижения усеченной пирамиды данной тебе культуры. И чем ниже класс, тем теснее его ряды.

– Это иллюзии! – оборвал он её. – Давай уедем во Владивосток и начнём всё заново!

Но она уже не могла его понять, так как снова перестала отражаться в зеркале собственных интересов. Не замечая того, в какого монстра превращает её употребление зелья.

– Нет. Уже не могу, – ответила она куда-то *в сторону*, спрятав от него глаза в долгий ящик своих претензий на занимаемое ею положение, которое теперь очень сильно её занимало. Не оставив для него не занятой ни единой клеточки её мозга. Ведь она видела в нём уже не Бога, а педанта, который вечерами не давал ей прохода в узких подворотнях

её измен.

Понял он, что это конец.

– Мы не расстанемся никогда! Ведь мы и не встречались, – улыбнулся он. – Мы любили друг друга. Но если бы мы только встречались, тут, конечно же, был бы повод для грусти.

Но она ничего не ответила, даже не улыбнулась. Предпочитая раствориться в тишине. И безвольно скатилась вниз по улице Пограничной к дому номер тридцать шесть.

Что он к ней испытывал? Лишь жалость. Жалость и нежность, слитые в одно. Невольно вспомнил третью заповедь любви:

– Не пытайся добиться взаимности, у каждого свои причины и способы любить. Просто, люби.

И понял, что будет любить её всегда.

Глава 2

Заехал за Ганимедом и забрался по грунтовой дороге на вершину самой высокой сопки. Вышел из «Спринтера» и окинул взглядом раскинувшийся внизу город, огибавший бухту Находка подковой счастья.

– Я хотел бы сделать перевод «Книги Жизни» на английский!

– Для чего? – не понял Ганимед и тоже вышел.

– Эта книга сделает всех людей ангелами!

– Как это?

– Поголовно! А не один народ, как Моисей. В этот раз богоизбранной станет вся планета!

– Так ты хочешь открыть смертным все секреты Вечных? – оторопел Ганимед.

– Да ничего не произойдёт, не переживай. Ведь Тайны надо практиковать, а не говорить о них! Смертные опять пропустят их мимо ушей, чтобы ничего не делать. Для них это будет очередная сказка про весьма юного, по космическим меркам, но с огромным умом и самомнением ангела, попавшего в ад. Начитавшегося в совершенном ангельском мире романов о попаданцах, внезапно попадающих в качестве планетарных Творцов в самую гущу исторических событий в аду и начинающих наводить там свои порядки, используя все доступные им знания и магию. Совершенно искренне

пытаясь воссоздать в аду то мироустройство, что царило в их высшем мире до того, как они его покинули. И вдохновлённый их литературными успехами, попытался сделать то же самое, но уже – на самом деле! С целью сбора фактологического материала для своего будущего бестселлера, который он намеревался написать прямо в аду. Чтобы перещеголять своих «собратьев по оружию»! Угрожая пытающимся помешать ему издать книгу стоящим у власти демонам организовать в их странах ровно те самые подвиги, что были подробно описаны в романах его литературных конкурентов. И устроить им «Бурю в стакане» с чаем без Сахарова! То есть ровно то же самое, только без его водородной бомбы. И уже действительно всех ангелов перещеголять! А не на словах. Войдя в историю не только как художник Слова, но и Дела! Что у меня и на своей планете получалось всегда намного изящнее, чем высокий слог!

– И давно у тебя это началось? – покрутил тот пальцем у виска, едва сдерживая разошедшиеся в пляске смеха губы.

– У меня складывается стойкое ощущение в поленницу навязчивых идей, что Кто-то хочет отбить у меня охоту к похоти. «Ну, почему другим можно, а мне – нет?» – недоумеваю я. «Ты – Особенный!» – отвечает Бытие. Ты же помнишь, каким развратным я был?

– Да-а-а...

И пока в голове Творца проносился «Восточный экспресс» воспоминаний, Ганимед сидел и следил, чтобы же-

лезной была дорога.

Они, как два йога, сидели на осколках травы бутылочно-го цвета. Но осколки не впивались в их чресла, так как уже, по всей видимости, изрядно затупились. А может и народились туповатыми. Неизвестно, с чем была связана тупость травы, но эти двое постоянно умничали.

– Знаешь, – очнулся Ганимед, – это похоже на Фауста, который порвал с Дьяволом и заключил сделку с Богом. Думаю, ты растёшь. А насчет книги... Элен, что жила с Ахиллом, учиться на факультете английского языка. Можно с ней обсудить перевод.

– Хорошо, так и сделаем. Но почему ты сказал «жила»?

– Потому что пока ты был в рейсе, Ахилл закатил ей сцену ревности в левый угол ворот и вечером после душа выгнал на улицу в одних кедах, посоветовав по дороге к матери изображать из себя кожаный мяч. И пробил пенальти ей под зад! Чтобы все прохожие тоже пинали её своими взглядами, запиная в дальний угол игровой площадки.

– Бедный ребёнок...

– Плачь узбекской старухи над могилой шестого мужа, убитого пьяным егерем, раздававшийся над долиной, ещё долго мешал уснуть соседям! – засмеялся Ганимед так раскатисто, что сразу же ощущалось по его напору, что это уже довольно-таки опытный граммофон с очень сильной пружинной характера и острой иглой юмора, который охотно заводился. А затем ещё долго не мог остановиться, громоглас-

но смеясь над своими шутками. – Так что теперь она в свободное от учёбы время преподаёт детям английский как Элли из Волшебной страны в платье феи. Думаю, она с радостью ухватится за перевод, чтобы выкарабкаться из нищеты! Только много ей не предлагай. Как сказал классик: «Люди работают, когда они нищие. И только до тех пор, пока они нищие». Не порть её деньгами.

– Как Ахилл? – улыбнулся Творец, достал чёрный телефон и набрал номер. – Алло, это Элли?

– Вы по объявлению?

– Тут написано, что для детей вы – добрая фея из Волшебной страны!

– Вас интересуют услуги репетитора?

– Переводчика.

– Я не занимаюсь переводами.

– А за восемьсот долларов?

– Надеюсь, это не техническая литература?

– Я пишу автобиографию. И хочу, чтобы обо мне узнал весь мир!

– Но почему вы обратились ко мне, а не к официальному переводчику?

– Потому что только фея сможет передать читателям сказочность моего восприятия. Я хотел бы лично встретиться, чтобы обсудить условия аренды содержимого вашей головы. И готов заплатить вам даже тысячу, если вы приедете на встречу в платье феи, чтобы я смог сходу оценить ваши

идеализаторские способности.

– Но предупреждаю сразу, я буду не одна. Я возьму с собой подружку! А то мало ли что у вас на уме... за такие деньги!

– Подружка тоже владеет языком? Или вы хотите пригласить её на встречу в качестве секс-юрити?

– Ещё как владеет! – засмеялась я, наконец-то догадавшись, кто это. – Алексей, перезвони через пол часа, я свяжусь с секьюрити.

– Привет, подруга! Нашла тебе классного парня!

– Так оставь его себе! – скривилась Креуса, являвшая себя прекрасным воплощением образа разочарования, радости которой, казалось, были «от противного» бесконечности своего разочарования и, подобно розовым цветам лотоса, как бы всплывали на поверхности его океана. – Я ещё в трансе. Только о Ясоне и думаю.

– К сожалению, не могу! Алексей предложил мне работу, а я не сплю с клиентами. Иначе они перестают платить.

– Проверено?

– Разумеется! На кону тысяча долларов, так что выручай! Поехали завтра на тот пляж во Врангеле, где мы куражились после рок-фестиваля «Арго»? Я хочу, что бы ты взяла на себя Алексея, если он начнёт ко мне приставать. Справишься?

– Легко!

– Помнишь, я дала тебе на рок-фестиваль своё первое

платье феи, оденешь его на встречу?

– Я тогда Ясону в нём так понравилась, что он ещё месяца полтора заставлял меня играть с ним в фею прямо в платье. Так что от него мало что осталось.

– Вот поэтому я и хочу, чтобы ты его надела!

– Приглашаю завтра на пикник к морю, там всё и обсудим! Я договорилась с подружкой. Только ты поосторожнее с ней, Креуса недавно рассталась с парнем. Сможешь её утешить?

– Это моя работа – утешать сердца! Ганимед сказал, что ты тоже рассталась. Как теперь поживает твоё сердечко? Нашла себе новый объект для поклонения?

– Мне пока что и так неплохо!

– Меня интересуют не условия проживания, а точный адрес.

– Малиновского пять А. Утром жду.

Глава 3

Ступив на песок, вдохнули аромат букета первооткрывателей неизведанных островов. Расстелили на песке покрывало, разложили на нём содержимое четырёх пакетов и подкурили сигареты. Но когда над головой вместо муз стали петь их шальные осколки, Алексей сел к воде. И вдруг заметил, что волны упрямо пытаются замочить его доверчиво протянутые по сырому песку ступни.

«Почему ты пытаешься мне навредить? – мысленно спросил он у океана, время от времени отодвигая тот или иной кроссовок от его нападков. – Ты же знаешь, Кто я».

«Ты – не Христос!» – ответил океан.

На что Алексей лишь усмехнулся. Но потом, автоматически желая затянуться, потому что пора было уже затягиваться, вдруг увидел сигарету, которая была жадно зажата в лапе хищной птицы, напоминавшей лапу птеродактиля, и с ужасом отбросил её в океан. «Так вот в кого мы превращаемся, употребляя сигареты! Из-за них мы теряем божественность! – дошло до него. – Я свалить пытался в белые скинты, где в природе ели огненно-хмельны!» – просвистел у него в голове обрывок из его ранних стихов со скоростью пули и полетел дальше – в глухую дремучую тайгу глубочайшего раскаяния. А он остался здесь, на песке иллюзий.

Волна потеряла к нему всякий интерес.

Очнулся от размышлений и словно впервые заметил фею, любопылко посматривавшую в его сторону. Подошел к покрывалу и сел рядом.

– Вы не знаете, феи, в какой сказке я мог вас видеть?

– Конечно, знаю! – охотно ответила фея, с энтузиазмом натягивая лук для охоты на толстосумчатых. Энтузиазм помог натянуть ей лук и отошёл в сторону, потирая руки. – Ты лучше расскажи о себе, – попросила Креуса, подсев чуть ближе.

Алексей очень удивился, что фея сама пошла в атаку. Ведь к тому времени он уже настолько сильно пал духом найти тут свою вторую половинку, что внутренне уже готов был даже к тому, чтобы поставить жирную точку в своих сексуальных подвигах. Да-да, именно – жирную! На большее он, честно говоря, уже и не рассчитывал. Уже и не мечтая о романтических отношениях невесты на руках в спальню.

– А ты разве не слышала, что я ещё два года назад должен был явиться?

– Я слыхала лишь о приходе Антихриста!

– О, мы специально запустили эту утку, чтобы нас все тут побаивались! – усмехнулся Ганимед. – Потому что сейчас такое время, что если тебя никто не будет бояться, то ты никому не будешь нужен и в помине. Вот, собственно, ради этих поминок по Христу нам и пришлось всех собрать в зале ожидания Судного Дня!

– Тем более что, как сказано в Шримад-Бхагаватам: «Пре-

данным не нужны ни плоды их деятельности, ни освобождение. Они наслаждаются нектаром удивительных, сверхъестественных деяний Господа».¹ Но кто может сказать тебе о Господе лучше, чем твоё собственное сердце? Обними меня, – привлёк Алексей к себе фею и передал ей через эмоцию любви часть своей лучистой энергии. – Ощущаешь, как лёгкое вдохновение пронеслось по твоему чуткому существу, обдавая мягкой волной нежности? Чувствуешь, как оно раскрылось, подобно бутону розы, почуяв моё тепло? Скажи, что оно тебе нашептывает, ну?

Креуса захотела ответить что-нибудь эдакое, по сути, но, не зная почему, не смогла.

– Прости, не могу ничего сказать по сути, – растерялась она, опустив глаза.

– Не подозревая, что попытка выразить суть потворствует ее упусканию, – понимающе улыбнулся Сущий, – из-за недостаточного схватывания. Забывающего, что она, суть, стая диких птиц, выпархивающая у нас из рук, когда мы пытаемся её проследить. Пока она полностью не исчезнет за линией нашего *горизонта*. Начиная звучать прямо у нас в душе. Или ты все еще внутренне не поешь? Не подпеваешь мне?

Креуса не нашлась с ответом, потому что даже сквозь раскатистую напевность южного диалекта её души, горячо нашептывавшей ей о страстном желании сыграть в начатую им игру, просвечивала утончённая лаконичность чисто англий-

---

¹ Песнь 3, гл.1, текст 44

ских периодов меланхолии ангела, уставшего от своего земного воплощения. Со своими бывшими.

– Ты самый невероятный в моей жизни сказочник, – улыбнулась она смущенно, не понимая, откуда вдруг взялось в ней это её смущение. – И как ты научился так говорить?

– Все дело в том, чтобы не просто говорить, но говорить не просто, то есть – правильно! – с усмешкой ответил за него Ганимед.

– А для этого нужно, прежде всего, научиться правильно молчать! – упрекнул его Алексей. – А ты даже помолчать не умеешь, когда надо. Не говоря уже о чем-либо серьезном.

– Так это именно потому, что молчание – это самая несерьезная вещь на свете!

– Да, да, не удивляйся, – обратился Алексей к своей избраннице. – Тот, кто молчит, часто и делает серьезное лицо, но именно от недостатка серьезности, которую он таким образом и пытается компенсировать, охотно демонстрируя нам свою театральную серьезность.

– К тому же разговор делает вид, что предполагает некий обмен информацией, – еще раз напомнил о себе Ганимед, – так называемый диалог.

– Но тот, кто говорит, не делает такого вида! – отсек его Алексей. – А кто умеет говорить правильно, не нуждается в чужих подсказках! К тому же ни один серьезный врун никогда не поверит разговору и ни за что не станет требовать от собеседника обмена информацией, так как это его только

отвлекало бы. Вынуждая всё более и более гипотетическо-го собеседника на скакивать на несерьезное выражение лица даже при разговоре о самых серьезных вещах.

– Пусть лицо будет серьезным у того, кто будет пытаться тебя понять, – съязвил Ганимед, – если это будет у него слабо получаться!

– Концентрация – вещь добрая, но серьезное лицо выдает ее отсутствие, – улыбнулся Алексей. – Если в мире пропадет концентрация, то чем заменить её? Лицом? Мыслями?

– Даже если она пропадет хотя бы на миг, весь мир для тебя тут же исчезнет, как сладкий сон, – усмехнулся Ганимед, – став кошмаром!

– Но большинство людей ею всё равно почти никогда не пользуются, оставляя её в удел гениев. И вымогая у психологов причины собственных неудач.

– Как будто бы они и сами не знают, что любой их поступок ведет за собой не только то следствие, которое он за собой ведет, но и всех её подружек, которые поступательно следуют за этим следствием в своем хороводном танце по цветущему ошибками полю практики!

– Будды говорят с вами как бывший человек с человеком. Я же всегда говорю как Ангел Света с потенциальным ангелом. И если не с тобой, то хотя бы – с твоим потенциалом! Пытаясь тебя именно просветить.

– Как рентген? – усмехнулась Креуса, широко раскрыв глаза в ореоле длинных кукольных ресниц.

– Побуждая тебя через понимание моих слов раскрыть внутри себя хотя бы частицу внутреннего света. Который, подобно свече, постоянно горит в каждом, как бы низко он ни пал. Поэтому не спрашивай меня, как я научился так говорить. Потому что если бы я говорил как-либо по-другому, без понимания твоей сути, я давно бы уже разучился это делать. И всё, что мне оставалось бы – это заново учиться молчать. Уйдя в себя.

– А это такое несерьезное занятие, которым можно прозябать всю жизнь, – улыбнулась Креуса, – но так ни чему и не научиться!

– Молчание – это воздушный поцелуй, который посылает нам изящная девушка по имени Слово! – возразил Алексей.

– А я думала, что молчание – это удел идиотов! – смущённо улыбаясь, заметила она. Свою ошибку.

– Да ты что?! Молчание – удел мудрецов! Для которых все слова – лишь придорожная пыль, разлетающаяся под золотыми башмаками их поступков. Хотя само молчание является правильным лишь тогда, когда оно более многоместно, чем слово, которое пытается его собой восполнить. Тем более что даже в разговоре нас более привлекает не то, о чём говорится, а то, что остается не высказанным, за кадром, Разговор – это, по сути, и есть сеть, захватывающая огромную глыбу молчания. Которую одни именуют смыслом, а иные – красотой. Ведь даже жест, применяемый в разговоре, является не продолжением слова, а продолжением молчания. Ко-

торое это слово пыталось поймать в свои сети, чтобы донести до нас то прекрасное, что заключено в человеке. Который всячески пытается до нас это донести и поделиться своим мироощущением.

– А не бессмысленным набором заученных фраз, что он выудил у других в попытке натянуть эти изящные одежды на свою угловатую натуру! – усмехнулся Ганимед.

– Что уже говорить о красоте недомолвок, предпонимания, переосмыслении уже давно услышанного в новом, более актуальном для тебя сейчас свете. Об умении замолчать в нужную минуту! – упрекнул он Ганимеда. – О тайне, об искусстве недосказанного. Молчание скрывает за собой то, что невозможно высказать: мир мечты, мир сердца! Тогда как слово содержит в себе лишь то, что ты уже знаешь. И уповает лишь на то, чтобы в тебе это снова разбудить. Поэтому, если ты ничего не знаешь, разговор тебе ничего не даст! А если знаешь, то разговаривать бессмысленно. Ведь только через слово мы можем видеть, что мыслим мы неправильно!

– Ты слишком много думаешь, Алексей, а это очень вредно для мужского здоровья! – усмехнулась Креуса. И намекая на «пол шестого», искоса глянула на часы, символически свесив кисть руки.

– Возможно, что ты и права, – улыбнулся он. – Но я тут ни при чём. Меня таким сделали.

– И кто же тебя таким выстругал, братья Стругацкие? – засмеялась она.

– И меня уже не изменишь. Ведь «человек не дитя природы, а производное культуры», как сказал Уайльд. Культуры общения. Более того, он подобен статуе, вышедшей из под резца тех, кто оказывал на него в жизни наибольшее влияние. Не замечая того, как они ранят его своими резцами! – с улыбкой кляцнул он их «волчьими» зубами. – Я наивно надеялся обрести с каждой из своих девушек неземное счастье, но все они меня, одна за другой, предавали. Заставляя затем буквально выкручиваться из их мёртвой хватки! Но мне немного полегче, чем остальным людям. Потому что я, как философ, воспринимаю все свои житейские передрыги чисто философски.

– Так ты – философ? – посмотрела Креуса так пристально, словно впервые его увидела.

– Да, это мое хобби.

– И что, ты применял к своим девушкам «Философию жизни»? – расширились её красивые глаза от непонятного ему ужаса.

– А что тут такого? Ведь каждый применяет в жизни те познания, которые он имеет. Они – свои, а я – свои.

– Но не «Философию жизни»! Да как ты смел? Ты просто ужасен!

– Но – почему?

– Нет. Только не это... – пробормотала она подавленно.

– Но что в этом такого?

– Прости, – усмехнулась она задумчиво. – Просто, у меня

уже был один философ. Вначале я всё никак не могла понять, почему всё идет не так, как я хочу. Представляешь, чего бы я не делала, любую мою хитрость Ясон оборачивал в свою пользу!

– А ты как хотела?

– Да так, как и хотела! Ведь Ясон никогда со мной не спорил и всегда соглашался, – продолжила Креуса свою исповедь. – Но в итоге всегда выходило ровно то, что было нужно ему, а не мне. И я долго не могла понять, почему? Ведь я уже привыкла контролировать своих парней. Для меня это было непривычно. Но потом я всё-таки сделала так, – подчеркнула она загадочно, – что ему всё же пришлось объяснить мне свой метод, которым он меня побеждал. Хотя Ясон долго отговаривался и всё отшучивался. И лишь когда я надавила на его болевую точку, – заразительно усмехнулась Креуса, – лишь тогда он полностью сдался. И всё-всё рассказал, умоляя остановиться. У тебя тоже есть свой метод? – заинтересованно глянула она ему в глаза.

– Я просто влюбляю в себя ту, с кем хочу начать отношения. Потому что заниматься любовью с девушкой, которая искренне и беззаветно тебя любит, намного приятнее, чем некрофилией.

– Ты считаешь некрофилами тех, кто занимается сексом без любви?

– Самое главное в отношениях – это искренность. И если она исчезает, то такая девушка – уже просто сломанная

морально кукла для интимных услуг, от которой следует как можно быстрее избавиться! Так что, как только ты ознакомилась с его методом, ты сразу же от него избавилась?

– Не сразу. С ним было безумно интересно! – улыбнулась Креуса. – Ясон постоянно ставил всё с ног на голову!

– Да это вы тут на ушах ходите, желая невозможного! И тем охотнее, чем оно невероятнее!

– Да, теперь я всё это понимаю, – вздохнула она, – Ясон всё это мне уже объяснил. Я отжала его по полной! С такими, как ты, интересно, да. Но я всё равно сочувствую твоим девушкам.

– Девушкам? Но я до сих пор мечтаю найти одну единственную!

– Такие, как ты, не могут долго находиться с одной девушкой. Вы, как саранча, пожираете всё что вам нужно и летите дальше!

– Да ничего мне от них не нужно, – пробормотал Алексей.

– Вот поэтому-то вы никогда и не останавливаетесь на достигнутом!

– Но я никого к себе и не тяну, они сами на меня набрасываются, чтобы отнять всё, что я имею. Поэтому чего их жалеть, этих матёрых самок?

– Матёрых? – усмехнулась она презрительно.

– Ты просто не знаешь моих бывших.

– Зато я знаю, в чём заключается их «матерость».

– И – в чем же?

– Да ни в чем!

– Как это? – оторопел он.

– Ну, они просто думали, что ты обычный парень. И с тобой можно немного поиграть.

– Во что?

– В свои женские игры.

– Что ещё за игры?

– Ой, да ты и сам давно всё знаешь! – отмахнулась она.

– Но вдруг я подразумеваю под этим нечто другое? – попытался он её «дожать».

– Да всё тут просто. Они думали, что ты – мышка, а они – кошки. А не наоборот! – улыбнулась Креуса. – Они ведь не предполагали, что ты вооружен против них «Философией жизни»!

– Вооружен? Ты серьезно?

– Ну, а кто, по-твоему, сильнее? Обычный человек, каким бы сильным и умным он не был, или вооруженный каким-то оружием?

– Каким, организационным?

– Да хоть палкой! Или пистолетом. Да, любым!

– Конечно, вооруженный! – туго понял он.

– Вот тебе и вся их матерость! – усмехнулась Креуса.

– Нет, ты заблуждаешься, – улыбнулся он простодушно, – я обычный парень!

– Ага, обычный, – усмехнулась Креуса, заметив, как легко он переключился на простодыра. – Я не клюю на обыч-

ных парней. И меня ты уже не проведёшь! Ясон тоже поначалу притворялся со мной обычным парнем. Но оказывается, что этот психотип называется «Рубаха-парень». А он даже ещё мощнее, чем «Манипулятор», которого он во мне обнаружил. И понял, что один «Манипулятор» не сможет победить другого «Манипулятора». А потом, когда я его раскусила, – усмехнулась она, – он вообще включил дурачка. Чтобы я расслабилась и начала считать, что это я уже им кручу, как хочу. А дурачок это вообще, оказывается, «Джокер». Представляешь? Который бьёт любой психотип! Даже такого козырного туза, как «Манипулятор». Был бы ты обычным парнем, я бы тебя сразу же раскусила, – с улыбкой клацнула она зубами, – это самая лёгкая добыча. Но мне уже просто неинтересно с такими даже связываться. Хотя, знаешь, я слышала о «древних душах», которые когда-то всё это уже давным-давно узнали и освоили на практике. И теперь это срабатывает у них уже как бы само собой в соответствующей ситуации. Незаметно для них самих. Когда это им выгодно, разумеется! А я-то думала, чего это в тебе такого необычного? – пристально посмотрела она ему в глаза.

И Алексей не смог не рассмеяться, пронзив её хитрющими глазами.

– А где ты работаешь?

– Как сказал Есенин: «Если б не был бы я поэтом, то наверно был бы мошенник и вор!»² Тебе-то это зачем?

---

² С. Есенин, «Всё живое особой метой...»

Что Креуса расценила как то, что она слишком уж мелко плавает, чтобы лезть в его большие дела.

– Просто, – смутилась она, – Ясон тоже воровал из бюджета. Но он был таким могущественным чиновником, что когда утром я собралась на работу, он спросил: «Кто твой начальник? Давай, я ему позвоню и всё улажу». Я подумала, что он шутит, и ответила: «Звони!» Но он реально позвонил, назвал моего начальника по имени-отчеству и устроил так, будто бы я весь день работала! И о чём бы я с ним не говорила, он заявлял: «Давай, я всё устрою!» И реально происходило то, о чём бы я его не просила. Первое, что взбрѣдет в голову! И я ощущала с ним в себе такую власть, словно я была в Находке настоящей королевой, от слов которой зависело тогда состояние многих дельцов, с которыми я общалась.

– И что же тебя заставило с ним, вдруг, расстаться? – усмехнулся Ганимед.

– Ему «угрожало» повышение по службе! Поэтому Ясон и не хотел отпускать меня даже на работу. И я около двух месяцев там не появлялась, получая деньги просто так. А когда Ясон улетел в Москву, я заметила на работе, что начальство стало меня после этого уважать и называть по имени отчеству: «Креуса Креонтовна!»

– А кому вы, Креуса Креонтовна, хотели бы, чтобы я сейчас позвонил? – улыбнулся Алексей. Достал телефон и стал читать фамилии чиновников из местной и краевой администрации, с которыми он общался, устраивая концерты Гани-

меду.

И Креуса посмотрела на него другими, более волнуящими глазами – Креусы Креонтовной. Полностью поверив в собственный же миф, в который она и Его тут же вписала – как своего нового властелина.

– Я, если честно, вообще не понимаю, кому нужны все эти ваши абстрактные идеи! – усмехнулась Креуса, олицетворяя его с Теми, кого уже знала как властелинов мира.

– Идеи никогда не бывают абстрактными. То есть оторванными от жизни! Ведь ты именно это имела в виду?

– Да, я имею в виду ваши пустые умопостроения, не имеющие с нами, по сути, ничего общего!

– Так знайте же, Креуса Креонтовна, что именно при помощи абстрактных, с виду, идей элиты и настраивают массы, натравливая их на своих геополитических противников!

– Но так как те также ведут агитработу, то внешне это выглядит как борьба классов, школ, общественных групп или различных партий меж собой! – поддержал его игру Ганимед.

– А то и – войны! Где обе стороны с энтузиазмом уничтожают друг друга.

– Если не осознавать того, чьи интересы они защищают.

– И тем яростнее и иступлённее, чем менее они это осознают.

– Считая, что эти идеи их собственные, раз уж они полностью их разделяют!

– Вот идиоты! – усмехнулась Креуса. – И как же?

– Да, как и во время Второй мировой. Где Америка и Англия выясняли отношения друг с другом руками русских и немцев, в которых английскому аристократу Хьюстону Чемберлену удалось для этого вдохнуть мятежный дух Гёте через творения Вагнера и Ницше под видом поклонника их талантов.

– Чемберлен вначале внушал Гитлеру свои идеи, а после провала «Пивного путча» его дочь снабжала Адольфа в тюрьме бумагой и чернилами, чтобы тот смог идеи её отца обобщить и выдать за свои.

– Создавая там, от нечего делать, плагиат «Моя борьба»! – засмеялась Креуса.

– С тараканами в голове! – поддержал её смех Ганимед.

Я боялась открыть рот, понимая уже, чем это всё для Креусы опять закончится. Прямо на пляже.

– В России только потому и не были готовы к войне с Гитлером, что должны были отчитываться перед спонсорами из Америки о производстве исключительно наступательных видов вооружения. Или думаешь, откуда в разорённой на тот момент гражданской войной СССР в столь короткие сроки выросли сотни тысяч оборонных и промышленных предприятий? По взмаху волшебной палочки?

– Россия до самого восьмидесятого года отдавала Америке этот лизинг. И как только СССР полностью отдал Америке все долги, лишь тогда в нем запустили Перестройку.

ку и развалили на республики.

– Для чего тогда Америка давала СССР деньги? – не поняла Креуса.

– Для того чтобы Сталин смог осуществить их план нападения на Англию.

– Поэтому Англия всего за десять лет также возродила Германию, подняв её из руин после Первой мировой. При условии, что Германия пойдёт в контратаку на СССР!

– И вы думаете, что в СССР никто не понимал того, что творилось у них под носом? – усмехнулась Креуса.

– Ведь это не входило в их планы! Так как и до сих пор сохранились письма Гитлера к Сталину, где он призывает Сталина «поделить английское наследие», предлагая присоединиться к войне против Англии, которую Гитлер развязал для вида, активно создавая иллюзию, что готовится пересечь Ламанш.

– Чтобы войти к Сталину в доверие, и тот понадеялся захватить Англию руками немцев! – подтвердил Ганимед.

– Выполнив, таким образом, контракт с Америкой?

– Ты просто не понимаешь всех тонкостей психоистории! – улыбнулся Алексей. – И у тебя не хватает широты кругозора чтобы даже попытаться осознать, что на Земле есть долгоживущие иллюминаты, которые не только строят столетние планы, но ещё и из поколения в поколение следят за их планомерным исполнением. Постоянно подготавливая для этого всё новые кадры короткоживущих исполнителей.

– И не только у себя в стране! – подтвердил Ганимед.

– Но и – по всему миру? – удивилась Креуса.

– Враги человечества не где-то вне планеты. А среди тех, кто мешают короткоживущим тут мирно сосуществовать, постоянно побуждая их на всё новые подвиги. Нужно научиться управлять своим разумом. Для чего необходимо не давать увлечь себя другим при помощи предельно логичных и вполне себе обоснованных теорий.

– Именно поэтому в сектах и учат безмыслию?

– Уметь не допускать в себе возникновение внутреннего диалога очень просто, это лишь вопрос тренировки. Нужно научиться понимать то, для чего эти теории возникают и разрабатываются долгоживущими до того состояния, когда ты начинаешь считать их уже своими собственными. Побуждая тебя действовать в твоей повседневной жизни именно таким образом, как ты действуешь.

– А не так, как тебе вздумается! – усмехнулся Ганимед. – Заставляя тебя не просто с этими теориями соглашаться, но начать их защищать!

– С пеной у рта! – усмехнулась Креуса.

– За всеми абстрактными идеями, которые мы изучаем, всегда стоят конкретные интересы и конкретная власть. На алтарь которых были положены миллионы жертв различных войн и революций, разделяющих чьи-то убеждения.

– И пока в мире существуют шкурные интересы и власть, и не утихнут!

– То есть, – оторопела Креуса, – совсем никогда?

– Пока снова не придёт Творец и не возьмёт всё в свои руки.

– Не думаю, – недоверчиво усмехнулась она, – что долгоживущие согласятся отдать власть добровольно.

– Им никогда не понять, почему Будда, будучи ещё совершенно один и в полной нищете, уже открыто заявлял, что он – император всего мира! Боюсь, что мне придется снова явиться в мир и разъяснить вам, что такое подлинная власть! И для чего она, на самом-то деле, необходима.

– Так, а для чего же тогда она необходима? – не поняла Креуса.

– Вовсе не для того, чтобы держать всё в своих руках, как вы считаете. А именно для того, чтобы ни что не вываливалось у вас из рук. Служа Ничто! И разъяснить это всем короткоживущим в актуальных образах и понятиях, чтобы полностью изменить ваше отношение к самим себе. И я всего лишь продолжаю этот свой путь.

– Путь Творца? – оторопела Креуса. – Но ты же не хватаешь звёзд с неба?

– Зачем мне это? – удивился Алексей. – Я по ним хожу! Но даже если мне и в этот раз не удастся искоренить в смертных рабскую психологию, побуждающую вас свято верить в мифическую Свободу, то рано или поздно я вновь сойду с холста своей картины мира.

– Что ещё за картина мира?

И Алексей стал читать по памяти:

«Мы культиваторы сознаний,
Мы нежим злачное зерно.
И колосом взрастёт однажды
Колосс Культуры сквозь навоз!
Мы – кардиналы подсознаний,
В навозной пашне рыхлых рож
Мы сеем света золотую рожь!
А жнем – плевелы ожиданий.
Раз вы с корнём вросли в уют,
Мы – лесорубы дряблых душ!
Мы вас причешем боронами!
Ведь кто-то ж должен вас полить,
Чтоб хлебом мысли вас взрастить?
Мы – культиваторы сознаний!»

– Ну и чем же вы собираетесь нас тут культивировать, своими сонетами? – усмехнулась я.

– Мы везли вас в такую даль, чтобы вы нам сказочно поработали головой, феи! – подмигнул Ганимед и рассмеялся.

– Что за пошлые намёки? – не поняла я.

– Если ты всё ещё сомневаешься, я могу тебе щедро заплатить! – потряс Алексей пачкой долларов.

– Я не работаю головой!

– Я имел в виду, заплатить за перевод книги! – оторопел Алексей, убирая деньги в карман. От греха подальше.

– А, так вон ты про что! – засмеялась я. – Надеюсь, твоя книга не сильно толстая?

– Про книгу, как и про девушку, спрашивать такое не принято! – возразил Алексей.

В раздавшейся, как толстая баба, тишине.

– Ты на что это намекаешь? Я в отличной форме! – подскочила я, демонстрируя им фигуру.

Пока Алексей доставал распечатку книги из портфеля.

Из «портфеля с ценными бумагами», как вначале подумала Креуса. И наконец-то поняла, что медленно ускользает на скамейку запасных с «жёлтой карточкой».

– Ну, так что ты решила?

– Надеюсь, ты про книгу?

– И про книгу – тоже! – засмеялся Ганимед.

– Ганимед, не читай мои мысли вслух, читай их про себя!

– Так все твои мысли не про меня, а про Элли! Ведь это она тебе будет сказочно работать головой!

– Но зачем тебе переводить книгу? Для чего ты тратишь время на эту ерунду? – усмехнулась Креуса и показала пальцем на подружку.

– Так ты тоже умеешь работать головой? – засмеялся Ганимед.

– Ну и сколько тебе за это заплатить? – снова потряс Алексей пачкой долларов. Её нравы.

Что Креусу вполне устроило: «Не говорить же ему в лоб, что уже давно готова на всё с этим новым властелином моей

судьбы?»

– Эх, – глубоко вздохнул Алексей, – знаешь, на самом деле я с удовольствием бросил бы всё это. И увез бы тебя на край земли!

– Но ты же этого не сделаешь! – упрекнула его Креуса.

– Хотя бы потому, что мы и так живём на самом краю земли. И дальше ехать уже просто некуда. Впереди – только океан! Только поэтому мы сейчас тут сидим и болтаем. Болтая в воде ногами. А не просто переспали и разбежались, сняв наш интим с повестки дня.

– Который сразу же разлучит нас? – удивилась Креуса.

– Мы просто растягиваем удовольствие друг от друга, – улыбнулся он, – подольше, как сладкую ириску, не поняла ещё? Подобно некоторым видам насекомых, экстаз которых длится непрерывно по восемь-десять часов подряд. Так что наслаждайся общением, пока можешь. Осваивая этот новый для тебя вид более тонкого экстаза.

– Ах, вот оно что? – засмеялась она. – Значит, секс – это не обязательно постель?

– Нет конечно! Интимное общение – это тот же обмен чувствами, что и в сексе. Особенно, если ты что-то испытываешь к партнёру диалога. В каждом своём слове, словно в причудливом цветке, раскрывая ему навстречу свой неуловимый для других аромат любви!

– Как красиво!

– Это красиво только для тебя. Потому что твоё подсозна-

ние чувствует магический аромат моих слов. И как гирлянды из цветов, вешает их тебе на шею. Чего бы я тебе не говорил, любое мое слово будет заряжено восхищением, трепетом и блаженством, которые я невольно испытываю в твоём присутствии. Ты будешь вдыхать мою страсть, даже если я стану просто тебе мяукать: Мур-мур-муррр!..

– Перестань, – улыбнулась она смущенно, – у меня мурашки по коже!

– Иногда достаточно даже одного взгляда любящего, чтобы он всколыхнул восторгом твоё сердце!

– Вот такого? – глянула она на него глазами, полными настоящей любви.

– Не говоря уже о позе, жесте, нечаянном касании, пронзающем тебя током чувств! – и он, для наглядности, коснулся её руки.

– Перестань! – одёрнула она руку.

– И тем более – о слове, этом трансферте сердца, пронизывающего своими тёплыми нежными лучами каждый наш звук, придыхательные, гласные и уже на всё согласные. Наличие души – это единственное, чем отличается животное от насекомого. Душа – это способность передавать страсть на расстоянии. Поэтому-то насекомые и экзольтируют столь долго в совокуплении, что не способны растрачивать экстаз по пустякам. Как мы сейчас. Поэтому не беспокойся, у нас ещё будет время, где мы сможем причинить себе много сладкой боли. А сейчас нам нужно просто копить тягу друг

к другу. Потенциал, который мы сможем в цвете реализовать на полотнище возможного бытия. Ведь наша близость тянется из очень глубокого прошлого.

– Что ещё за прошлое? – озадачилась она.

– Исходя из моего поэтического навыка я подозреваю, что в прошлой жизни я был более популярен. И судя по популярности поэзии в прошлые века, у меня должна была быть масса поклонниц.

– И я была одной из них?

– Из тех, кто расцвечивал мою и без того чудесную жизнь! – улыбнулся он Креусе, что была чуть тоньше лицом с едва заметными усиками Лизы Болконской³, которые он тут же поцеловал. Развеив сказочно долгим поцелуем Творца Прекрасного все её заблуждения.

Но увидев, как Андрей Болконский и его «княгиня» милуются, блуждая по развалинам моих сказок о себе, как о недоступной принцессе, я снисходительно улыбнулась:

– Что ж, я искренне рада, что ты наконец-то нашел себе принцессу, которая будет наивно верить в твои сказки!

– Ты хочешь изменить сюжет моего романа? – удивился он.

– Мои пределы в вышине сложили гимны обо мне! – улыбнулась я и откровенно клацнула зубами белочки, обещавшей погрызть его орешек.

Как и ожидалось, Алексей моментально оставил Креусу

---

³ Лев Толстой, «Война и мир».

и пошел на абордаж. Но я смогла отбить нападение и не дала захватить себя в рабство, отогнав корму своей ладьи подальше. Как только он ущипнул меня за зад, как простую деревенскую девку на ярмарке, торговавшую своими аппетитными булочками. А не крутую нравом скандинавскую принцессу, которой, для полноты картины, теперь не хватало лишь секиры!

Но Алексей не стал биться и вернулся к очарованию Кресусы. Ему было всё равно, кто будет являться объектом для нападения его любви. Её выдавшие виды одежды? Голодный, усталый от разочарований взгляд, выпавший в осадок тонкой грусти? Напротив, всё это лишь вспахивало векторное поле активности её любви к нему, подающему надежду погасить в ней все эти сигнальные лампочки. И протягивало пульт управления ею.

И тут же начал её обнимать, форсируя события.

Фея охотно пошла ему на уступки и прошептала:

– Как только мы останемся наедине, я подарю тебе всё самое лучшее, что во мне есть! Прямо в платье!

И Алексей это уже предвидел. По её глазам, которые столь выразительно ему сияли. По её таинственной улыбке. По рукам, которые стали уже обнимать его в ответ, безраздельно захватывая в свою собственность. В ответ на то, что Андрей Болконский стал столь же преданно обнимать свой утешительный приз. По сравнению с Элен. Надеюсь сегодня же вечером им себя утешить.

Глава 4

А Ганимед отвёл его в сторону туалета и заявил:

– Ты уж определись, кто тут твоя, а кто моя. А то ты ластишься то к той, то к этой.

– Твоя? – удивился Алексей. – Так ты тоже у нас герой-любовник, а не клоун в остроносых ботинках с бубенцами смеха, высмеивающих каждый твой шаг?

– Займись Элен! Она тебе больше подходит.

– Ага, то подходит, то опять отходит! Ты же видишь, как она себя ведёт? То подпускает к себе, то отбрасывает к своей подружке!

– Да я бы и сам ею занялся, если честно, если бы мы давно уже не относились друг к другу исключительно как друзья. Ещё с тех пор, когда она жила с Ахиллом. А ты был, в основном, тогда в морях. Так что вы редко виделись и не успели так сдружиться.

– «Не мужчина выбирает женщину, а женщина – мужчину», как сказал классик! Разве я виноват, что они выбрали меня обе? И сейчас – просто рвут на части! Классик об этом даже не мечтал!

– Но вчера мне показалось, что Элен тебе нравится!

– Вчера я вспомнил, как впервые увидел её, когда зашел к Ахиллу. Юная нимфа вышла из грота сказать, что сатира нет дома. Показавшись настолько ослепительной, что с по-

рога вошла прямым в душу! И я тут же понял, что Ахилл реально крут, раз уж у него такая нереально красивая девушка. Надо будет эту нашу встречу обязательно где-нибудь описать. Всенепременно – языком юношеского восторга!

– Вот и займись ею, чтобы было что описывать!

– Да что там теперь описывать? – усмехнулся Алексей. – Непримечательный средний лоб, прямой нос, добротные скулы и нордический подбородок. Средний рот, светло-русые волосы, голубые слегка хитровато прищуренные глаза, да и всё тут!

– Если бы всё это не дополнялось внутренним богатством её души, что так и выпирает из неё наружу! – возразил Ганимед. – В каждом её слове, улыбке, то умном, то хитроватом, а то и подчёркнуто простоватом взгляде! Не говоря уже об её эмоциональном фоне, расцветивающем каждое её слово или невольный жест такой густой палитрой, как обычную морскую воду – картины Айвазовского!

– Вызывая у каждого, наблюдавшего за ней более двух минут, жажду её выпить? – усмехнулся Алексей.

– Ну или хотя бы – воспользоваться её кувшином с узким горлышком! – подмигнул Ганимед, встряхивая подбадриванием.

– «На лыжах в баню»! – усмехнулся Ганимед и налил вина девушкам. Достал потрёпанную тетрадь и стал читать, чтобы

опьянить Креусу ещё сильнее:

«Источником шума, смеха, веселья и слёзных воспоминаний является и будет являться очень короткое, но очень замыкание в чартах и глобусных картах Великой империи инков. Но солдаты знают толк в великих самоварках и саможарках! Да что нам та полевая кухня? Все мы солдаты любви. А я и так целый (но раненный в голову) старший лейтенант. Я должен умереть за тебя, для тебя, во имя...

– Дурак вы, товарищ старший лейтенант. Жить надо весело, с улыбкой на плечах! В общем, надо, братцы, жить припеваючи.

– Сколько можно петь? Хватит, трубите отбой. Всем спать! Только ноги помойте, уроды. Я проверю. Кто сегодня должен трубить отбойник молотком? – гавкнул я с надеждой на ответ.

– Ефрейтор Том Йорк! – отрапортовал невзрачный шизофреник.

– Похвально! Ну, так значит вы сегодня горнист, ефрейтор Йорк?

– Так точно! – глядя мутно в потолок, взвизгнул главный радист.

– Не перепевай меня! – прошипел я ему в ухо. – Слушай меня. Перестань скулить эту узбекскую похоронную.

Это хорошо, что он глуповат и заторможен. Таким здесь и место.

– Кто там?!

Стук в телефонный аппарат раздолбил мои размышления.

– Капрал Симба по вашему приказанию въехал!

– Куда ты въехал?

Ничего не понимая, я встал с дивана.

– Войдите! – крикнул Симба. И пнув дверь моих апартаментов, начал торжественно маршировать, гремя лыжами.

Он был словно замотан в большую белую простыню на босу ногу. Мгновение спустя я понял, это был зимний маскхалат. «Как это понять? На улице Летов и все отдыхают на сопках».

– Немедленно прекратить!!! – заорал я с ужасом в руках. – Что это за недоразвитый маразм?!

Я с укором посмотрел в эту мумию.

– Я к вам по поводу помыться бы. Сильно чешется спина и, эт самое, – договорил он уже шёпотом, – у меня, наверное, блохи.

– Так. Значит так, на первый-второй рассчитайсь! Кру-угом раза два! А сейчас ты, идиот, отправишься, э, в баню. И не забудь снять амуницию, встав под душ. А по приходу, составишь рапорт по поводу этой клоунады.

Этот бестолковый капрал частенько забивался картами насмерть. Но всегда удава лось реанимировать понюшкой. Долго ли ты будешь упражнять наше терпение обострением озадаченности заточки, ах, Симба! Да не оскудеет рука берущего за жабры».

И лишь когда Ганимед затих, дожидаясь аплодисментов, Алексей усмехнулся:

– Так ты хочешь устроить тут литературнир?

– Победит сильнейший! – подтвердил Ганимед, подмигнув Креусе.

– «Детский сад», – объявил Алексей и достал тетрадь.

– Ну, давай, вппадём в детство!

– Главное, не впади в экстаз! – самодовольно усмехнулся Алексей и стал читать:

«Зако́нный ветер вылепил серебристо-сизую скульптуру пасмурной погоды и внезапно исчез, как старый фокусник в конце представления. Игровая коробка на первом этаже. Атрибутика стандартная: горсть чмырных игрушек в разме́те.

– А-а-ай! – капризно завопила Гиера, скорчив фальшивую гримасу. – Астиоха Приамовна, Еврипил опять меня за косы дергает. Астиоха Приамовна!

– Та-а-ак! – Астиоха Приамовна положила ручку, закрыла журнал занятий, встала из-за стола и прибыла на место происшествия. – Еврипил, скажи пожалуйста, до каких пор ты будешь хулиганить? – спросила она и, взяв его за подбородок, развернула на себя.

Еврипил смотрел на нее пустыми детскими глазами безо всякого выражения.

– До каких пор я тебя спрашиваю, тупица?! – заорала Астиоха и рывком отвесила воспитаннику подзатыльник.

Чернявая голова Еврипила под ударом слегка пристукнула подбородком о грудь. Но он, уже привыкший к дурагонству воспитательницы, не выронил изо рта ни звука и лишь ещё сильнее набычился.

Гиера при этом стала возбужденно подпрыгивать и, истерично смеясь, исступленно щёлкать ладошками.

– Чего ты молчишь, идиот?! Отвечай! – заводилась Астиоха Приамовна и хотела было повторить «на бис» затрещину, но вдруг передумала. Взяла его на руки и сказав напутственно: – Иди, поиграй в песочке! – с раскачки метнула в открытое окно.

Но Еврипил не долетел до песочницы и напоролся тонкой шейкой на её острый бортик. Голова его, вдруг, с хрустом отскочила. И стукнувшись о ножку грибка, замерла недалеко от тела.

– А-а-ай! – заверещала Гиера и кинулась на воспитательницу с кулаками. – Ты убила его!

– Хватит! – крикнула та, одновременно мощно топнув ногой. – Надоело всё! И ты со своей дурацкой игрой! – и выбросила журнал в урну.

– Но, мама!

И когда дверь захлопнулась, мягко всхлипывая, Гиера стала оплакивать Еврипила. Он был её единственной большой куклой, пригодной для игры в «Детский сад»

Глава 5

Все молчали, не зная, как им отреагировать.

– Так ты описал тут свою сестру и мать? – догадался Ганимед. – Но зачем ты изменил их имена?

– Я всегда так делаю, чтобы на меня не смогли подать в суд.

– А я решила, что ты всё это выдумал, – удивилась Креуса.

– Я не умею выдумывать, у меня слишком бедное воображение. Поэтому мне приходится, как Уайльд, «вкладывать весь свой гений – в жизнь. И лишь...» описывать то, что у меня выходит.

– Чтобы на тебя не смогли подать в суд, – усмехнулась я, как филолог, – тебе достаточно написать в аннотации: «Все персонажи выдуманы, все совпадения случайны».

– Хорошо, так и сделаю.

– И что, меня ты тоже опишешь? – испугалась Креуса.

– Только если ты меня бросишь. Я высмеиваю только любовные неудачи. Потому что счастье на планетах низшего типа никому не интересно.

– Демонам нравится лишь страдание, – подтвердил Ганимед, – поэтому Достоевский со своей «слезой ребёнка» и стал величайшим писателем на Земле!

– Не понимая, что бесят сызмальства наказывают за грехи, которые они совершили в прошлой жизни. Небеса для

нас – это наше детство. И те разумные и положительные личности, которые нас окружали в детстве – воплощённые ангелы. Либо – демоны, которые в детстве нас наказывали.

– Как моя мать? – озадачилась я.

– Пока ты не веришь в Бога, ты на кортизоле, у тебя тяга к смерти – желание прекратить этот бессмысленный ад. Ты бес в религиозной терминологии. И ведешь себя соответственно – безответственно! У тебя во всём виноват кто-то другой. Но когда ты становишься дитем Бога, ты уже на окситоцине – впадаешь в доверие к Богу, перестаешь быть НПС и становишься игроком, начиная духовно прокачиваться. Именно через раскаяние ты не просто понимаешь, но начинаешь реально ощущать, что другие не имеют существенного значения, виноват с твоих ошибок только ты. Другие – это НПС, которые дали тебе этот квест, от которого мы не смогли отказаться, пытаясь получить сиюминутную выгоду из сложившейся ситуации. Материнство превращает нас в ангелов, если мы любим своих детей, так как мы переключаемся с кортизола на окситоцин. Именно поэтому заповедь «Плодитесь и размножайтесь» никогда не потеряет своей актуальности, ибо любовь к детям даже беса превращает в ангела.

– Так вот из-за чего мы ничего не помним о своих прошлых жизнях! – усмехнулась я. – Все мы, по-твоему, тут бэсы?

– Каждому заключённому этой планеты-тюрьмы после

смерти физического тела принудительно стирают память о предыдущих воплощениях не просто так, а после твоих «подвигов» с планетарным Творцом Артуром! Чтобы ваш мятеж не повторился!

– Что ещё за мятеж? – удивилась я.

– Так ты реально забыла о своём покушении на Творца Галактики? – удивился Алексей и пристально посмотрел на Креусу. – Прочитать, Создатель?

– Конечно читай! – оживилась Креуса.

Алексей открыл тетрадь и стал читать:

«В помещении агентства «Новая жизнь ангела» было светло и чисто. Я прошёл в кабинет, и ангел подняла на меня свои пронзительно-голубые глаза Навигатора.

– Здравствуйте, мы вас так ждали!

– Не льстите, я не принимаю лесть за комплимент. Вы же знаете, кто я.

– Простите, – потупилась девушка. – Обычно, к нам заглядывают только ангелы, пожелавшие родиться на планетах с более высшим уровнем, чем они могут себе это кармически позволить. И вырасти там в любых социальных условиях, лишь бы хоть в одной из жизней испытать то, что доступно лишь богам. Но ваша заявка вызвала шок у всего коллектива нашего агентства!

– К чему эти прелюдии, вы хотите мне что-то сказать?

– Да! – воскликнула ангел. – Мой муж, он попал в трудную

ситуацию. Точнее, – внезапно заплакала она, – Артур попал в Ад, тюрьму для ангелов. Он схлопотал пожизненное!

– Вы же знаете, что слезы и прочие эмоциональные уловки не смогут оказать на меня воздействия.

– Простите, это слишком личное! – поправилась она, вытирая слёзы. – Я не хотела. Просто, рассмотрев вашу заявку, я внезапно поняла, что вы – мой единственный шанс спасти мужа!

– Но я не хочу никого спасать. Я поспорил с литераторами на своей планете и заключил пари, что смогу их всех перещеголять, отправившись в литературнэ. И готов заплатить вам за это любые деньги! Ваша задача – просто отправить меня на одну из низших планет, где я смогу родиться и вырасти в прекрасных социальных условиях, наивно думая, что я величайший писатель современности.

– И создать там свой гениальный, как вы будете считать, роман?

– Разумеется, у меня должно быть там столько денег, чтобы я вообще ни кем не работал и спокойно смог издать роман за свой счёт. Покорив весь мир! Вот и всё пари. Потом я ещё при жизни взойду в светозарном теле на Летучий Корабль с одним из экземпляров книги, откуда вы меня и транспортируете обратно на планету Тронный Зал. Где я и смогу победить своих оппонентов в споре, зачитав им вслух свою бурно прошедшую молодость. Чтобы они захлебнулись слюной от зависти и восторга, не в силах даже выдумать то, что мне

удалось пережить на самом деле! Вот и всё, что от вас требуется. Справитесь?

– Простите, я понимаю, что после того как вы преобразовали нашу Малую галактику в Большую и установили на всех обитаемых планетах вечность, у вас очень солидный счёт в нашем Галактическом Центральном Банке. И я не смогу вас ни подкупить, ни разжалобить. Но как только я увидела вашу заявку, я вдруг поняла, что вы – мой единственный шанс спасти мужа!

– Я же вам уже сказал...

– Подождите, дайте договорить! – перебила Навигатор, понимая, что другого шанса спасти любимого у неё не будет. – Я предлагаю вам не просто написать роман на основе реальных событий, как вы планируете, но хотя бы попытаться трансформировать Землю в планету высшего типа!

– Но это запрещено законом! – возмутился я, непроизвольно начав цитату: – «Творцы не могут вмешиваться в социальную жизнь планеты-тюрьмы. Чтобы заключённые думали, что они абсолютно свободны. И творили всё, что им вздумается. Насилюя, грабя и убивая друг друга самым жесточайшим образом! И не подозревая о том, что они уже в тюрьме. Наказывая так друг друга за проступки, совершенные ими на планетах высшего типа в прошлой жизни. В строгом соответствии с принципом «Самонаказания Зла».

– То есть там у них полная свобода выбора! – парировала та. – И вы можете использовать это право для того, что-

бы смертные сами бы смогли трансформировать Землю без вашего непосредственного участия. Просто и доступно объяснив им в своём романе то, как им самим надлежит это сделать. Скажем, в одном из диалогов с представительницей прекрасного пола.

– И вы думаете, они тут же захотят ко мне прислушаться? Не будьте наивны! Всё что могут Творцы – организовывать там свои религии. Чтобы послушавшие небесных ангелов преступники, срок заключения которых подходит уже к концу, смогли выйти на свободу, трансформировавшись ещё при жизни через процедуру глубокого раскаяния в ангелов во плоти. И умереть там своей естественной смертью, как святой. После чего они в астральных телах будут возвращены на свои родные планеты, откуда их сослали отбывать срок заключения. И всё! Так называемые «истинно верующие» – это те, чей срок заключения уже подошел к концу. Ну, а те, кто никому и ни во что не верит, так называемые «атеисты» – это те, кому об Освобождении ещё и думать рано. С ними работа – на бессознательном уровне – просто не ведётся.

– Дело в том, что на Земле, где оказался Артур в результате того что возглавил протест ангелов против решения Творца Галактики о введении Времени на их планетах, как раз заканчивается Кали-Юга. И Земля должна была вот-вот войти в Сатья-Югу, в результате чего мой муж мог бы выйти по амнистии. Как и любой падший ангел, ознакомившись с Уче-

нием планетарного Творца, чтобы начать самостоятельную трансформацию в ангела во плоти. Раньше срока. Но, как назло, на Земле сейчас нет Творца планетарного масштаба. А никто из других уголков галактики в Ад идти не хочет. Ни за какие деньги! Сколько бы я им не предлагала. Мой муж обречён! – заплакала она.

– Но там же должен быть свой Творец на постоянной основе.

– После Христа на Земле это и был Артур! Но его разжаловали из Творцов в простые смертные.

– Вы с Христом уже говорили?

– Нет. Ходят слухи, что Христос после воскресения сразу же вознёсся на Поля Будд. Потому что с тех пор его никто не видел.

– Так поговорите с архангелами, пусть они Его позовут с Полей Будд.

– Говорила! Но архангелы опасаются замутить Кристалл его души. Заранее зная, что на пороге Сатья-Юги архидемоны будут этому активнейшим образом сопротивляться, постоянно посылая Творцу своих прекрасных демонов искушения, которые будут пытаться сбить Творца с Пути, не давая сломить Кали-Югу и передать архангелам власть над планетой на целую эпоху. Так как Творец, поначалу, будет воспринимать их за ангелов, сошедших к нему с небес.

– Чтобы их Спасти?

– В силу присущего каждому Творцу любви и сострада-

ния. Агапе – это их единственный недостаток, о котором архидемоны, конечно же, давным-давно знают!

– Думаю, что Христос, как образцовый Творец, безотказен и согласен на всё, что угодно. Преодолеть любые трудности! Любой ценой.

– Но архангелы ему этого не позволят! Христос – эталон чистоты и совершенства! Такой Он у нас один во всей галактике!

– А меня вам не жалко!

– Но вы-то Творец такого высокого уровня, что для вас это плёвое дело!

– Да, я смогу достичь уровня Творца из любых социальных условий. Но боюсь, что роль Творца планетарного масштаба не для меня. Как Творец Вселенной, я привык наставлять Творцов Галактик. Что для меня планета? Пылинка в просторе космоса. Люди не могут ещё понять ни того, что такое религия, ни того, для чего она нужна. Им самим, а не тем, кто её создаёт. Надеюсь им помочь стать столь же прекрасными ангелами, как и вы!

– Да, я всё понимаю, – скромно улыбнулась девушка. – Глядя на свою красоту в зеркало мне становится даже обидно, что люди до сих пор не уразумели простую истину, что через заповеди Моисея Господь приложил к телу Вечного четкие «инструкции по эксплуатации». То есть – инструкции по эксплуатации их же собственных тел! Неужели они не хотят, соблюдая заповеди, становиться столь же прекрасными,

как и я? Хоть убейте, не понимаю!

– Хватит лирики. Ни то они точно захотят вас убить. Или, думаете, Великие Посвящённые за какие-то противоречия их религиозным постулатам убили Христа? Нет же, просто из зависти! Иначе они не стали бы спрашивать чернь, кого отпустить, а кого распять? Но чернь постоянно выбирала отпустить Варавву, обрекая на распятие именно Христа. Ведь Христос даже на кресте оставался нереально прекрасным!

– Люди-то наивно думают, что совершенство сваливается нам прямо с неба, – вздохнула Женевьева. – А им просто «не повезло в жизни».

– И поэтому люди дружно решили, что они никогда не смогут стать такими же совершенными, как Христос. Но как сказала пророчица: «А путь до рая как дыханье прост. Не труд, не подвиг, не гора крутая, а медленный ежеминутный рост!»⁴

– «На небеса совсем не улетают, а только дорастают до небес!» – вздохнула Женевьева. – Знали бы люди, чего мне это стоило! Кстати, на Земле отбывает заключение Творец Галактики. Разве вы не хотите её спасти?

– И во что вы её там превратили, в демонессу? Я разнесу эту планету в клочья!

– Креуса была приговорена к пожизненному сроку по приговору Вселенского суда. Не нашего, поймите. Мы тут ни при чём!

---

⁴ З. Миркина, «А путь до рая как дыханье прост...».

– И за что же её приговорили?

– Именно за то, что она не только поддержала идею Кроноса, но и растолковала планетарным Творцам, как именно им надлежит вводить время. А создав там своё Учение, вы сможете выйти по амнистии не только Артуру, но и ей тоже.

– Точно?!

– Я организовала ваши судьбы так, что вы сможете с ней там не только встретиться, но и пожениться. Как давно мечтали! Правда, очень и очень давно, пока она была гораздо старше вас по рангу. Но, как вы знаете, девиз нашего агентства: «Мечты сбываются!»

– Вы гарантируете, что я смогу её оттуда вытащить?

– Нет конечно! Христос дал заключенным полную свободу выбора. И воспользовавшись этим, как юридической уловкой, Судьи выдвинули свою кандидатуру, чтобы вы не захотели освободить Творца Галактики. Предложив вам вместо неё саму Каллисто!

– И за что же её приговорили?

– Именно за то, что она помогала Артуру организовать мятеж против Творца Галактики! За Каллисто мы и будем болеть всей галактикой, наблюдая за тем, что меж вами происходит в прямом эфире!

– И транслировать это шоу на всех планетах? – удивился я, что буду участвовать в галактическом телешоу.

– Потому что теперь это касается каждого! – возразила Навигатор. – После того, как не только на планетах низ-

шего типа, но и на планетах ангелов планетарные Творцы начали вводить время, все мы почувствовали себя некими мышками, над которыми кто-то могущественный производит какой-то гигантский эксперимент. И теперь Судьи галактики официально следят за всеми. Понятие приватности давно уже потеряло смысл. Даже в спальне, в ванной комнате и в туалете. Везде стоят камеры!

– «Бог всеведущ и вездесущ», – вспомнил я недавнее постановление Верховного суда галактики, автоматически ставшее заповедью на всех планетах. – Но – для чего?

– Чтобы твоя супруга в любой момент смогла узнать, что ты ей изменил. Тут же сделав запрос по времени и просмотрев записи. А все материалы с камер автоматически отправляются в архив Акаша. Чтобы Судьи их проанализировали и тоже наконец-то начали понимать, почему нам следует отыграть обратно. И постановили снова ввести вечность. Но уже – навсегда!

– Так вот для чего Артур так хотел вернуть на Земле вечность! Опасаясь, что теперь вы про все его похождения «налево» точно узнаете!

– Чтобы снова начать мне изменять, отправляясь в командировку? – поняла Женевьева, прикусив губу.

– В одной из которых Артур с Каллисто и познакомился. Ближе, чем хотелось бы! Когда ему, как планетарному Творцу, Сатана ниспослал её в качестве прекраснейшего демона искушения. И Артур тут же перестал с ней встречаться, как

только Кронос на Земле ввел время.

– Как бы то ни было, они оба уже наказаны, – вздохнула Женевьева. – Соглашайтесь, вас ждёт всемирная слава! Такого шоу ещё не было! Думаю, абсолютно всем в галактике будет интересно посмотреть на то, как вы растолкуете ей (а через это и – всем остальным в галактике) суть вечности. Выиграв в глазах тех, на чьих планетах Кронос уже ввел время. И смогли бы Каллисто оттуда вытащить, окончательно растопив их сердца!

– Если она меня впечатлит?

– А она вас впечатлит – на все деньги!

– То есть? Ваше агентство хочет использовать наши постельные сцены, чтобы втискивать в особо интригующие моменты рекламные ролики своих спонсоров?

– Как и в других шоу! – пожала она плечами. – Соглашайтесь! Вас будут ожидать там две прекраснейших девушки во вселенной! И ту из них, которая больше вам понравится, вы и сможете взять с собой. Это прописано в контракте: два обратных билета. А дальше вы сможете сколь угодно долго дописывать свой роман, ожидая вместе со своей избранницей семилетку для завершения трансформации ваших физических тел в светозарные. После чего взойдёте на Летучий Корабль, висящий на орбите, пересядете на Челнок, который собирает и отвозит оттуда энергию поклонения смертных богам каждый месяц, и – поминай, как звали!

– И это всё?

– Уточните, Каллисто сама должна будет вас соблазнить? – подняла Навигатор глаза от клавиатуры.

– Естественно! Каллисто должна быть кровно в этом заинтересована, иначе она даже не обратит на меня внимания. Очень уж меркантильная особа. Сделайте так, чтобы она продемонстрировала мне всё, на что способна! Давайте так закрутим сюжет, так сильно стиснем её судьбу в тиски обстоятельств, чтобы Каллисто оказалась не столь заурядна и однозначна, как обычные демоны искушения.

– На то она и прекраснейшая! – гордо кивнула Женевьева, стремительно задавая алгоритм предстоящей той судьбы, семеня пальцами распоряжения служебным духам по клавиатуре. – А Каллисто не будет против? – подняла она глаза.

– Подозреваю, что её низшая – биологическая – сущность будет постоянно стенать о её нелёгкой доле, но её высшая сущность будет безусловно за! Ведь трудности только закаляют характер. Или почему, вы думаете, некоторые сильные личности даже на планетах высшего типа добровольно выбирают быть демонами искушения?

– Я стараюсь над такими вещами не думать, – призналась ангел, опустив глаза.

– Поэтому чем суровее агентство с ней поступит, тем будет лучше. Не только для шоу, но и для неё самой.

– Нет, вы не ангел, – вздохнула Женевьева.

– Именно это и позволяет планетарным Творцам помогать смертным вопреки их расхожему мнению об этом. А то

и – вопреки им самим. Что и побуждает многих на низших планетах подозревать, что, на самом деле, никаких планетарных Творцов не существует вовсе. И открыто поклоняться Сатане. Поэтому мы и поручаем работать с ними архангелам. Ведь они, как бывшие ангелы, более благодущны и не столь суровы, как Судьи. Смертным повезло, Христос пришел на Землю и дал им полную свободу выбора, которую Моисей им не давал.

– Почему это?

– Большинство Творцов наказывают своих подопечных, если те не соблюдают заповеди и отказываются эволюционировать. И только Христос настолько благодущен, что готов им всё прощать! Ведь он – бывший ангел, эволюционировавший до Творца. А Моисей – бывший Судья. И поэтому более непреклонен! Для него любая заповедь – это святое! И те, кто их нарушают, подлежат суду!

– Что ж, у вас будет шанс проявить там себя во всей красе! – улыбнулась Женестьева. – Для того чтобы вы смогли создать на основе своего романа религию, ангелы постоянно будут посылать вам внушения, что вы – Кришна, снова сошедший в мир с Полей Будд, чтобы навестить своих любимых гопи. Но я постараюсь развеять их иллюзии и внушить вам, что вы – простой смертный, у которого «Синдром Наполеона».

– Вы что, летите туда со мной?

– Да. Ради мужа я отправлюсь с вами. Я должна прокон-

тролировать то, что вы перестанете вспоминать о том, что вы – Воплощённая Личность Верховного Господа, усмирите своё раздутое до размеров вселенной эго, покаетесь во всех смертных грехах, которые вы совершали с самого раннего детства и через это сможете Пробудиться. А значит – и разбудите местного Творца!

– Кстати, как его там зовут?

– Ганимед. Он создаст там Учение «Небо Нового Мира»⁵ в виде музыкального альбома. Но, как вы понимаете, десятка песен недостаточно для трансформации всей планеты.

– Хотя, Моисею хватило и десятка заповедей. Столь он могуч!

– Но теперь, чтобы сломить Кали-Югу, ваш роман должен быть переведен на английский, чтобы у преступника из любой страны появился шанс Освободиться по амнистии.

– Так вы тоже будете там писателем?

– Нет. Я там буду чем-то вроде Пифии. Но вы не пройдёте мимо, я буду другом семьи Лилит. Мы уже рассчитали и загрузили мою и вашу судьбы в психосферу планеты. Всё уже готово! Космический Магнит возродит нас, как только мы туда прибудем.

– Так. А другие девушки у меня там будут?

– Лучшие на планете! Ведь вы указали в заявлении, что именно брачные игры с ними вы и хотели бы описывать для привлечения широких масс. А на пороге Сатъя-Юги, как

---

⁵ Гагарин бит, «Небо Нового Мира».

Творцу планеты, архидемоны будут посылать к вам самых лучших демонов искушения, чтобы сбить с Пути! Поэтому ваша книга будет не просто любовным романом, как вы и планировали, но одновременно с этим ещё и романом-исповедью, в котором вы будете горько-горько каяться в том, что столь легкомысленно с ними себя вели. Это суть любого Учения. Так что можете вытворять с гопи всё, что только захотите. Мы даём вам полный карт-бланш!

– Точнее – всё, что они мне с собой позволяют. Насилие я не приемлю.

– А они позволяют, я вам гарантирую! – улыбнулась Женеьева. – Я уже закрутила их судьбы. Причём, таким замысловатым образом, что гопи будут только рады! Мы всем агентством для вас старались! Мне пришлось слегка надавить на архидемонов, чтобы те нам помогли.

– А они и рады! Я же вам сказал, чтобы никакого насилия!

– А как ещё заставить такого «ботаника», как вы, написать шедевр о любви? Книга – это страсть! Признайтесь, когда вы в последний раз занимались любовью? – холодно посмотрела Женеьева.

– Уже и не помню даже... Столько работы навалилось... по преобразованию планет. Меня, как Творца Вселенной, планетарные Творцы разрывают в галактике на части...

– Это потому, что вы не работаете руками. А только лишь головой, как и все боги. Вы должны заниматься тяжелым физическим трудом, чтобы каждый смертный, читая, смог по-

ставить себя на ваше место. И понять, что ему все ваши подвиги тоже по плечу! А если станете на Земле писателем, как мечтаете, то вы будете сиднем сидеть у окна и писать книжки, отвлекаясь только на туалет и прием пищи. Мы уже успели досконально изучить ваши социальные повадки.

– Вы говорите так, будто я животное!

– Как и все клиенты, – кивнула Навигатор. – Мы выстраиваем линию жизни клиента для предстоящего воплощения опираясь на его низший принцип. Высшего – он должен достичь сам! Ангелы могут лишь помочь тебе Пробудиться. Потому что то, куда ты будешь двигаться – вверх или вниз, зависит только от того, как ты станешь улучшать свои врожденные навыки, стремясь достичь совершенства! В этом вся соль предназначения – обуздать и усовершенствовать свой низший принцип за предстоящую жизнь на планете до космических высот Святого духа, чтобы взойти на Поля Будд уже в этой жизни. Как пешке в шахматах предстоит дойти до самого верха и стать ферзём!

– Не трудитесь, теорию я лучше вас знаю. Так и кем же мне тогда предстоит там родиться, чтобы работать руками, шудрой? «Не боги горшки обжигают!»

– Но вы же сами сказали, что сможете достичь уровня Творца из любого социального положения!

– Положения... в мусорный бак? Вы же знаете, как сильно я этого не люблю – ковыряться в социальном мусоре! Я люблю только мыслить. И Творить!

– Но на карте – репутация Творца Вселенной! Вы должны всем в галактике доказать, что в отличии от Творца Галактики, вы – несокрушимы! Иначе мы уже не будем воспринимать Творца Вселенной всерьёз. И станем развиваться так, как получится. То есть каждый планетарный Творец в своей звёздной системе станет нести полную отсебятину. И галактику поглотит хаос! Вы просто обязаны поставить нас на рельсы стабильного развития! Мы не хотим быть изгоями во вселенной!

– Хорошо, я согласен преодолеть любые трудности, как Христос!

– Пусть тогда на Земле вас именно за Христа принимают. Согласны? Я внесу коррективы в судьбу. Ну, а так как в силу эгрегора вся символика архангелов заточена исключительно под Христа, они просто не могут мыслить в других образах, используя героев библии для того чтобы объяснить неофиту его внутреннее состояние. И тоже именно за Христа вас и примут, как только вы взойдёте на Летучий Корабль, чтобы они окрестили вас Святым духом. Ну, не смогут они поверить в то, что перед ними не аватара Христа, а сам Господь Бог! Хотя сам Христос предупреждал в «Притче о виноградаре», что после убитого «сына виноградаря» на Землю именно Вы и явитесь! Куда отправить ваше тело, когда вы покинете этот план?

– Как это – куда? В утилизатор! Вы же не устраиваете пышные похороны изношенной обуви или штанам после то-

го, как те пришли в негодность? Вы их просто выбрасываете и покупаете новые. И всё. У меня в одной только вашей галактике было уже столько воплощений, что если бы я хоронил все свои тела, мне пришлось бы купить для этого отдельную планету.

– Простите, я лягнула, не подумав. Это был стандартный вопрос, который я повторила на автомате. Просто, у нас прямой договор с ритуальным агентством, которое занимается утилизацией тел после того, как клиенты от нас уходят. Обычно, в более высшие миры! Сами понимаете, просто бизнес.

– Вот и скажите сотрудникам, чтобы это тело просто сожгли и всё. Без лишних почестей. Это ни к чему.

– Хорошо. А своё тело я попрошу забальзамировать. Чтобы оценить после нашего возвращения глубину воздействия, которое окажет на меня столь низший мир. Так сказать, для наглядности. Сравнив тела.

– Не стоит себя так расстраивать, – вздохнул я, – для ангелов это всегда весьма болезненно. Вы уже никогда не будете столь же прекрасны, как сейчас. Так что мой вам совет, утилизируйте его немедленно! Иначе вы будете постоянно упрекать супруга в том, что это именно из-за него вы потеряли былое очарование. И в итоге, разлюбите друг друга. Навсегда. Тогда зачем его вообще спасать?

– Вы правы, я именно так и сделаю. Вот что значит Творец, вы способны дать актуальный ответ на любой вопрос!

– И ещё, – добавил я, услышав нотки неподдельного восхищения. – У меня к вам ещё одна маленькая просьба. Уверен, вас это не затруднит.

– Всё, что угодно! О чём вы?

– Позвольте мне хотя бы разочек воспользоваться вашим телом, пока оно столь восхитительно! Всё равно вы его утилизируете. Так что вы, фактически, ничего не теряете.

– Но у меня же есть муж!

– Извините, – смутился я, – но тогда мне придётся воспользоваться услугами другого агентства.

– Это что, шантаж?

– Ланселот готов официально заключить контракт только после того, как неофициально заключит госпожу в свои объятия!

– Да что с вами такое, какой ещё Ланселот? Творец не может так себя вести!

– Должны же Судьи меня хоть за что-то наказать? – усмехнулся я. – К тому же, вас тоже должны разжаловать из ангела в бесы, чтобы вы смогли проникнуть на планету-тюрьму. Иначе Судьи дадут нам от ворот поворот.

– Точно, а я и забыла! – хлопнула она себя по лбу. – Спасибо, что напомнили мне об этом. Вы только что спасли нашу экспедицию по спасению Артура! Ведь на Землю могут попасть только падшие ангелы. А обычным ангелам туда вход закрыт.

– Строго настрого! – кивнул я, как бывший Судья.

– Любимый, – подняла Женевьева глаза вверх, символически обращаясь к мужу, – я иду на это только ради тебя! Пойдём ко мне? – вышла она из-за стола и игриво протянула руку.

– Зачем? Вы привлекаете меня именно в этой строгой одежде. С вашим строгим лицом! – взял я её руку и привлёк к себе. – Навигатора у меня ещё не было! А дома вы расслабитесь, примите душ, смоете всю косметику и станете обычным ангелом, каких было у меня уже пруд-пруди. С помятым лицом наутро после секса. Я хотел бы запомнить вас такой, какая вы есть сейчас!

– Но нам нельзя делать этого в офисе! – запротестовала она, одёрнув руку. – Тут везде скрытые камеры. И меня за это уволят!

– Но ведь ваше начальство тут же поймёт, что это официальная часть контракта, о которой ваши сотрудники все, как один, забыли. То есть это будет не по вашей, а сугубо по их вине! К тому же, всё это должно быть зафиксировано, а материалы дела немедленно отправлены в суд для вынесения нам официального вердикта. Иначе я подам на ваше агентство жалобу за халатное отношение к своей работе! Понимаете?

– Теперь – да! – согласилась Женевьева. С тем, что только она способна разрешить создавшееся положение тела на кушетку для клиентов.

Тайно вступив в его закулисные игры, чреватые дворцо-

выми переворотами. То обретая над ним власть, то понимая вдруг, что это было не более, чем ловушка – троянский конь, подаренный только лишь для того, чтобы подкрасться сзади и вероломно ввести в заблуждение наблюдавшую за ними общественность. И лишь тогда наконец-то поняла:

– Ты надавил на мою ошибку молодости, которую я совершила с Ланселотом, будучи ещё простой смертной! Горько-горько покаялась в этом перед королём Артуром и ушла в монашки. Чтобы умереть святой и вновь родиться... уже ангелом! На планете высшего типа. Что и позволило Артуру от тоски простить свою непутёвую жену, желая в следующей жизни снова быть вместе. Поклявшись перед Богом, что уже – навсегда! Как только я умерла у него на руках. От того, что Артур при жизни так и не смог меня простить. Тоже после этого дал обет безбрачия, горько-горько во всём покаялся и... родился вновь уже ангелом! А затем эволюционировал, нещадно штудировав Учения Творца Галактики, и тоже решил стать Творцом. пробудился и снова вспомнил предысторию наших взаимоотношений. И как только встретил Каллисто, тут же захотел закрыть гельштат смертного, отомстив мне за измену с Ланселотом. На Земле, которая должна была вот-вот стать одной из высших! Если бы Кронос не ввел на ней время. Случайно спугнув Артура, который не успел довести трансформацию планеты до Сатья-Юги. Из-за Каллисто. Что и вскрылось после того, как они возбудили к себе внимание всей общественности, организовав мятеж против

Творца Галактики. С целью вновь ввести на Земле вечность. Дабы продолжать и продолжать там встречаться. Под предлогом, что Артур всё никак не может довести планету до Сатъя-Юги. Каждый раз прося у Старейшин ещё один шанс попробовать свои силы в качестве планетарного Творца. Чтобы Каллисто вновь и вновь на этой планете его искушала. Как самый соблазнительный – для Артура – демон искушения. И хотя бы попытаться в одной из жизней её отвергнуть. Превратив Землю, в итоге, в орудие своих брачных игр. А всё её население – в свою прикроватную службу. Вместо того чтобы как можно скорее сделать всех её разумных существ ангелами во плоти. На что Старейшины, конечно же, закрыли бы глаза. Ведь даже один – полноценный – Творец, наконец-то научившийся отвергать демона искушения (втёршегося ему в доверие, прося содействия и защиты), не стоит и миллиарда ангелов. Даже если за это время Сатана превратит их всех в демонов искушения. Таков Путь! Ибо сказано: «Первый закон – это Закон о Жертве!»

– Кстати, – шлёпнул я Женевьеву, оборвав её, – копии записей с камер отправь мне на почту. Как вернёмся, хоть будет что вспомнить. И сравнить тебя с тем, что останется от твоей красоты после пребывания на Земле.

– А если эти записи увидит муж? – оглянулась она. На то, что всё ещё замужем. И сменила позу на более комфортную для общения. – После вынесения приговора записи надо будет полностью уничтожить!

– А архив? Расслабься. Даже если твой Артур это и увидит, то он тут же поймёт, что ты в этом невиновна. Это форс-мажор, возникший по глупости сотрудников. И ты делала это не столько из любви к работе, сколько из любви к нему.

– Господи, как же я люблю своего мужа!

– Со мной? Хорошо, тогда вечером пойдём к тебе, и ты покажешь, как развлекалась с Ланселотом.

– Зачем куда-то ходить? Теперь я тоже хочу оставить копии записей себе на память!

– Чтобы показывать подружкам то, что вытворяла на работе? Причём, исключительно ради мужа? Изменяла ему легально и строго официально?

– Да, ты меня раскусил! Они лопнут от зависти, что не в силах это повторить!

– Тогда покажи им прямо сейчас, как сильно ты соскучилась по мужу! Я – всего лишь инструмент Бытия, вовремя оказавшийся под рукой. На моём месте мог бы сейчас оказаться любой другой Творец. Мне просто повезло!

– Значит, всё это было неизбежно! – поняла она и перестала терзать себя совестью. – Я сама покажу эту запись мужу! – решила Женевьева быть откровенной до конца, как настоящий ангел. – Чтобы Артур тоже увидел, на какие низости я ради него готова. И ценил меня после этого ещё больше!

– Да, это демоны постоянно всё от всех скрывают, – поддержал я её. За талию. – Ангелы же настолько совершенны, что им нечего скрывать! А тем более – то, на что только они

и способны. Ради своих любимых!

– О, да! Ты, как всегда, прав. На все сто! – восхитилась она. – Ты настоящий Творец нашего счастья!»

И Креуса поцеловала Творца в губы. Вручая и вручая победные вымпелы поцелуев.

– Так, значит, я – Каллисто? – усмехнулась я.

– Прекраснейшая, по-гречески! – подмигнул Алексей.

– Ну, а я – Творец Галактики? – улыбнулась Креуса.

– Прости, забыл, что тебе стёрли память. Нас в Школе Творцов несколько жизней обучали творить галактики.

– Но – для чего?

– Как это – для чего? – удивился Алексей. – Вдруг, пока мы будем в командировке, Центральная галактика уже погибнет? А вслед за ней могут «посыпаться» и все остальные. Друг за другом. Ведь Центральная галактика руками Творцов Вселенной следит за Порядком во всех мирах. Так любой из нас должен будет явиться тем, кто возродит вселенную, каждый – создав ровно по одной галактике. Как когда-то сотворила это ты, Создатель! Или ты думала, почему нас называют – Творцы Вселенной? Только мы, как бывшие Судьи, знаем все Законы вселенной наизусть. И сможем возродить Порядок, обучив в новой галактике планетарных Творцов и Судей.

– Ну, так что, ты продемонстрируешь мне свой метод? – поёжилась Креуса, поводя озябшими плечами.

– Покажи, как ты любишь папочку? – распахнул Алексей объятия.

И фея преданно обняла его в ответ.

Он почувствовал, что сильно-сильно её любит. И увидел астральным зрением, как внутри него стал подниматься, расширяясь к центру и вновь сужаясь кверху, какой-то желтый лучистый стержень, а в ответ ему расширялся и рос подобный лучистый стержень внутри неё, но поменьше, наполняя их тела единым ощущением утончённого блаженства. Словно ни души их слились в одну, а самые их организмы растворились во всепоглощающей и всепроникающей лучистой энергии счастья.

– Теперь ты понимаешь, почему я выбрал именно тебя?

– А ты не боишься, что это явление стало для меня настолько затертым, – потупилась Креуса, – что я тебе только всё испорчу?

– Девочка, не будь наивна, именно ты мне и нужна! Так как ты именно поэтому будешь более занята не удовольствием, которое другие привыкли от этого получать, пуская всё на самотёк, плывя «как бревно» по реке страсти, а как раз тем, как именно ты это делаешь. То есть сможешь подойти как свободный художник, получая от этого чистое наслаждение труда! Понимая, таким образом, и саму жизнь не как игру и наслаждение, а как изысканную арабеску, которую мы трепетно наносим на холст бытия «лишь упоением в заво-

рожённой силе»⁶ мазок за мазком, взяв розовыми перстами вкуса мгновение, как тончайшую в этом мире кисть!

И Креуса потянула Творца в машину, чтобы достучаться до небес.

– А как же я? – оторопел Ганимед.

– Сегодня не твой день! – отрезала Креуса. Кусочек счастья.

Я подавлено молчала, не зная уже, что и думать. О том, что творится в этом невообразимо сложном мире, из которого Креуса снова меня вытеснила. Оттеснив корпусом! Пока та пыталась раздавить героя её снов шикарной кормой ладьи прямо на песке его иллюзий, как Ясона.

---

⁶ И. Анненский, «Сентябрь».

Глава 6

Через несколько часов настойчивого стука в небесную твердь Креуса вышла из машины, неспешно подошла к морю и театрально раскинула руки навстречу ветру и заходящему на посадку солнцу, устроившему поглощающей его тьме финальную битву в облаках. Прожигая её большие карие глаза разливающимся по вычурно расслоенным кучевым облакам пурпурным светом. Одним узким неровным, как юношеские усики, слоем зависнув над солнцем, а другим, более густым свинцом бороды, под ним. Заставляя разбитые этой щетиной лучи буквально продираться своей светоносной короной. Окрашивая всё вокруг и прожигая свинцово-серые облака широкими полосами насыщено вязких багряных отсветов на краях облаков сквозь ослепительные просветы.

Затем она развернулась, продемонстрировав солнце-ворот: расширяющиеся вверх лучи торчали у нее из-за спины, как воротник в стиле «Медичи». И грациозно направилась к пиршеству на покрывале. Как королева, исполненная света и природного величия, которое Креуса за эти минуты унаследовала от природы, вобрав в себя всю красоту и мощь грандиозного заката. Села на покрывало, взяла кубок и стала медленно излучать торжественность, пуская Ганимеду бриллиантовую от столь прекрасного вечера пыль в глаза.

– Ницше хотя и понимал уже, что нужно стремиться к вла-

сти, но так и не понял, что, прежде всего, к власти над самим собой! – усмехнулся над ней Ганимед, наливая ей вина. – А потому и презирал Шопенгауэра и Шеллинга, толком-то не понимая, о чём они ему толкуют!

– Но после того, как я обнаружил заявление Ницше о том, что у Диогена, который жил в бочке, философия собаки, – усмехнулся Алексей и сел рядом, – я проанализировал всё его творчество и понял, что у самого Ницше – философия собаки, сорвавшейся с цепи!

– Поэтому-то он и вдохновил Гитлера! – подхватила я, протянув Ганимеду кубок.

– Вообще-то, его всегда вдохновлял Вагнер! – возразил Ганимед, наливая вина. – На самом деле Гитлер был большой эстет и фанатичный поклонник его творчества, по несколько часов выстаивая в очередях за билетами на его концерты.

– Для себя и для увлекавшей его во всё это невестки Вагнера! – величественно улыбнулась Креуса, подобно вечернему солнцу прожигая всех лучами страсти.

– Разумеется, по указанию её отца, – улыбнулся ей Ганимед, – идеи которого Гитлер и изложил в своём опусе, пока сидел в тюрьме. На бумаге, которую та ему активно и поставляла. Поняв от отца, что Адольф не выйдет на свободу, пока не окончит труд.

– Раньше срока? – удивилась Креуса.

– Для чего его туда, на самом-то деле, и поместили! – усмехнулся Алексей. – Чтобы он закончил уже свою «по-

литическую возню» и приступил к исполнению внушаемой ему её отцом «исторической миссии германского народа!» А Ницше дал Адольфу богатую пищу для размышлений о разлагающем влиянии торгашеского духа на общество. С ним-то Гитлер и начал столь активно бороться. Вначале – в пределах своей страны. А затем, замечая это разлагающее воздействие «свободного рынка» и на другие окружающие его страны, чуть ли не со всей Европой! Обещая им вернуть их самим себе. И европейцы, тут же поняв, о чём Гитлер столь размашисто говорит, охотно ему сдавались. Как в своё время – Наполеону.

– Считая его «новым гением»! – усмехнулась Креуса.

– Избрав в качестве «мальчиков для битья» торговцев по наводке Ницше. Чтобы на этом «законном основании» отбирать у торговцев все их деньги и честно нажитое непосильным трудом имущество, побуждая к этому официально признанному разбою всех, кто Гитлера тогда восторженно слушал в предвкушении грабежа.

– Вся власть Наполеона и Гитлера, как и их, так называемая, «гениальность», держались исключительно на жажде грабежа! – подтвердил Ганимед.

– О котором все, столь жадно ему внимавшие, только и мечтали! Даже усомниться в которой означало – перестать грабить. И признать себя виновными.

– Поэтому-то немцы и были Адольфу столь фанатично преданны! – поняла Креуса.

– И крича каждый день друг другу: «Хайль Гитлер!», тут же сваливали на Адольфа свою вину за ежедневно творимые ими преступления: «Во имя Третьего рейха!» А потому и считали Гитлера новым аватаром Господа, – улыбнулся Алексей. – И организовали для этого службу «Аненербе», которая чуть ли не по всему миру собирала материалы, чтобы это подтвердить. И как можно полнее себя же обелить и оправдать. Обезличивая себя во имя светлой идеи об «истинных арийцах».

– Внушенной им извне! – усмехнулся Ганимед.

– Но как так вышло, что Америка, которая была во Второй мировой за Россию, стала играть теперь на стороне противника?

– Не нашего, заметь. Ведь Россия, по сути, боролась тогда не с самой Германией. Но с призраком Ницше, вышибая из немцев эту идеологическую дурь. После чего долгоживущие через одержимых их идеями соблазнили Америку «дожать» Россию. Ведь согласно «римскому праву», если на земле нет хозяина, значит эта земля – ничья. И её может захватить себе тот, кто первым ступит на эту землю. А социализм с его идиомой всеобщего землепользования добился лишь того, что земля в России стала бесхозной.

– Без царя!

– Осталось лишь вытеснить туземцев с их «ничейной» земли. Что Англия, согласно тому же Спенсеру, уже не раз вытворяла у себя в колониях. Разработав для этого совмест-

но с Америкой «план Далласа».

– И в Америке наивно клюнули на эту «удочку»?

– А затем и, чтобы не быть голословными, американцы перенесли почти весь свой промышленный потенциал в Азию. Якобы, это выгодней. Чтобы, под шумок экономической выгоды, полностью развалить в Америке всю промышленность!

– В том-то и «прелесть» рынка, что мы начинаем руководствоваться не здравым смыслом, а смыслом тех, кто за это больше платит. – усмехнулся Ганимед. – Это называют подменой смыслов!

– Тогда как какая агония может быть на рынке? – усмехнулась Креуса. – Чем больше товаров туда тащишь, тем ярмарка лишь богаче.

– Тут и безо всякой науки всё понятно! – усмехнулась я.

– Для чего долгоживущие через своих подручных её и создают, – усмехнулся Алексей, – чтобы запудрить всем мозги! Но в Америке вынуждены терпеть эти безобразия, которые творят с ними долгоживущие, пока «их же» план Далласа окончательно не сработает.

– Так, а если «их» план Далласа всё же не сработает? – усомнилась я.

– Да какая разница? Это просто разводка! Не ясно разве? – усмехнулся Ганимед. – Англия, к тому времени, уже окончательно «дожмет» Америку. Ведь долгоживущие подбили их на план Далласа именно для того, чтобы в Евразии Америке больше не на кого было опереться. Лишив её потен-

циального союзника. Постоянно обостряя «Холодной войной» взаимоотношения Америки и России.

– Или ты думала, что Англия вот так запросто спустит с рук Америке поражение во Второй мировой? Не будь наивна! Россия, как и Германия, всегда была только пешкой в их игре по захвату всей планеты! Поэтому даже неважно то, что к тому времени будет с Россией. Для них это не более, чем предлог покончить с Америкой. После того, как уговорили американцев перенести почти все свои предприятия в Азию. Для вашей же, мол, выгоды.

– Мы вас грабим? А что сделала в ответ на это Англия?

– Закрыла свои угольные шахты.

– И это – всё? – удивилась Креуса. – И в Америке на это клюнули? Так их реально развели!

– И с тех пор их опустошают, как хотят, статьями по экономике! Поэтому-то главный враг России не Америка, руками которых её, якобы, разваливают! – усмехнулся Алексей. – И даже не Англия, как могло бы показаться! А именно – столь непонятные тебе идеи, с которыми можно покончить только у себя в голове – раз и навсегда! И не только тебе, но и самим англичанам! Ведь именно с одержимым ими премьер-министром первый президент России вначале обо всём договорился в Лондоне, а уже затем был заключён официальный договор на Мальте с ничего не понимающим во всём этом идеологическом вареве Бушем.

– Кроме рыбалки и скаковых лошадей, – вздохнула Кре-

уса.

– Тем более что в Англии есть королева, то есть, по «римскому праву», законный наследник их земель. – усмехнулся Ганимед, желая её окончательно добить. – А – в Америке?

– Ни-ко-го! – дошло до Креусы. – Кроме Статуи Свободы.

– То есть – идеологической составляющей! – подчеркнул Ганимед.

– Создающей у американцев иллюзию свободы?

– Америка как была для Англии их колонией, так ею, фактически, и осталась по итогам войны «Севера и Юга». Может быть России ещё и удастся как-нибудь отвертеться. Тогда как нашим собратьям по несчастью – Америке, боюсь, что уже нет. Ведь против разводки никакое оружие не поможет.

– Кроме здравого смысла! – зло усмехнулась я.

– Тем более что к тому времени «идеологическая мина» уже срабатывает.

– Но неужели же никто в Америке об этом даже и не догадывается? – удивилась Креуса.

– Может и догадываются. Но не могут поверить в то, что их разводят учебниками по экономике – этой новой «верой» во всемогущество! – горько усмехнулся Алексей. – Тем более что одно осознание этого так сильно уязвляет их самолюбие, что они даже боятся посмотреть в эту сторону.

– И ты в своей «Книге Жизни» хочешь им это показать? – удивилась Креуса широте его размаха.

– А что толку-то? – усмехнулся Алексей. – Они всё равно

в это не поверят. И начнут оправдываться. Я резко стану для них Плохим, а они для себя – Хорошими. Вот и всё.

– Пока этого не произойдет, – вздохнула Креуса. – Даже жаль как-то Америку. Такая страна была...

– А ты думала, почему наши олигархи выясняют отношения именно в Лондоне, а не летают за этим в Штаты? Потому что там до сих пор нет единого законодательства! – усмехнулся Ганимед. – Абсолютно всё раздроблено на штаты – резервации для колонистов.

– Чтобы, в случае чего, угрожать Америке отделением одного из её штатов?

– Где не только свои у каждого штата законы, но и нет до сих пор единой энергетической системы, охватывавшей бы всю страну, как в России, для поддержки электроэнергией одного штата другим в случае внезапных стихийных бедствий.

– Как такая страна, и в самом деле, может быть мировым гегемоном? – оторопела Креуса. – Это просто смешно!

– Нет, – осёк её Алексей, – это очень больно!

– Даже – осознавать! – согласилась Креуса, нахмурившись.

– Особенно, сидя без электричества во время случайного стихийного бедствия, – подтвердил Ганимед. – Но в России, в отличие от Америки, стихийных бедствий просто-напросто не замечают. Вообще! Благодаря «советскому наследию».

– Думаю, – улыбнулась я, – если американцы только захотят, они смогут в любой момент перенять «советский опыт» и навести у себя порядок.

– Но кто же им это позволит-то? Не забывай, что в их рядах также «выращиваются» иностранные агенты, призывая их «сокращать расходы» статьями по экономике! Теперь, надеюсь, понятно – почему?

– Потому что американцы не могут себе позволить такую роскошь, как управлять своей страной? – оторопела я.

– Роскошь это не деньги. Это власть направлять ваши деньги туда, куда тебе нужно, играя при помощи биржевых курсов общественными настроениями.

– Побуждая каждого осла бегать за морковками «внезапно» ставших выгодными трендов! – усмехнулся Ганимед.

– Так что пока на планете существуют биржи, все ваши деньги будут принадлежать не вам, а тем, кто вами манипулирует.

– В своих геополитических интересах! – подтвердил Ганимед.

– Все контракты должны быть многолетними и неизменными. Вне зависимости от курсов и прочих сиюминутных спекуляций. Только тогда цены на товары будут стабильными, а торговля – выгодной!

– Для конечного потребителя, – согласилась Креуса и взяла Алексея за руку. – Пошли в машину. Теперь я понимаю, чем любовь отличается от некрофилии.

– Ты занималась этим, наверное, уже тысячи раз, но по-настоящему так и не поняла, чем же ты на самом-то деле занимаешься, – усмехнулся Алексей. – Я говорю о чистоте. Чистоте желания! Одно осознание того, что ты совершаешь это с девушкой в первый раз в жизни уже придает этому особую остроту момента, непроизвольно пробуждая в тебе не только всё твоё мастерство, но и – душу! Или почему, ты думаешь, в первый раз мы совершаем это так, словно это высшее откровение друг перед другом?

– Да именно потому, что это так оно и есть! – усмехнулась она. – Поверь моему опыту!

– А занимаясь этим с одной и той же девушкой много раз подряд, невольно теряешь всю остроту исконного таинства слияния двух совершенно разных душ. Более того – культур слияния, выраженных в присущей каждому индивидуальной способности и стилю, в котором это выполнено. И перестанешь не только ценить в тысячу карат каждое протекающее сквозь вас мгновение, но и вообще особо ценить сей процесс. То есть превращаешься из истинного ценителя, каким был в юности, в жалкого любителя, низводящего это чистое наслаждение в один ряд с потребностями.

– Ты хочешь сказать, что с одним партнером можно заниматься этим только раз в жизни? – отстранилась Креуса.

– Не обязательно, – улынулся Алексей. – Но заниматься этим повторно необходимо так, будто бы открываешь давно тобою прочитанную некогда поразившую тебя книгу! С на-

слаждением переворачивая её, как страницы. И стараясь обнаружить в ней те места, на которые ранее не обратил особенного внимания. Или по-новому их для себя открывая! Рассматривая её всё ещё прекрасные формы под новым, эстетически расширенным углом зрения и начисто переписывая её изысканное содержание на белый лист вашего интима.

– А книгу настоящего художника можно открывать для себя столько раз, сколько раз ты её открываешь! – подмигнул ей Ганимед.

– Как сказал Гераклит: «Нельзя дважды войти в одну и ту же...» девушку! – усмехнулся Алексей. – Поэтому надо делать это как можно реже, чтобы твоя точка зрения успела заметно измениться и не истратить золотой запас своей необычайности.

– И только такие старые мастера, как Уистлер, могли каждый вечер читать одну и ту же книгу «Король Артур и его рыцари круглого стола»⁷, каждый раз понимая её по-разному! – усмехнулся Ганимед.

– Не понимая, что со временем стиль любого, даже самого выдающегося творения неизбежно устаревает! – возразил ему Алексей. – Поэтому у Экклезиаста и сказано: «Даже живой собаке лучше, чем мёртвому льву!»

– Так вот о чём пишут философы! – засмеялась я.

– Грязно не то, что в сознание входит. А то, что из этого выходит на поле практики! – возразил Алексей. – Но стоит

---

⁷ Генри Гилберт, «Король Артур и его рыцари круглого стола».

лишь вывернуть твою жизненную ситуацию обратно в теорию, как ты, увидев все свои недочеты и исправив их соответствующими поступками, тот час же начнёшь жить в сказке! – поцеловал он Креусу для наглядности. – Если же в тебе недостаточно художественной пластики, открой «Мифы и легенды древней Греции» и выработай свою мифологию поведения. Став для себя Зевсом, жестоко карающим тебя за любой проступок, а для других Гермесом, несущим им благую весть от Бога – твоей высшей сущности! Постепенно ты станешь настолько совершенной, что откинешь все эти карнавальные маски, включая и маску Бога!

Глава 7

На следующий уик-энд я пригласила их на дачу своей бабушки. Ганимед открыл вино и стал наполнять кубки. И как только мы втроем выпили, Ганимед отвёл Алексея в поисках туалета и стал корить:

– Я понимаю, что ты пригласил меня снова в качестве клоуна, но юмор – штука дорогая! Сегодня мой день!

– Как я смогу заставить Креусу переключиться на тебя? – оторопел Алексей, осматриваясь по сторонам. – Ты не понимаешь мифологии её поведения. У женщин синдром богоматери. Женщина должна родить Бога-Сына. То есть не от кого попало, а от Бога-Отца! Чтобы её не побили камнями упрёков родственники. Женщиной быть намного сложнее и ответственнее! Ты должен её заинтриговать, а не изображать из себя клоуна.

– Но как ты это с ними делаешь? – озадачился Ганимед, оросив траву.

– Запомни, тело девушки – это лишь вещь среди вещей. А вещь – понятие динамическое! – усмехнулся Алексей, окропив цветы. – Вещь проявляет свою сущность лишь в процессе её использования. Лишь тогда вещь становится явлением, перестав быть «вещью в себе». То есть вещь изменяется под воздействием того, каким смыслом ты начинаешь её наделять. Так как твоё отношение к вещи полностью

меняет её сущность!

– Ты говоришь о действительности? – удивился Ганимед.

– Действительность появляется гораздо позже, – усмехнулся Алексей, – исходя из опыта взаимодействия с данной вещью! Как результат твои

х попыток донести до неё новый для неё смысл.

– То есть? – не понял Ганимед. – Ты говоришь и об одушевлённом теле?

– О любом! Ведь материальная реальность предполагает использование вещей и девушек именно как материал. Вне зависимости от того, чем они являлись до того, как ты вступил в игру с ними. Но для того чтобы одушевленное – тобой – тело смогло принять твой (новый для неё) смысл, как возможность своего собственного бытия, ты должен сделать этот смысл для неё как можно более привлекательным.

– Её смыслом! – понял Ганимед. Что он о девушках.

– А для этого тебе нужно либо откликнуться на её социальный запрос, как мы сделали это неделю назад с Креусой, либо самому его вначале сформировать. А потом уже и разрешить ситуацию, используя себя как инструмент, помогающий ей решить её новую задачу! – усмехнулся Алексей. – Второй вариант предпочтительнее, так как это позволяет тебе контролировать русалку, держа её на крючке твоего смысла. Полностью отказываясь от неё всякий раз, как только она будет выходить в своём поведении за рамки твоей концепции! Это как на рыбалке, даёшь слабину, когда рыба сопро-

тивляется. А потом, когда она решает, что всё уже закончилось и расслабляется, снова её тянешь. В неведомые дали!

– До тех пор, пока русалка не окажется в лодке? – усмехнулся Ганимед.

– Лодки не существует! Это заблуждение, приводящее к распаду семей. Брак – это эвтопия. Рыбалка происходит всегда! Русалка в любой момент может сорваться с крючка, нырнув в поведенческий хаос своих эмоций и залечь где-нибудь под корягой. Ведь именно корягой Небу видится то, что мы называем социальной жизнью.

– Пока ты не смотаешь от неё удочки?

– То есть если ты всё ещё хочешь удерживать русалку на крючке, ты должен как можно чаще менять наживку смысла вашего взаимодействия.

– Или находить всё новые совместные хобби, увлечения! – понял это по-своему Ганимед.

– Превращая каждую вашу встречу в маленькое приключение! – кивнул Алексей. – Любое твоё взаимодействие с любым материальным телом есть процесс. А процесс есть явление динамическое! Который либо ускоряется вами, либо деградирует – до распада на два независимых составляющих.

– Даже если вы уже живете вместе?

– Даже если это встреча на кухне! Ты должен полностью изменить её смысл, постоянно «одушевляя» выбранное тобой тело духом интриги, чтобы её душа трепетала на кончиках твоих пальцев! А каждое прикосновение к её телу явля-

лось бы прикосновением к её сердцу!

– Чтобы русалка не стала для тебя просто мясом?

– И не протухла в твоей душевной теплоте! Ведь в действительности нас объединяет не наше прошлое и настоящее, а только лишь – наше будущее.

– Заставляя нас действовать?

– Взаимо-действовать, а не просто быть рядом! Вот ты и должен постоянно побуждать русалку трепетать в своих объятиях в его предвкушении! Изливая на тебя энергию своей бесконечной преданности, своей любви. Мечтая слиться не столько с твоим телом, это так банально, сколько – с твоей душой!

– И чем же, сердцем?

– Всем своим существом, рвущемся к тебе навстречу! Мечтая только лишь быть причастной твоей божественности, твоего духовно-душевного совершенства. Невыразимой красоты твоего внутреннего существа. Пытаясь ею точно так же стать. И вбирая (вдыхая) её стать. Твой (непонятно для неё самой почему) волнующий её аромат.

– Раскрывая себя навстречу, как цветок – пчеле?

– Прикосновение же к телу, лишённому энергии восхищения, вульгарно! Любовь возникает подобно молнии меж двух наэлектризованных взаимным восхищением тел!

Глава 8

И как только мы втроем снова выпили, Алексей достал тетрадь и стал читать:

«Зал Верховного суда галактики.

– Вы не можете воплотиться там, как шудра! – возразил мне Судья с трибуны. – У вас слишком высокий социальный статус в нашей галактике. Так что вы проиграли своё пари и остаётесь дома. Да и вас я не могу приговорить даже на одну жизнь к пребыванию на Земле, – обратился он к Жене-вьеве, – только за то, что вы изменили мужу. Артур получил пожизненное, так что вы вправе искать ему замену хоть с самим дьяволом! И Творец Вселенной – это самая выгодная партия в галактике! Думаю, что сотрудники вас поймут и подпишут прошение о помиловании. И тогда мы закроем дело.

– Судья, но мы должны туда попасть! Оба! – попыталась возразить Женевьева. Что уже считалось верхом наглости – возражать Судье. – Своим отказом вы ставите под угрозу дальнейшее существование всего агентства! После неудачи с Творцом подобного уровня, имидж нашей компании упадёт так низко, что мы потеряем всех клиентов, и агентство прекратит своё существование навсегда!

– Меня это не волнует! – отрезал неподкупный Судья.

– Ладно, мы. Но как теперь быть с теми, кто уже купил подписку на просмотр телешоу в прямом эфире. Это миллиарды ангелов! Вы готовы их всех разочаровать?

– По закону вам обоим полагается огромный штраф за то, что вы занимались любовью в общественном месте. И если вы сейчас же не прекратите препираться, то будете до конца жизни его выплачивать, милочка, работая где придётся. Потому что вас до конца этой жизни переведут в службу! Но учтя смягчающие обстоятельства, Верховный суд галактики приговаривает вас обоих к процедуре глубокого раскаяния под надзором духовного наставника в храме на территории этой планеты без возможности её покинуть до завершения процедуры. – И Судья стукнул молотком, давая понять, что дело закрыто.

– Но почему вы так упорно не хотите меня туда пускать? – женским чутьём поняла Женевьева, что дело вовсе не в этом, а в смягчающих – сердце Судьи – обстоятельствах. Но Судья молчал. – Отвечайте!!! – активировала она навык Сирены, которым в совершенстве владеет любой Мастер Крика, всколыхнув его высшую сущность.

– Да потому что на этой планете моя жена! – неожиданно для себя выпалил Судья. – С которой мы так сильно поссорились в первую же брачную ночь, что Минерва убила Криком пятерых туристов в гостинице, а я просто слегка оглох. Так как она выбежала из номера перед тем, как начать на меня именно Кричать, с силой хлопнув дверью! И случайно убила

тех, кто открыл двери номеров и высунул головы в коридор на наши Крики. За что ей и вlepили пожизненное. Как существу, не умеющему владеть высоким даром. А меня, в наказание, заставили вынести этот приговор.

– Чтобы вас постоянно мучила с тех пор совесть? – поняла Женевьева, посочувствовав Судье.

– И вы очень сильно мне её напомнили. Вчера я тщательно рассмотрел материалы вашего дела... с камер. С разных ракурсов. И смотрел на вас, а видел там её! Словно бы всё это было со мной, в той гостинице! В которой и прервалось наше свадебное путешествие. Она была столь же удивительно прекрасна! И – развратна, как выяснилось после бракосочетания, что она уже не девственница! Поэтому-то я и не могу вас туда отправить. Это выше моих сил, поймите! С тех пор я так никого и не полюбил!

– И до сих пор один? – удивилась Женевьева, ведь закон галактики ему это официально позволял. Давая ангелам развод только в том случае, если твоя «вторая половинка» получала пожизненное. – Но тогда вы тем более должны меня понять! Я направляюсь на Землю исключительно для того, чтобы спасти мужа. И завербовала для этого самого Творца Вселенной! Опозорившись ради этой миссии перед всем агентством. А вы встали у меня на пути!

– А вы не хотели бы спасти не Женевьеву, а свою жену? – улыбнулся я, когда понял, что Судья вчера на неё запал. – Или хотя бы, под предлогом спасения, просто навестить же-

ну там. Получив от Минервы то, что не успели здесь. Во всей красе! Навигатор, как вы на это смотрите?

– Это будет вашей лучшей жизнью!

– Вы с ума сошли! Это что, попытка подкупа? – подскочил тот. – К тому же, никто мне этого не позволит, – беспомощно осел он.

– Судья, как вас зовут?! – вновь активировала Навигатор навык Сирены, который был просто необходим в её работе, чтобы мгновенно уговаривать несговорчивых клиентов, снова запав ему в душу.

– Меня? Херкле... – смутился тот под её взглядом, столь же откровенным, как вчера на записи.

Взглядом Навигатора, который видел Судью насквозь, все его тайные желания. И уже прокладывала у себя в голове прямой маршрут к его сердцу:

– Херкле, если вы полетите с нами, агентство рассчитает ваши судьбы так, что вы снова встретитесь. Вы поможете мне Пробудить Творца, а затем и он, в знак благодарности, Пробудит вас обоих. Вы хотите её вернуть? Такой шанс выпадает только раз в жизни!

– Это невозможно! – не поверил Херкле в своё счастье, о котором уже столько лет мечтал.

– А если я вас сейчас ударю? – усмехнулся я. – Это изменит ваше решение?

– Что?! В зале Верховного суда? Да это кощунство!

– А если вы ответите ему тем же? – улынулась Женевье-

ва.

– Боюсь, что тогда и меня отправят в Ад вместе с вами.

– Надолго?

– Навсегда! Мы если и сможем когда-нибудь выйти отсюда, то только по амнистии.

– Так именно за этим мы туда и направляемся, ваше глупейшее! – усмехнулся я. Активировал навык левитации, легко перемахнул через трибуну и ударил Херкле по лицу.

– Понеслась!!! – подтолкнула Навигатор Судью, активировав навык Сирены.

Тот на секунду завис и всё ещё сопротивляясь сам себе, ударил в ответ.

Но и этого было вполне достаточно. Никогда и никто ничего подобного в зале Верховного суда галактики себе не позволял. Решение было вынесено автоматически.

Никто из Судей больше не возражал, рискуя получить оплеуху и отправиться в Ад вместе с падшими. Понятное дело, что ни один местный не смог бы себе ничего подобного позволить, рискуя погубить карьеру Творца. Ведь за это любого из них навсегда перевели бы в службу. И только мне было на это плевать, ведь я был не местный. И меня, как Творца Вселенной, законы этой галактики мало волновали. Я сам их и создавал!

В тот день я преподавал Судьям хороший урок. И Творцы с тех пор начали действовать смелее. Всё отчётливее давая тем понять, что теперь Они, а не Судьи, высшая каста в ми-

роздании! И ставить Судьям свои условия для трансформации планет. Ведь они Творили историю, изменяя галактику! А Судьи? Как брахманы, они активно старались этому помешать, оставив «всё, как было». Но в тот день я сломал им эту «проверенную схему». И зуб Херкле, тело которого всё равно пришлось утилизировать.

Херкле так и не дал Судьям сделать из своего тела посмешище, как они настаивали: «В назидание Творцам!» Забальзамировать и выставить прямо в зале суда. Так как всерьёз рассчитывал вскорости выйти по амнистии и вернуться к любимому ремеслу. Понимая, что если он послушает Судей, то станет притчей во-языцех, и никто уже не станет относиться к его решениям всерьёз. И тогда об этом ремесле можно будет навсегда забыть.

Он искренне хотел верить, что всё получится и... навещать жену, которую и до сих пор любил! И без которой начинал уже, от одиночества, медленно сходить с ума. А потому и ударил в ответ, что Рай планет высшего типа, без неё, начинал ему уже казаться адом. А самый Ад, куда его теперь отправляли, уже начинал ему казаться раем – в её объятиях!

– Видимо, Бог всё-таки существует, – понял Херкле, ожидая в камере смертников подачи газа, – раз Он послал мне Творца и Навигатора. И не дал тут сойти с ума. Благодарю тебя, Творец Мироздания! – поднял он руки и взгляд к небу.

– Не за что! – усмехнулся я. Давая понять, что Бог действует через меня. – Творцы – всего лишь руки Бога. Ты

не знал? Я поначалу тоже боготворил Судей, пытался стать среди них лучшим, затем – Творцов. Пока не понял, с годами, что над всеми нами существует нечто, что мы называем высший разум. Именно так я и стал Творцом Вселенной. Это не я так решил, это Он меня выбрал. Когда я смог понять, чего именно Он от нас всех хочет.

– И чего же Он хочет?

– Сказки! И умеет это делать былью через таких, как я. Творцом Вселенной нельзя стать. Можно лишь быть Им избранным.

– Так это секта? – усмехнулся Херкле.

– Ага, размером с вселенную. Закрытая от обывателей секта высшего разума, который тебе пока ещё недоступен. Нет в тебе потенциала Творца, к сожалению. Но ничего, я над тобой ещё поработаю! – хлопнул я Херкле по плечу. Давая понять, что теперь и над ним распростёрта длань Божья.

Неслышно заструились по полу едва различимые струи усыпляющего газа, который стал медленно подниматься, постепенно сдавливая дыхание. И трое падших отправились в астральных телах на попутном Челноке из невидимой глазу материи на Землю.

Это была одна из самых заурядных планет, куда смывали через канализацию правосудия весь интеллектуальный мусор на периферию галактики. На свалку сломанных – морально – игрушек. Периодически обнуляя цивилизацию этой планеты, как только те активно начинали строить космиче-

ские корабли и колонизировать ближайшие планеты. Чтобы они опять не вырвались за пределы своей звёздной системы в более высшие миры и не натворили там бед. Доказывая всем, что их зря отвергли. Почему-то – с оружием в руках, как уже не раз было. Пока однажды на эту планету ни прибыл бог Ганеша, внося в их мироустройство существеннейшие коррективы. Столкнувшись там с её самыми заурядными представителями, которые, наивно думая, что он точно такой же, как и они, набивались ему кто в друзья, кто в жёны. Или хотя бы – в любовницы. Чтобы хоть как-то коснуться этого божества – Воплощённую Личность Верховного Господа, который и сам долгое время этого не понимал, наивно считая себя простым смертным».

Глава 9

– Пока ты читал, я снова слышал родную речь! – упрекнул его Ганимед. – Не верите? Так попробуй и сам не воровать мои обороты речи, которые я, как обороты двигателя, всё повышаю и повышаю!

– Местами откровенно идя вразнос! – понимающе усмехнулась я, как филолог.

– Усмехаясь в пустоту голов любителей порыбачить в чужой воде! – высокомерно усмехнулся Ганимед. – Выудив из моих рассказов пару трепещущих в руках красивых фраз. Что так и бьются на бетонном пирсе любого монолитного рассказа, пытаясь ударить в лицо скользким хвостом аффекта!

– Извернуться и снова упасть в океан забвения? – усмехнулась Креуса.

– Спокойно отправившись на глубину интеллекта её Создателя! – возразил Ганимед. – К таким же, как и она сама, дочь старика Нептуна.

– А помнишь, Ганимед, как Дез выложил в интернет мою «Кассандру»? – напомнил Алексей. – Задорный скоморох тут же украл из неё подружку смеха.

– Помню, он украл у тебя фразу: «Значит, я буду жить вечно!» Но Бытие тут же показало ему язык, чтоб не важничал!

– Так с тех пор, как эта фраза задорно мне изменила, мой смех стал более задумчивым. Как и у любого чопорного интеллектуала.

– Смех, да и только! – усмехнулась я. – Желающий, как и любой смех-сквозь-слёзы, хоть как-то отомстить ему за гибель своей подруги?

– Задорный скоморох не просто похитил её по обычаю горцев, – возразил Алексей, – это мой смех ещё мог бы хоть как-то понять и внутренне смириться, утробно усмехнувшись. Понимая, что задорные вершины славы ему пока ещё недоступны. Но и – публично изнасиловал!

– Нарушив все обычаи горцев?

– Ведь она звучала только в кельи текста, возносясь к своему Создателю, но никак не на слуху у публики.

– Не желая участвовать в этой групповухе!

– Как и любая затворница от посторонних глаз в хиджаб контекстуальных связей со своей роднёй – предварявшими её приход в этот мир фразами.

– Дождавшись от публики лишь жидких, как детский стул, аплодисментов! Сколько бы тот её ни повторял, задорно поворачивая с боку на бок её безжизненное уже тело.

– На глазах у всех!

– Покончив с собой, как только тот задорно попытался её продать на этом невольничьем рынке, как свою.

– Задорный скоморох не ожидал от неё, что она окажется настолько верной своему настоящему господину!

– Хотя, я и сам у Ганимеда кое-что присвистнул, – признался Алексей, – неспешно прогуливаясь по шумным летним бульварам его рассказов, беспечно засунув руки в карманы глубоких смыслов. Непринужденно посвистывая и черпая в свою речь его резкие, как забористая брага, терпкие образы!

– Но на то он и Ганимед, виночерпий Зевса! – усмехнулась я над ними.

Глава 10

А Креуса задумчиво спросила Алексея:

– Так ты лично знаком с Судьёй Херкле?

– Именно он и обратил меня пару лет назад в христианство.

– И с тех пор ты наивно веришь во всю эту религиозную чушь? – усмехнулась я.

– Верующих только потому и называют «слепыми религиозными фанатиками», что они уже не могут увидеть в Библии ничего нового и захватывающего, – возразил Алексей, – в отличии от подлинных ценителей жанра!

– Таких, как ты?

– Вы просто не можете заново Библию для себя открыть и найти в ней хоть что-то новое. То, что и составляет её истинную сущность! Заблудившись в дремучем лесу толкований догматов. Один за другим оступаясь во тьме невежества с этого могучего утёса!

– Так вот почему ты не пьёшь вино, религия не позволяет?

– Ваш горизонт мышления настолько узок и низок, что постоянно пригибает вас к земле, заставляя жить лишь одним днём! – вскипел Алексей. – Даже не задумываясь о своём дальнейшем существовании завтра и послезавтра!

– Не строить планов? – озадачилась я, так в клубе нам преподавали «Перспективное планирование».

– Да не в планах дело, а в качестве вашей текущей и всё время изменяющейся от ваших поступков жизни. Планы вы, конечно же, строите, это ваши, так называемые, мечты! Но вы ни секунды не задумываетесь о том, почему же вам всё никак не удается их осуществить.

– И – почему же? – криво усмехнулась я, пытаюсь примерить на себя эту шкуру.

– Да потому что в силу того, во что вы себя превращаете, вы становитесь просто-напросто непригодными, как некачественный уже материал, для того чтобы быть задействованными другими в сферу реализации ваших планов!

– Другими? – оторопела я. – Но при чем тут другие и мои собственные планы?

– Да при том что ничего из того, о чём ты мечтаешь, ты не сможешь осуществить в одно лицо! То есть вне непосредственного участия в этом других, имеющих сходные с тобой устремления. Для того чтобы они могли быть хоть как-то задействованы тобой на том или ином этапе твоего плана. Вот другие и служат средством «естественного отбора» тебя и твоей пригодности для обитания в «идеальных мирах» их чаяний и устремлений! То есть – пригодности тебя для твоих же собственных планов! И возможности их совместно с тобой хотя бы частично реализовать. На том этапе твоего плана, который для них сейчас наиболее актуален. Переведа ваши совместные планы из состояния Мечты отдельных индивидов о прекрасном, но лишь только возможном бытии

в состояние реальной общей Сказки!

– Сказки? – оторопела я.

– И это касается чего угодно, от самых грандиозных, до самых незначительных событий в твоей жизни! Ведь любая твоя деятельность, хочешь ты того или нет, носит общественный характер! «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», как сказал Маркс!

– «Ты правишь, но и тобой правят!» – согласилась я. С Парменидом.

– Поэтому всё будет у любого из нас идти «как по маслу», если мы будем пользоваться обратной связью, то есть учитывать мнения и действия других, корректируя своё поведение соответственно новым входящим данным. Идти кое-как. Либо вообще ничего не будет получаться, если мы будем думать только о себе и слышать только то, что говорим сами. Не обращая внимания на те знаки внимания, которые другие нам посылают.

– Кроме затрещин! – задумчиво усмехнулась я, вспомнив мать.

– Для того чтобы ты наконец-то начала задумываться о себе и меняться для своей же пользы! Для пригодности обитания в своих же «идеальных мирах»! Поэтому девушки и напоминают мне детей, которые истерично разбрасывают свои игрушки. Наивно полагая, что им никогда не придется их собирать.

– Детей? – нервно усмехнулась я, вспомнив свои прошло-

годние приключения в детском лагере.

– Но если дети начинают жизнь как недоверчивые животные, которые верят только себе, то что же нас делает такими доверчивыми, открытыми для других? – не поняла Креуса. – Внушенные нам идеи?

– Когда ты можешь хоть чему-то у другого научиться, сняв панцирь эго на время восприятия полезной для тебя информации, то Учитель становится на это время для тебя неким Сверх-Я, обретая над тобой подлинную власть! И чем больше ты сможешь у него научиться, тем далее пролонгируется его власть над тобой. Которая постепенно становится чуть ли не абсолютной! Заставляя глядеть на мир глазами Учителя. Так что бросай своё слепое поклонение вещам, открывай глаза пошире и давай за мной! – подмигнул Алексей, коснувшись её руки.

– За Творцом? – удивилась Креуса, задрожав в коленках. И поцеловала Творца в губы.

– А ты не хочешь рассказать Креусе, за какие «подвиги» тебя Творцом прозвали? – усмехнулся Ганимед, пытаясь охладить их пыл.

– Творец – это не просто прозвище, это мой высший принцип!

– Я тоже хочу обрести свой высший принцип! – снова подалась к Творцу Креуса.

– Но тогда ты будешь обладать более высшим разумом, чем сейчас! Постоянно читая сложную интеллектуальную

литературу в течение семи лет, не употребляя ни алкоголя, ни мяса.

– Но при чём тут алкоголь? – посмотрела она в свой кубок.

– Чтобы весь твой труд по трансформации физического мозга в высший разум не стал напрасным.

– Реально целых семь лет? – озадачилась Креуса.

– Чтобы активировать «мусорные гены» для полной и необратимой трансформации физического тела в светозарное!

– Так вот для чего монахи перебираются жить в монастыри! – усмехнулась я.

– Вначале книги по философии для меня тоже казались какой-то тарабарщиной! – возразил Алексей. – Но затем я стал читать их по четыре часа в день, и уже через пару недель в мозгу стало появляться какое-то слабенькое свечение. И с каждым днём этот свет становился всё ярче! А затем это голубое свечение уже через полчаса чтения начинало медленно подниматься над головой. С каждым днём все выше и выше! И достигло уже полу метра! Так что Александр Волков в книге «Семь подземных королей» всего лишь описал то, что случилось с ним самим, когда заметил над собственной головой этот «бриллиант» и стал всё это систематизировать. Поделившись с читателями, что король, у которого бриллиант крупнее и выше, обладает гораздо большей властью!

– Так выходит, если верить сюжету книги, ты никакой

не король, – рассмеялась я, – а всего лишь охотник на шестипалых!

– Но только так ты и сможешь стать богиней! А твоё тело – светозарным! Когда оно полностью перестроит свою структуру на генном уровне в полевую тем, что ты будешь постоянно пропускать свою энергию через сахасрару. Что позволит тебе через семь лет превращаться в энергетический шар двухметрового размера и перемещаться не только в пространстве, как ангелы во плоти, но и во времени, как боги!

– Только этим они и отличаются? – усмехнулась я.

– Тебе надо просто это вспомнить! Но не на словах, посадив об этом с подружкой, а на деле. Как сказал Христос: «Да воздастся каждому по делам его!»⁸

– Так вот что означает «вспомнить» – актуализировать! – дошло до Креусы.

– Твой череп заметно вытянется от того, что мозги, «закипая» от напряжения, перестанут уместаться в стандартную черепную коробку, которая досталась тебе от родителей.

– Как у фараонов? – удивилась я.

– Но это можно легко скрыть, начав носить шляпку! Или ты думаешь, для чего наш череп не цельная кость, а состоит из пластин? Он создан таким именно для того, чтобы твой мозг мог их постепенно распирать изнутри по мере увеличения объёма мозга. Создавая всё новые поля и подполя.

– Раньше черепа «продвинутых пользователей» мозгом

---

⁸ Мф. 16:27

вытягивались так сильно, что долгоживущим пришлось ввести в обиход цилиндры!

– В Англии?

– А ты думала, благодаря чему их потомкам до сих пор удаётся строить и реализовывать такие титанические планы?

– Причем, руками других! – усмехнулся Ганимед. – Чтобы короткоживущие сами делали то, что от них потребуется, повизгивая от восторга собой!

– Как Гитлер?

– К счастью, в наше время почти никто не пользуется мозгом для сверхинтенсивного саморазвития, так что черепа современников не нуждаются даже в шляпах, чтобы скрывать от обывателей то, что ты гораздо умнее их. И они с тобой ничего не сделали, как с Сократом.

– Поэтому шляпы постепенно выбыли из употребления! – вздохнула Креуса, осознав, как сильно деградировала планета.

– Это надо отметить! – усмехнулся Ганимед и стал разливать вино по кубкам.

Глава 11

– Ну и как же начать мыслить? – усмехнулась я, отхлебнув вина.

– По-настоящему мыслить ты начинаешь только после того, как набиваешь ум чужими мыслями! – неохотно ответил Алексей.

– Как Страшиле набили голову иголками?

– Научившись именно мыслить, а не молоть языком! Нужно наслаждаться самим процессом понимания чужих мыслей, ощущая то, как что-то в твоей голове от этого начинает происходить. А не просто пытаться эти мысли каким-то боком к себе приладить и уложить в поленицу мировоззрения! – возразил Алексей. – Поэтому чем сложнее для тебя постигаемые тобой мысли, тем лучше. Мысли – это твои игрушки, не более чем забавные шарады. Сам процесс их постижения тебя меняет. Делает не только ум, но и тебя сложней. И когда через пару недель занятий твоему телу все же удастся переключить твое внимание на себя и подвергнуть фундаментальному сомнению твою жизнедеятельность в игре мыслей, не имеющих к тебе прямого отношения, твоё тело наконец-то заставит тебя решить какую-то неотложную на данный момент проблему. И эта проблема вдруг решится для тебя уже совсем просто! По сравнению с теми абстрактными вопросами мирового уровня, которые твой мозг

решал, обрабатывая неимоверно сложную информацию. Ты начнёшь этим увлекаться и решать ещё и ещё одну проблему, ведь это касается качества твоей жизни! Делая для себя одно экзистенциальное открытие за другим. Так тело начинает мыслить!

– Всё понятно! – усмехнулась я. – Только вскипятив предварительно чайник, можно наслаждаться горячим чаем, разливая его по кружкам своих проблем!

– Перестав быть чайником! – усмехнулся Ганимед, встал и толкнул Алексея, который тут же рефлексивно обнял меня и повалил на траву.

– Ты знаешь, для чего этот олух нас столкнул?!

– Для чего?

– Чтобы я тебя поцеловал! Вот так! – поцеловал меня Алексей в губы. – Только о себе и думает!

И ещё раз меня поцеловал, пока я не успела вырваться и отвесить Ганимеду затрещину за оргию.

– Почему ты столкнул меня с Алексеем? – напала я на Ганимеда. – Чтобы Креуса сторела тут от ревности?

– Потому что ты уговорила её надеть своё платье, как злобная Медея! – засмеялся Ганимед, уклоняясь от посыпавшихся ударов.

– Я решила, что если Креуса будет в платье феи, то тогда она сильнее вам понравится! Я же говорила, что ей нужна встряска!

– Тогда почему ты тоже одела платье феи? – усмехнулся

Ганимед.

– Потому что клиент настаивал! А мне сейчас очень нужна эта тысяча!

– Соблюдаешь дресс-код? А я уже решил, что тебе тоже нужна встряска! И столкнул две элементарные частицы.

– Обойдусь без вас! Однажды я уже переспала с клиентом, и он тут же решил, что теперь я буду заниматься с его дочерью «по любви». С тех пор я не совмещаю постель с работой. Бизнес есть бизнес, ничего личного!

– Это надо отметить, – усмехнулся Ганимед и стал разливать вино по кубкам, – в твоей учётной карточке!

– Но как ты понял, что это не моё платье? – удивилась Креуса.

– Возможно, я нахватался этого у А. П. Чехова, – усмехнулся Ганимед. – Ведь его, ап-чихова, как земского врача, интересовали и в жизни лишь больные! И он в своих произведениях каждому стремился поставить свой диагноз.

– И подобно Айболиту: «И ставил, и ставил им градусник!»⁹ – засмеялся Алексей.

– Не понимая, что одним только градусником с такими, как вы, уже не обойтись. Но никак не решаясь применить к вам своё «ружьё». И, в итоге, окончательно всех добить. Контрольным в голову читателя!

– Вынуждая писателей «пойти в народ», как на стрельбище! – усмехнулся Алексей. – Но разве этот нерешительный

---

⁹ К. Чуковский, «Айболит».

интеллигент до мозга голубых костей был способен возглавить революцию? Прежде всего – в умах читателей, охватив широкие массы в свои объятия? Для этого Чехову пришлось раздать подобные «ружья» другим писателям и спровоцировать целый салют в литературе тех лет, чтобы вызывать специалиста из-за границы. И Ленин с радостью откликнулся на их колокольный зов, зазывавший его к обедне. Дописал «Детскую болезнь „левизны“ в коммунизме», бросил чтение швейцарских газет, затосковал по морковному чаю и решил вернуться на свою многонациональную родину, которую Ленин понимал, как никто другой.

– Благо, что в его крови противоречивые народности устроили себе настоящую потасовку. То и дело вываливаясь из него наружу, вышвырнутые в окно своими соседями по общежитию! – засмеялся Ганимед. – И с воплями кидались в никогда неутихающую драку у него в голове обратно!

– Так что вагон, в котором Ленин ехал в Россию, пришлось опечатывать. Дабы никто из него не вывалился на полном ходу и не отстал от поезда. И не пошел по миру пешком. Ведь Ленин возвращался домой без копейки денег, под честное слово по приезду тут же раздать долги и заплатить всем сполна.

– За убийство брата!

– И поэтому спал в вагоне на голом энтузиазме, укрывшись лишь пламенными надеждами ехавших с ним боевых товарищей.

– Согревающих ему душу, да, но не тело! Ведь Ленин перед отъездом накинул эту мега-идею прощельге Парвусу. Тот взял у германского правительства пятьсот тысяч марок на революцию в России, и, как обычно, всех надул.

– И громко лопнул, как воздушный шарик. И исчез, пока все были в шоке. Свято веря, что с такой головой этот трибун и сам справится.

– Тем более что в столице Ленина уже ждал, прибыв на его трубный зов из-за океана, его давний друг в клетчатом сюртуке и пенсне. У которого, как чуть позже всем стало известно из «Мастера и Маргариты»: «Одно стекло было треснуто, а другое вообще отсутствовало».¹⁰ То есть умевший делать деньги буквально из воздуха!

– Иначе как ещё объяснить биржевые спекуляции тех лет на Уолл-Стрит «зарядивших» его господ, словно обрез?

– Как подшучивали дельцы над обычаем его предков, легко коснувшихся Троцкого кончиком пера в самом нежном возрасте!

– Обрез, из которого Троцкий постоянно стрелял в воздух дуплетом. То есть и в личном общении с рыхлыми творожными массами, буквально пожирая их глазами, и в статьях, осыпая посетителей его «варьете» ворохом обещаний. Тут же, к их немалому удивлению, заменяя их грубые представления на шелковые иллюзии грандиозного будущего!

– Где все они станут шёлковыми!

---

¹⁰ М. Булгаков, «Мастер и Маргарита».

– Который, как уже опытный в огородных делах консерватор, давно освоивший навык мариновать богатый урожай своих идей в кристально чистых американских банках, захотел выйти за ограду рассудка и возглавить революцию в умах каждого. Перековав в горниле истории свою штыковую лопату в настоящий штык. И используя его столь же точно и решительно, как хирург скальпель.

– И вместе эти два диктатора пролетевшего над гнездом их съехавшей кукушки пролетариата стали решительно махать скальпелями и лечить страну. Отрезая «торчащие уши» из их концепции.

– Торчавшие именно потому, что пролетарий, будучи более примитивен, чем светский лев, будет гораздо более жесток, дорвавшись до власти над точно такими же приматами, как и он сам. Ведь он знает их изнутри как Шариковых Михаила Булгакова из «Собачьего сердца» и не склонен врождённой культурой с детства их жалеть и идеализировать. И «уходить в народ», чтобы постепенно приучить их к мысли, что они и сами смогут осуществлять власть.

– Но так и не уяснив того, что пролетариям всё равно, кто их угнетает, заставляя работать во благо страны, мифический злой дядька с плетью управленца, заставлявший их работать «по щелчку», или же точно такой же холоп, как и они сами, дорвавшийся до власти. Как Хрущёв.

– Но уже – от звонка до звонка! – засмеялась я. – Превра-

щая страну в «Архипелаг Гулаг». ¹¹

– Который не обращал внимания на письменно задокументированное недоумение Сталина: «Уймись, дурак!» И выдавал на-гора более всех репрессированных в своём округе. Придавая таким образом игры с народом больше объема и глубины рисунку своей картины мира, независимой от мнений и чаяний большинства. Подчеркнув этой псевдо элитарностью способность проводить в жизнь сугубо свои планы.

– Чтобы его заприметили и взяли в оборот долгоживущие, продвигая во власть наряду с другими врагами собственно-го народа. Ещё даже более щетинистыми и Ежовыми, чем тот, кто даже на смертном одре жалел только о том, что не успел в своё время расстрелять иглами всех своих обвинителей. Прошивая их своим взглядом к сфабрикованным ранее на них «делам».

– Скорее уж по привычке соблюдать клановые интересы, чем из природной злобности и маниакальной жажды мести, как это тут же преподнесли на блюде СМИ вечно перепуганным народным массам, которым только и дай поохать и поахать! Побуждая их работать исключительно аховыми методами на «Стройках века». Во имя... Превращая рабочее место каждого в окоп трудового фронта.

– Не замечая из этих землянок того, как украинская партийная линия постепенно вытесняла грузинскую, которая

---

¹¹ А. Солженицын, «Архипелаг Гулаг».

всё это время наивно пыталась враждовать с армянской. В то время как украинская у них же на заднем дворе росла, как на дрожжах из-за океана, под крышей Троцкого. Согласно его нео-ветхим заветам. Как и любой нео-пророк, пытавшийся создать революцию в умах во всём мире, но уже на основе не менее фанатичного поклонения экономическим теориям, Золотому Тельцу.

– Которого тут же высмеяли Ильф и Петров, как Остапа Бендера! – засмеялась я. – Потерявшего Золотого Тельца при попытке удрать через границу!

– Но так и не смогли оценить ни всей широты его размаха, ни глубин интеллекта Ленина, этого Кисы Воробьянинова из дворянской семьи. Вынужденно купировав крылышки им обоим, отлучив от отца Фёдора (семинариста Сталина), чтобы хотя бы попытаться втиснуть эту «святую троицу» в мозги обывателей, как в могильник!

– Завернув эти и до сих пор радиоактивные отходы от истины в полотно своего бессмертного шедевра, как в погребальный саван, со всеми почестями.

– Намекая своим названием предыдущего бестселлера «Двенадцать стульев» на возведение их в один торговый ряд с двенадцатью апостолами. Разумеется, как более мелких, чем апостолы, но не менее исторических персонажей! Чтобы каждый мог твёрдо усесться на них, освоив всё их творчество – Сталина, Ленина и Троцкого. И только тогда приступить за круглым столом диалога их противоречивых логик

к более сакральным блюдам.

– Таким, как извращенное Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом Учение потомственных скотоводов в «Капитал», где «прибавочный продукт» есть часть приплода молодых агнцев, которых можно пустить под нож, а «необходимый продукт» есть часть агнцев, которых необходимо оставить для восстановления поголовья скота. И трансформировали это Учение, где самого лучшего агнца нужно прирезать и зажарить, в формат научно-экономической теории. Публично, якобы, отрекшись от религиозного контекста. Заявив, что: «Религия – опиум для народа».

– Заставив социалистов и капиталистов ещё более фанатично поклоняться «Капиталу» как Золотому Тельцу. Тому самому – лучшему – агнцу! Мол, долой старую религию и да здравствует новая! В которой была своя «святая троица» – Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Владимир Ленин, «иконы» которых в принудительном порядке висели в советское время чуть ли не в каждом кабинете.

– Оставивших нам на память о себе не только свои многочисленные тома, но и многочисленные швы буквально по всей планете! Соц. лагеря за колючей проволокой с ожидающими там подъема красного, от крови их жертв, занавеса в конце этой затянувшейся трагикомедии.

– Швы, которые и до сих пор так и не смогли как следует затянуться. Выдохнуть, отбросить фронтовую сигарку и зарастить ковылём, быльём и кованым стихом. Взывая к нам, ес-

ли смотреть на них из космоса, чёрными провалами пустых, выжженных от избытка их внутренней энергии, глаз.

– Даже не подозревая о том, что это была, есть и будет есть мозг каждому из нас именно медицинская литература про диктатуру пролетариата.

– То есть, как показала их медицинская практика, про диктованный пролетариату бред сумасшедшего о маниакально одержимых утопичной идеей социальной справедливости без царя в голове и во главе.

– Что, конечно же, было всего лишь частным случаем земской практики. Лишь слабыми отголосками стонов из антологии мировой медицины, второпях создаваемой для лечения социальных язв на теле давно уже смертельно больного общества со слабым пульсом именно социальной жизни. Постоянно бьющегося в агонии бесконечных реформ и декретов.

– Многотомный бред которых находил себе выход в творчестве последовавших вслед за этими хирургами дадаистов от социологии и политики по всей Евразии! Которые творчески и с огоньком в глазах, руках и промежностях расторопно устраняли друг друга из очереди за репкой. Пока и их самих не выдернул из грядок висячих садов элиты власти и не поглотил огонь истории во тьме невежества преследователей их талантов.

– О, как я понимаю после этого Брэдбери и его бредовых пожарных! – усмехнулся Ганимед. – Адекватно оцени-

вавших антиутопии всех этих социальных фантастов, творивших насилие, как и любой палач, под маской «Непреложных (к лицам обычных граждан) законов исторического развития». Но Брэдбери жил с другой стороны океана и просто физически не мог оттуда услышать нашу поговорку, гласящую в рупор о том, что перо не только гораздо увесистей боевого топора, но и, по сути, есть копье, которое можно весело метнуть глубоко-глубоко в будущее, пронзая вечность! Ловите ж, братья и сестры! Только смотрите, чтобы оно не ударило вам в голову, как шампанское! Аккуратно разделяя вас на до и после. Хотя, кому я это говорю? Я приглашаю вас всех к себе на бал! Со всеми вашими орудиями пыток и труда по обезоруживанию испытаний трудностями. Дамы с заточенными перьями литературного таланта в шляпках и причёсках приглашают кавалеров с перьями наголо! Хватит стесняться, пора публично обнажаться и творить жизнь по своему образу и подобию! Ведь народ должен не только знать, но и публично любить своих героев. Как и завещал Сталин: «По пять часов в день!» Долго и подобострастно! – подмигнул Ганимед Креусе.

И Креуса его поцеловала. Долго и подобострастно.

Глава 12

– Так ты своей «Книгой Жизни» наивно хочешь покорить мир? – усмехнулась я, листая распечатку.

– Предупреждаю, что ни Будда, ни Кришна, ни Христос, ни какие-либо другие религиозные или же исторические персонажи из моих книг не имеют ничего общего с реальными историческими личностями, описанными в учебниках по истории и религии. А являются моей художественной интерпретацией, призванной (с того света) поделиться с читателями тем реальным духовным опытом, который со мной произошёл.

– Подобно тому, как ни Великий Инквизитор Достоевского, ни его Иисус из «Братьев Карамазовых», – улыбнулась я, как филолог, – ни кто угодно другой из его героев не имели ничего общего с современными ему личностями.

– Даже если любая из моих стареющих в Находке бывших станет уверять вас: «Да! Всё это именно так и было. Только, на самом деле, он бросил меня с детьми!» Не верьте ни единому её слову, это чистой воды враньё!

– Но если во времена Достоевского читатели это ещё понимали, – усмехнулась я, – обладая обширным интеллектом и глубочайшим пониманием прекрасного, то в наше время массового искусства, когда читатель обладает лишь рассудком, падким до безобразного, боюсь, что уже нет.

– И тут же начнёт обвинять меня в том, что я изображаю его любимых Учителей вовсе не так, как он привык их воспринимать. Забывая, что Художник только потому и пишется с большой буквы, что не только видит, но и изображает привычные всем вещи вовсе не так, как обыватели с их рассудительным рассудком!

– Ох уж этот рассудок, он всё норовит принять за чистую монету! – усмехнулся Ганимед. – Ведь для рассудка важно установить, что данная ему монета является именно той, за которую она себя выдаёт. А не её чистота – её потенциал!

– Так о чём же тогда твоя книга? – не поняла Креуса.

– О себе-любимом. Сочинение на тему: «Как я провёл лето!»

– Но тогда почему ты решил, что ты – Творец? – усмехнулась Креуса. – У тебя «синдром Наполеона»?

– Архангелы недавно послали мне осознанное сновидение с фрагментом моего будущего, которое я, как проснулся, тут же записал. Прочитать?

– Ну, давай! – улыбнулась Креуса.

Алексей достал из портфеля тетрадь и стал читать:

«Оглядев себя, я обнаружил, что сижу в тёмно-серой рясе у стены многоэтажного здания прямо на тротуаре. В моих длинных волнистых волосах было полно перхоти, и я понял, что их снова пора помыть.

Мимо проходили американцы всевозможных рас, недо-

верчиво поглядывая на бородача в рясе. А одна молоденькая афроамериканка в белой блузе и серой юбке средней длины пожалела меня и кинула несколько смятых купюр, приняв за нищего.

Я дёрнулся, понял всю унижающую меня ситуацию, встал и быстро пошёл прочь по тротуару. Девушка посмотрела на кинутые на мостовую купюры, от которых я шараялся в сторону, но не стала их подбирать и, покачав головой, пошла прочь.

Набрёл на какой-то книжный магазин и увидел сквозь витрину свою книгу, выставленную на деревянных стеллажах наряду с другими хитами продаж. Пока я рассматривал витрину с новинками, из магазина вышла продавец. И приняв за нищего, попыталась прогнать вон. Но я указал на книгу:

– Я её автор.

Та поняла, что ряса и длинные волосы с бородой это моё амплуа, призванное продвинуть книгу, и переменилась в лице:

– Проходите в магазин! – пригласила она уже тёплым тоном. – У нас тут после издания вашего бестселлера появились и другие новинки. Не желаете взглянуть? Вот автор, который вас «затмил», – улыбнулась девушка, указав на книгу модного теперь автора.

На что я не стал даже заходить и лишь скривился:

– У меня-то подлинное искусство! И этот однодневка мне

неровня!

На что продавец стала предлагать мне мою же книгу:

– Купите один экземпляр, будет что подарить своим знакомым.

– Но я в Америке ещё никого не знаю.

– Вот и будет повод хоть с кем-нибудь познакомиться! – настаивала она на покупке. – Покажете им свою книгу, и вас тут же начнут уважать!

– Но я не взял с собой денег, – возразил я, пожалев уже, что не подобрал брошенные на асфальт купюры.

– Может быть, карточка?

– В моей рясе нет карманов, – улыбнулся я и символически похлопал себя по бокам.

– Но вы же можете продиктовать мне номер счёта в банке, – не сдавалась та.

– Я его не помню, – улыбнулся я и стал от неё уходить быстрым шагом.

Прошёл пару кварталов, забрёл в подворотню и увидел там синюю спортивную. Проходя мимо, вдруг заметил, что на заднем сидении лежит книга именно того автора, который меня «затмил».

В машине никого не было. Я нерешительно дернул ручку. Машина оказалась не заперта. Огляделся по сторонам, взял книгу и стал читать, облокотившись о заднее крыло пятой точкой. Решив, что тут же отдам её хозяину, как только тот появится, да и всё тут.

Читать по-английски было намного тяжелее, чем говорить. Тем более что автор активно использовал «герменевтический круг» и другие литературные приёмы. И так как через пару минут никого так и не появилось, я открыл нараспашку заднюю дверь, уселся ногами наружу и продолжил чтение. А ещё через пару минут залез в машину с ногами. Сидеть стало гораздо удобнее.

«Нет, он мне не конкурент!» – решил я, разочарованно закрыв книгу.

И тут возник Никто!

– Ты чего это уселся в мою машину?! – стал возникать тот на подступах. Всё отчётливее.

– Да, вот, хотел книгу посмотреть, – стал я непроизвольно оправдываться. Положил книгу и вылез наружу.

– А кто тебе разрешал?! – напирал тот. – Это что, твоя книга?!

Когда он подошел на ударную дистанцию, я рефлекторно хотел нанести упреждающий удар. Но тут же мысленно стал раскаиваться: «Прости меня, Господи, что я на него разозлился».

Тот увидел, что нарушитель порядка повесил нос, и одобритительно хмыкнул:

– Ладно, не переживай! Я и не хотел тебя бить.

– Да это я перед Богом каялся, а не перед тобой. За то, что хотел тебя тут же вырубить.

– Повезло тебе, что ты передумал!

– Почему это? Я последние два года активно занимался физическими нагрузками и в прекрасной форме! К тому же, у меня нокаутирующий удар, которым я и хотел тебя тут же вырубить, чтоб не драться.

– Потому что ты уже старый, а я – молодой! – усмехнулся тот. – К тому же, я боец NFC!

– Ты боец NFC?! Круто!

– Я в последних боях участвовал! Не узнал?

– Нет. Я смотрел телевизор, когда чемпионом мира был Майк Тайсон.

– Да, давно это было. Меня, кстати, Джим зовут, – протянул он руку. – Джим Крайслер. А тебя?

– Алексей Иванов! – пожал я твердую руку спортсмена. – Я, просто, и сам писатель, а в магазине продавец мне сказала, что этот писака затмил мою «Книгу Жизни».

– Ещё бы! – усмехнулся Джим, забирая книгу. – Да, я читал твои книги! Но читал их в электронном виде, а не на бумаге, как ты советовал.

– Ну и как, понравились?

– Да. Особенно, «Мягкая Сказка»! Мегера – просто класс! А ещё мне понравились там твои похождения с Йориком. Напиши про него что-нибудь ещё. С удовольствием читаю!

– Хорошо, постараюсь что-нибудь вспомнить.

– Но больше всего мне понравился «Ассортир»!

– Ну, ещё бы! Это моя последняя книга. А потому-то и са-

мая лучшая!

– Там мне больше всего понравилась Натали!

– Да, она шикарна!

– А в «Сиринге» мне понравился тот момент с внезапным появлением Волшебника. Я потом в других книгах только эти моменты и искал. «Книга Жизни» тоже ничего.

– Ничего? – оторопел я, так как считал эту книгу самой важной.

– Да и «Кассандра» тоже мне понравилась.

– «Кассандра»? – ещё больше удивился я. – Это моя самая первая книга, поэтому я считал её самой слабой.

– Нет, нормальная, – возразил Джим. – Ведь там я тоже встретил Волшебника! Правда, там места, где эти твои диалоги с Дезом, я пропускал, если честно. Слишком нудные они. Тем более что ты и сам писал, что те, кто не являются поклонниками нон-фика, могут пропускать их. Вот я их и пропускал.

– Так я написал это, чтобы ты прочитал их, когда будешь читать мои книги во второй раз. Но уже – как нон-фикшн! К тому же, все мои шутки становятся понятны только после повторного прочтения, это моё ноу-хау! Ты прочитал мои книги во второй раз?

– Нет, конечно!

– Значит, ты так ничего и не понял.

– Да всё я понял! – отмахнулся Джим. И достал из машины бутылку бренди. – Будешь?

– Нет, – съежился я.

– Почему это? – удивился Джим, отвинчивая крышку. – Я хотел бы отметить нашу встречу! – выпил он с горла и протянул бутылку.

– Религия не позволяет, – показал я на рясу. И передёрнулся при виде того, как Джим снова приложился к бутылке. – Это тебя убьёт!

– Не каркай!

К машине подошла девушка и глянула исподлобья.

– Да не смотри ты на него так! – махнул рукой Джим. – Это его сценический имидж, он писатель. Познакомься с Лайзой.

– Алексей Иванов! – улыбнулся я. – Я явился в Америку, чтобы продвигать «Книгу Жизни».

– Явился? – усмехнулся Джим. – Извини, забыл, что боги не приходят, а являются!

– Ну, да, – улыбнулся я, – термина «телепортация» тогда просто не было.

– Да, я читала ваши книги.

– Присядем? – предложил Джим.

Лайза села возле меня на заднее сидение, и я почувствовал себя рядом с ней крайне неудобно.

– У тебя зрелый невроз! Поэтому ты видишь мир в негативном ракурсе.

– Да, врачи мне об этом говорили, – подтвердила Лайза. И пристально оглядела гостя с головы до ног.

– Я мог бы тебя вылечить, но для этого надо дней десять.

– Ты куда-то спешишь? – удивился Джим.

– Не могу же я тут с вами целых десять дней болтаться?

У меня дела.

– Может, поедим чего-нибудь? – предложил Джим и завёл машину.

– Но я не взял с собой денег, – возразил я. И снова пожалел, что не подобрал те купюры.

– Чтобы никто не понял, что ты – миллионер? – не поверила Лайза.

– Вот он и делает вид, что «беден, как церковная мышь»! – засмеялся Джим, показав на рясу.

– Я скрываюсь тут, если честно. Вы просто не понимаете, какие у меня теперь могущественные враги. Мне пришлось уничтожить тех, кто пытался запретить «Книгу Жизни».

– Уничтожить физически? – оторопела Лайза.

– Нет, блин, интеллектуально! – засмеялся Джим.

– Астрально! – возразил я. – Вы просто не представляете ещё, что это за грозное оружие! Демоны выгорали изнутри медленно и задорно! Прекрасно понимая, в отличии от Задорнова, за что именно это с ними происходит.

– Ладно, колдун, поехали, я тебя угощу! – засмеялся Джим. – Или ты думаешь, сколько я зарабатываю на боях?

– Видимо, вполне достаточно.

– Видимо? Видимо-невидимо! – рассмеялся Джим и нажал на газ.

– Видал? Это он после твоих книжек так заговорил.

– Я называю это «родная речь».

– Ты давно ел? – оглянулся Джим.

– Дня два назад. Поэтому пока что не особо хочу.

– Два дня назад?! – удивился Джим. И выехал на Центральную улицу.

– Я давно уже перешел на питание кишечником и теперь могу есть раз в три дня. Но с удовольствием поел бы!

– Ещё бы! – усмехнулся Джим.

– А я думала, что ты всё врал про питание кишечником.

– Да я вообще в своих книгах ничего не врал. Там описаны реальные упражнения, которые я практикую.

– И что, ты теперь снова Господь?

– Да пока что не особо, – стушевался я, избегая гордыни, – сам хочу посмотреть на то, что из всего этого получится.

– Тебе стейк заказывать? – спросил Джим, паркуя машину возле закуской.

– Конечно! – улыбнулась Лайза.

– Так ты хочешь оставить всё, как есть? – удивился я.

– Но при чём тут стейк?

– Моисей же сказал: «Не убий». Каждому! Навсегда. Что-бы именно ты прямо сегодня не ела мясо.

– Я думала, что эта заповедь запрещает убивать ближнего.

– Ты, вообще, читала «Ветхий завет»? Я его вначале читал как социальную фантастику. Ведь там описывается то, чего не может быть по мнению обывателя, каким я был, пока не начал практиковать религию. И на собственной шкуре

не убедился в том, что там всё-всё по-настоящему!

– И даже яблоко «добра и зла» это не метафора?

– Нет, яблоки сладкие. А Блаватская писала, что неопитам сладкое есть нельзя. Потому что сладкое вызывает неукротимое сексуальное желание духовно «убить» ближнюю.

– Убить ближнюю? – оторопела Лайза и ударила Джима в плечо. – Я же говорила! Только дружба!

– Я давно уже не верю в дружбу мужчины и женщины. Это иллюзия.

– А она не только в это свято верит, но и проповедует эту ересь в каждом своём поступке! – усмехнулся Джим. – Не давая мне и шанса.

– Ты зря отказываешься. Если Джим и в самом деле искренне тебя любит, то это поможет вылечить твой невроз.

– Ну, только если в медицинских целях! – глубоко вздохнула Лайза.

– Но не чаще, чем один раз в месяц! – сразу предупредил я. – Чтобы Джим смог сублимировать достаточное количество энергии. Иначе эффект будет обратным.

– Два стейка, два пива, три картофель фри и молочный коктейль для этого «ботаника». Без сахара! – подмигнул Джим. И протянул деньги официантке.

– Что ж, холодильник опять победил Бога, – вздохнул я, как только принесли еду, и запахло хорошо прожаренным стейком. Сглотнув слюну. – Пойми, – обратился я к Лайзе,

которая впилась зубами в стейк, – энергия духа покидает тебя всякий раз, как только ты ешь мясо или пьёшь спиртное. Это Создатель на планете Тронный Зал специально так создал наше тело, чтобы каннибалы не становились духовно продвинутыми. Как архидемоны, которые смогли эволюционировать из полутораметровых тараканов, постоянно вращая клешни, – показал я, начав быстро-быстро вращать кисти рук. – Так что мне, как позавтракаем, придётся вас покинуть. К сожалению.

– Ты больше не хочешь с нами кататься? – удивилась Лайза, пережёвывая сочный стейк. И вытерла рот салфеткой.

– С бесами – нет. С потенциальными ангелами – сколько угодно!

– Теперь ты и меня обзываешь, да? – усмехнулся Джим. – А я хотел пригласить тебя на бой! Сегодня вечером я выступаю, мог бы посмотреть. Бесплатно! Я могу провести двоих.

– Бес – это термин, означающий духовно нищее существо. То есть без «прибавочной» энергии, как сказал бы Карл Маркс. К тому же, если ты ведёшь себя, как исчадь ада, поедая мясо своих ближних, то кто ты? «Ангел» и «бес» это не комплимент и не ругательство, это термины, определяющие твою сущность и, как следствие, линию поведения. Бог хочет, чтобы ты был близок к Нему не только на словах, изучая писания, но и на деле.

– «По делам вашим дано вам будет»¹², – улыбнулась Лайза.

---

¹² Мф.16:27

за, запивая стейк пивом.

– Так сказать, экзистенциально, на практике. А красиво рассуждать о высоком каждый может, тут ума не надо. Изменить своё бесовское бытие на ангельское – вот в чём вся фишка!

– Основной вопрос экзистенции! – поправила Лайза.

– Нет, далеко не каждый может, – возразил Джим, доедая стейк. – Очень много тех, которые и рассуждать не могут, как мы.

– Но это не делает тех, кто умеет рассуждать, лучше! Только дела.

– Постепенно изменяя свою природу с бесовской на ангельскую, – поняла Лайза. Раздумывая уже над тем, заказывать ли ещё пиво, вертя стакан. – Молочный коктейль! – крикнула она официантке и посмотрела на меня. – Два! И булочку!

– Но я уже наелся, – возразил я, допивая коктейль.

– Возьмешь с собой! – твёрдо сказала Лайза. – Я хочу, чтобы ты во время боя передавал Джиму энергию, как Моисей. А когда кто-нибудь возле нас станет есть хот-дог, ты не искушался и съел булочку.

– Да! У меня сегодня очень серьёзный противник, на кону большой куш! Если сможешь выиграть, поделим деньги!

– Ладно, сделаю что смогу. Только больше не пей спиртное, иначе моя энергия будет тут же «покидать неблагоприятный сосуд».

– Но почему ты воспринял это осознанное сновидение, как послание архангелов? – нарушила возникшую тишину Креуса.

– Потому что архидемоны тоже не сидели, сложа руки! И время от времени посылали мне свои компиляции вероятного будущего. Формируя их из того, каким я его себе тогда представлял! Вначале они посылали мне во снах моменты, где я договаривался о переводе книги на японский язык. А уже непосредственно перед выходом книги в печать меня вызвали в высокий кабинет и спросили через молоденького переводчика, не собираюсь ли я организовать в Японии секту? Так как после чудачеств «Аум-Сенрикё» им было запрещено издавать религиозную литературу. Тем более что в кабинете перед ними стоял длинноволосый бородач в тёмно-серой рясе, подтверждая опасения.

– И что же ты им ответил?

– «Я не собираюсь заниматься организацией религиозной секты ни в Японии, ни где бы то ни было ещё. Моя единственная задача – отомстить Америке за развал моей страны!»

– И – что?! – оторопела я.

– Переводчик наклонился к должностному лицу и перевёл эту фразу. Тот чуть подумал и кивнул. И переводчик поздравил меня: «Ваша книга будет издана!» Я проснулся тогда в холодном поту и долго думал над тем, что это было.

Ведь я и не собирался мстить Америке, – заверил Алексей, – даже в страшном сне! А тем более – в столь неотличимом от реальности. Вспоминая то, что «я» же говорил. И быстро понял, что это был популистский ход с моей стороны. Ведь чиновник, принимавший сложное решение о том, опубликовать ли мою книгу, как представитель более старшего поколения ещё помнил о том, что это Америка скинула атомную бомбу на Хиросиму.

– Чтобы чиновник захотел издать твою книгу в пику Америке? – удивилась я. Что всё так сложно.

– Тогда как на самом деле Америка сбросила атомную бомбу вовсе не для того, чтобы «показать, кто в доме хозяин». Ведь японцы так и не поняли этого ровно до тех пор, пока воины СССР не разбили их кантунскую армию в Манчжурии. А как раз для того, чтобы одержимые идеями англичан японские генералы перестали втягивать свою страну в войну с Китаем. И навсегда смирить их имперские амбиции.

– Чтобы утереть нос Англии, выбив Японию из обоймы англичан?

– Чтобы англичане больше не могли вооружать Японию и угрожать её боевым потенциалом ни Китаю, ни Корее, ни другим соседям. Включая СССР, партнера Америки в те благодатные времена. А были бы с тех пор сугубо мирными гражданами. Какими японцы благодаря Америке теперь и стали.

– Подорвав сбросом атомной бомбы на Хиросиму все

дальнейшие планы англичан! – подтвердил Ганимед. – Ведь Америка тогда, по сути, оказала Японии услугу, нанеся упреждающий удар! Если вспомнить о том, что тогда планировалось долгоживущими сотворить с японцами в ближайшем будущем. Что неизбежно произошло бы, не подставь Америка Японии своё братское плечо!

– То есть раз и навсегда положив – с бомбардировщика на Хиросиму – конец вечной вражды Японии со всем миром, – подтвердил Алексей, – запретив им иметь войска и ядерное оружие.

– Но почему же тогда чиновник тебе поверил? – так и не поняла я.

– Шестьдесят четыре процента россиян проголосовали против развала СССР, но его всё равно развалили. Американские кураторы нарушили данную нам Богом свободу выбора! А как спрашивал апостол Петр: «Вы пытались обмануть Бога?!» Ты помнишь, что апостол тогда за это с ними сделал?

– Нет.

– А чиновник ещё помнил! И полистав «Книгу Жизни», понял, что я не просто верю в Бога, но общался на Летучем Корабле с архангелами! Вот чиновник и решил, глядя на мою ряску, что я тоже хочу отомстить тем, кто нарушил свободу выбора россиян в лучших традициях Петра!

– Так ты реально Господь Бог? – удивилась Креуса.

И Алексей положил голову ей на ноги, целуя руки, что-

бы Креуса начала гладить его по голове, как своего котёнка. Ему было всё равно, кого очаровывать, лишь бы как можно быстрее приступить к сладкому.

На что я начала строить ему вновь прекрасные (то глубокие, как небесная синь, то игривые, как морская гладь) глазки с быстрыми бурунами эмоций, роившимися от вина в моих голубых глазах. И как только Алексей поддался на мои чары и переложил голову на мои ноги, показала язык Креусе, желая отомстить ей за то, что она увела у меня Ясона.

– То, что ты имеешь и умеешь и является причиной возникновения у тебя обмана зрения, который и не дает тебе видеть дальше собственного носа! – улыбнулся Алексей. – Зримое всегда обманчиво. Не подстраивайся под других, мир – вот лучший настройщик! Со-настройся с миром. Мир по-прежнему чист и прекрасен, как первобытный девственный лес. Мы сами запускаем в него волков, чтобы было от кого убегать и на кого охотиться. Перестань играть в чужие игры. Это – их игры. Ты не они. Ты – означает один. Они – стадо. Преврати себя в заповедник. Сызнова стань ребёнком и поиграй в блажь! Выколи ребёнку «глаза». Отпусти его в мир. Пусть мир снова станет для тебя полон удивлений и новых открытий!

Но я вспомнила свои прошлогодние приключения в детском лагере. Поняла, что он будет мешать мне куражиться. И снова к нему охладела.

Глава 13

Вечером, когда Алексей развёз Ганимеда, которого уже и без того развезло и ставшей чуть более развязной к нему Креусу, он остановил машину на торце дома у бетонной плиты и стал прощаться:

– Ну, спасибо за то, что мы приятно провели время.

– Нет-нет, это тебе спасибо, ведь это ты его провёл! – усмехнулась я. – А мы просто были с тобой в доле, помогая тебе его провести!

– Вот и спасибо, что помогли повернуть эту аферу! – улыбнулся Алексей. – Пока!

– А ты не хотел бы ко мне подняться?

– Ты хочешь, что бы я провёл время у тебя? А твои родители не будут против этой сомнительной аферы? – усмехнулся Алексей. – Ведь уже поздно.

– Мать сегодня на сутках на Хлебокомбинате. А отчим опять в морях. Мать не знала, во сколько я вернусь, поэтому младшую сестрёнку отвела к бабушке. Так что дома никого нет, можешь не опасаться, что тебя за это женят! – подмигнула я.

Окрылённый предвкушением, он взлетел на второй этаж.

Но я проводила его на кухню, усадила за стол и включила чайник.

– Есть хочешь, разогреть? – улыбнулась я. Рассчитывая,

что пока он будет есть, я схожу в душ.

– Ты пытаешься сделать жертвоприношение?

– А то мать говорила, что боги злые, когда голодные.

– Спасибо, но я пока что не голоден.

– Ты стесняешься?

– А ты завидуешь, что моя талия тоньше твоей? – усмехнулся Алексей и сжал свою талию ладонями. – Иди сюда, я хочу проверить, у кого из нас талия тоньше, твоя или моя? Если проиграешь, то с тебя поцелуй!

– А если выиграю? – усмехнулась я. Над тем, что Алексей обхватил мою талию ладонями.

– Моя талия тоньше! С тебя поцелуй!

Я не поверила и обхватила его талию. А затем – свою.

– Ты снова хочешь сказать, что я растолстела, как Винни-Пух?

– Интересно, я смогу тебя поднять, Пух?

– Попробуй, Свинни!

Алексей легко подхватил пушинку, перенёс на руках на постель родителей и стал забирать вознаграждение.

– Прости! – отстранилась я. Ведь он так быстро начал атаку, что я не успела сходить в душ. – Но я давно уже договорилась с матерью, что никогда не буду делать этого на её брачном ложе. И если Геката об этом узнает, тут же выгонит меня из дома. Мы решили, что пока я учусь, у меня не будет серьёзных отношений. И поэтому на лето я хочу снова пойти работать вожатой в детский лагерь. Чтобы она перестала

думать про меня всякую ерунду.

– Это ты обо мне?

– Обо всех парнях. Тем более что у меня уже есть парень, – поднялась я с кровати и пошла на кухню. – И я не хотела бы ему изменять, если честно.

– Какой ещё парень? – удивился Алексей и уныло побрёл на кухню.

– Парис. Я познакомилась с ним на рок-фестивале «Арго». Он участвовал как вокалист рок-группы «Конструкция ветра». Ты наверняка его знаешь.

– Да откуда?

– Я думала, что ты знаешь всю нашу музыкальную тусовку.

– И давно ты встречаешься с этим аргонавтом?

– Да уже пару месяцев после рок-фестиваля.

– Тогда зачем же ты приглашала меня то на пляж, то на дачу?

– Я же говорила, что Креуса недавно рассталась с парнем. Поэтому, как только ты позвонил и предложил мне встретиться...

– Тогда какого лешего ты постоянно мешала нам?

– Сама не знаю, – вздохнула я. – Ты мне и самой неожиданно так понравился, что я перестала себя контролировать. Но потом, когда я увидела, что ты уже полностью мой, то успокоилась и меня начала терзать совесть.

– Несколько раз подряд?

– Ведь я приглашала тебя для неё, а не для себя.

– Тогда для чего ты позвала меня сейчас на кофе? Тоже себя не контролировала?

– Просто, попить кофе. А ты что решил?

– Что ты ведёшь себя, как героиня романа «Собака на сене» Лопе де Вега, заставляя меня каждый раз думать, что я тебе нравлюсь.

– Прости, я себя не контролировала, – улыбнулась я от того, что он сравнил меня с госпожой, а Креусу с моей обслугой.

– Я понял, почему ты металась туда-сюда. Ты из команды «Динамо», но не любишь проигрывать своим подругам! И играла со мной в «кошки-мышки», то вгрызаясь в меня зубами, то отбрасывая.

– Ладно, мне уже пора спать, – зевнула я, давая понять, что концерт окончен. – Пока!

Глава 14

Но уже через пару дней сама ему позвонила:

– Привет! Как у тебя настроение?

– Замечательно!

– А у меня накрылся жёсткий диск. Ты не сильно занят?

– Смотря для чего.

– Я хотела тебя попросить, чтобы ты отвёз в ремонт мой компьютер. Он мне нужен для работы над твоей книгой.

– Всё настолько серьёзно? – усмехнулся он.

– Хуже! Я пишу диплом. Такая гадость...

– Именно так Ленин и отзывался в Швейцарии о своих работах.

– Ты мне льстишь. Всё не настолько плохо.

И как только Алексей подъехал, я положила системный блок на заднее сиденье и села рядом с ним.

– Мастер сказал по телефону, что попробует разобрать жесткий диск и скачать диплом. Иначе я зря четыре года училась.

– Вот поэтому-то я и не стал программистом, – вздохнул Алексей. – Вовремя не купил запасной флоппи-диск.

– Да. Надо будет купить и хранить на нём копию.

Около мастерской «Атлант» я выскользнула из машины. Алексей тоже вышел и открыл дверь, чтобы достать системный блок. Но внезапно замер.

Две изящные девушки непринуждённо двигались нам навстречу. Они обе роскошно выглядели в своих лёгких цветных сарафанах с юбкой ниже колен. Я посмотрела на то, как Алексей на них уставился, достала системный блок и понесла в мастерскую.

Глава 15

А Лилит спросила, как только подошла:

– Привет! Это что, твоя новая девушка?

– Нет... ещё.

– Да не ври! Думаешь, я не вижу, как она не идёт, а пляшет?

– Пару дней назад она пригласила меня на кофе и отшила.

– Не ври, она не смогла бы тебя отшить! Я-то тебя уже знаю! Помнишь, ты сказал мне: «А теперь поехали ко мне домой!» И привёз в гостиницу.

– Помню только, что когда утром мы возвращались из гостиницы, я тебе сказал: «Падай!» Думая, что ты тотчас подхватишь мою улыбку и рассмеёшься мне в лицо. Но ты неожиданно упала, замерев подобно утренней росе на раскрывшемся лотосе ширилки. Так что я не успел даже охнуть: «Нет, народ не готов к юмору!» Всю дорогу вздыхая от наслаждения этой народной мудростью.

– Я припала к пестику, чтобы до тебя дошло, что нам льстит, когда на нас тратят деньги! Если девушка соглашается поехать в гостиницу, это означает, что она уже на всё готова! И не будет врубать заднюю, как твоя недоделанная недо-девушка.

– Хорошо, вечером повезу её «домой» и доделаю... Постой! Так ты это сейчас говорила, чтобы снова залезть мне

под шкуру?

– А ты думал, чтобы ты склеил эту тёлку? – засмеялась Кайкейи. – Ну, ты и лошара! Только для того, чтобы ты развесил уши, а потом тебя кинуть! Ты уже забыл формулу нашего успеха?

– Обязательно кину! Но не в этот раз, – таинственно улыбнулась Лилит. – У меня есть для тебя одно грязное дельце!

– Сильно грязное?

– Твоя доля сто тысяч долларов.

– К сожалению, я поклялся Господу завязать. Призови Самаэля.

– Он решил, что я лошица, которую ты развёл на любовь! Так что ты мой единственный шанс повернуть это дельце.

– И в чём же его суть?

– Не могу сообщать детали, пока ты не согласишься. Иначе... Ты провернёшь его сам! Я-то тебя уже знаю!

– Так ты мучила меня во снах из-за жалких денег?

– Дело не в деньгах, ты меня подставил! После того, как ты от нас сбежал, ребята из общака решили, что ты развёл Самаэля, как лоха! Ты подмочил его репутацию, которую он столько лет создавал!

– Я же говорил тебе, что у меня всё под контролем! И если станет жарко, я обращусь к Ликургу! Но ты тут же призвала Самаэля, испугавшись за свою шкуру!

– Если бы не Самаэль, нас обоих бы на стрелке в тот день порвали! Ликурга и его команду, кстати, уже положили те ре-

бята, что пытались подсадить тебя на зелье и отжать «Корону». Так что я переживала тогда не за себя, а за тебя! Не Самаэль, так Вахх меня точно защитил бы! А вот тебя... Ты просто не осознавал, с кем мы столкнулись.

– Я же говорил тебе, что моя крыша – сам Господь Бог! И пока ты была со мной, ты тоже была под Его защитой.

– Зато, как только ты исчез, Самаэль меня избил!

– Почему же он ещё жив?

– Потому что с каждой затрещиной он всё сильнее вбивал мне в голову, что ты развёл меня на любовь, как лошлицу, чтобы потом кинуть! А так как я мать его дочери, то все тут же решили, что ты кинул нас обоих!

– Так ты из мести приходила ко мне во снах и заставляла биться? Ощущая астральным телом боль от порезов и уколов! А когда я поначалу отказывался с тобой драться, ты заявляла: «Отказ – это тоже выбор!» И рубила со всего маху! Так что я просыпался в каюте весь в слезах. А сменщик спрашивал: «Я уже полчаса за тобой наблюдаю. Что тебе там такое каждый день снится, что ты рыдаешь во сне, как баба?» «Что, не мог разбудить?» – упрекал я его, удивляясь, что шрамов на теле нет, а слёзы – настоящие! Пока однажды не появился архангел с мечом в руках и сказал тебе, выбив из рук саблю: «Всё! Ему уже хватит!» И я осознал, что архангелы попускали эти издевательства, чтобы я не столько понял, сколько именно ощутил на своей шкуре, что с тобой мне лучше уже не связываться!

– И ты собрался изображать перед новой тёлкой из себя обычного лоха? – засмеялась Кайкейи. – Ну, Творец, ты меня и рассмешил! Так она что, ничего про тебя не знает? Она реально – лошица?

– А что именно Лилит тебе о нас рассказывала? – оторопел Творец и посмотрел на Лилит. – Как ты посмела посвящать смертную в тайны Вечных? Ты забыла, за что Великие Посвящённые распяли Христа?

– Да ничего я не забыла! – навернулись у Лилит на глаза слёзы. – Но чтобы восстановить репутацию Самаэля, мне пришлось всем рассказать, как Дюшон сбежал от тебя с деньгами!

– Вот мы ржали над тем, что ты его упустил! – стала издеваться Кайкейи. – Лилит накинула Дюшону эту тему, притворившись, что безумно его любит, чтобы он пробрался в коттедж к Вэпсу и вскрыл его сейф вместо вас. Тебе оставалось только встретить его на выходе и забрать деньги. Долбанул бы ему по мозгам разок, да и всё! А не стоял и пялился на его ствол, как лох конченный! Вот умора! Лилит же зажорила ему прикосновениями кодовое Слово «Зайка!» Ты что тогда с перепугу язык проглотил?

Творец молчал, осознавая то, почему Лилит не стала рассказывать подельникам о нём всю правду. Она растеряла все подаренные им маски, и теперь перед ним была просто изящная девушка с красивым телом, в которой он уже не мог найти то, что его в ней так привлекало и будоражило воображе-

ние.

– Ладно, я отпускаю тебя! – улыбнулась Лилит, заметив его взгляд. – Так уж и быть.

– А что, могла бы не отпустить?

– Конечно могла бы! Ты уже забыл? А то у меня пока что никого нет. Ладно, иди уже за своей новой девушкой. И помни мою доброту, «Зайка!» – подмигнула Лилит, заставив Творца остолбенеть.

Повисла такая тяжелая пауза, словно их тела были не из рыхлой белковой массы, а из кремния. От потрясения он не смог ничего ответить. Попытался, но никак не мог подобрать слова, которые помогли бы развеять её чары, лишь сильнее сдавливая дыхание.

И вдруг вспомнил, как рефлекторно нажал на тормоз, когда девушка с обочины махнула ластом. И всю дорогу на него поглядывала. А потом, когда он склонил «Корону» возле её дома, всё-таки сказала, смущаясь своей навязчивости:

– Я бы с тобой отдохнула, если честно. Но боюсь, что ты этого не захочешь. Просто, ты так классно выглядишь!

Он оглядел тогда эту полноватую, но богато одетую девушку и ответил:

– Спасибо тебе огромное за комплимент, но я и вправду не могу себе этого позволить.

– Что, у тебя есть девушка?

– Если бы ты её только увидела, ты бы меня поняла!

Вспомнил, как глубоко и преданно он любил Лилит. И че-

рез это наконец-то смог раскрыть сердечную чакру, чтобы нейтрализовать её чары.

Уже прощаясь, Лилит приподнялась на носки и поцеловала его в посиневшие губы, погладив по щеке.

– Ещё раз меня подставишь, убью! Даже не касаясь! – хлопнула его по щеке и грациозно пошла прочь.

Покинутый и растерянный, он ещё долго стоял бы и зачарованно смотрел ей вслед, если бы не мороз, сковавший тело. Ведь из одежды на нем были только тёмно-золотая рубашка «Ив Сен Лоран», тёмно-серые спортивные брюки «Рибок» и замшевые кроссовки «Найк», примерзшие к постаменту.

Обижался ли он на Самаэля за то, что тот увёл у него Лилит? Ни в коем случае! Он понимал, что Самаэль, возвращая в команду кидал свою поделницу, всего лишь оказывает ему услугу, снова посадив Лилит на зелье. Ибо подобно тому, как «лучшее слово – то, которое не произнесено», так и лучшая жена – та, которая ею так и не стала. Потому что только так мы сможем сохранить о девушке идеальное впечатление. Не дав ей испортить наш взгляд на мир как на «цветущий луг в мае, луг, по которому бродят женщины и кони».¹³

Ведь культура – это до того высокоорганизованные брачные игры высшего животного, что она трансцендируется из танца розовых фламинго – в чистую поэзию. То есть Человек – «животное, питающееся трансцендентным» – это

---

¹³ И. Бабель, «Конармия».

не более, чем миф. Миф человека о Человеке. У высших классов – это Сын Человеческий; у средних – Дон Кихот; у низших – Дон Жуан. Поэтому каждый класс бессознательно выбирает свою мифологию поведения. И жёстко ей следует в каждом своем поступке.

Так что когда Лилит признавалась ему:

– Да, как любовник, ты – лучшее произведение постельного искусства!

Он лишь пожимал плечами. Мол, это нормально. В будущем все художники Дела будут такими же мастерами.

– А вот мой бывший... – и глаза её становились печальными. – Мне приходится возлежать с Самаэлем, расплачиваясь за зелье. Ведь ты против вечерних посиделок на игле!

Что приводило к тому, что и в постели Лилит становилась всё менее отзывчивой. Постепенно превращаясь из гулкого утреннего эхо в горах Тянь-Шаня в теннисный шарик, при помощи которого он и Самаэль обменивались мнениями по поводу своего сексуального поведения, каждым постельным «ударом» по её психике мастерски «закручивая» шарик её тела в нужное каждому из них поведенческое русло и наблюдая по степени её изменения корректирующее влияние противника. Но так как он знал от Лилит, что он вне конкуренции, а Самаэль так думал, то они действительно находили своё противоборство весьма забавным. А то и – поучительным! Так как в постель к Лилит их тянул уже даже не дух конкуренции, а некий спортивный азарт двоих профессио-

нальных теннисистов. Так что он если и продолжал поддерживать связь с Лилит после того как убедился в том, что она ему изменяет, то только из желания доказать Самаэлю, что тот – жалкий любитель.

Глава 16

- Мастеру всё же удалось перенести на новый жесткий диск все файлы! Поэтому я и была в мастерской так долго.
- Ты купила флоппи-диск?
- Флоппи-дисками уже не пользуются. Я купила флеш-накопитель на целых два гига!
- Круто! Сильно дорого?
- Даже не спрашивай! Мать меня убьёт.
- Твой жесткий диск накрылся, чтобы я сегодня встретился со своей бывшей, – объяснил Алексей и завёл машину. – Бытие таким образом предоставило мне свободу выбора: вернуться к Лилит или же начать отношения с тобой.
- Так вернись к Лилит, я не могу рисковать учёбой!
- Я и сам мечтал к ней вернуться. Но прямо посреди рейса Лилит явилась во сне и устроила бойню! Приурочивая свои удары к тому, как невыгодно я описал её в «Глубинной Книжке».
- Знаешь, мне тоже не нравится то, как ты описываешь своих бывших. Вот поэтому-то я и не хотела бы становиться твоей девушкой, если честно.
- Ты даже не представляешь, от каких денег я сегодня ради тебя отказался!
- Сто рублей? – усмехнулась я.
- Сто тысяч долларов!

– Да пойми ты, – невольно вздохнула я, – когда я обнимала тебя, я не лгала. Ты действительно очень сильно мне понравился! Но как только я замечала около нас Ганимеда, ты тут же становился для меня одним из нашей музыкальной тусовки. И мои объятия сами собой разжимались. Так что я действительно себя не контролировала, прости. И только теперь понимаю, почему так глупо себя вела.

– Хорошо, тогда вечером поедем ко мне «домой», и покажешь, насколько глубоко ты раскаиваешься.

– Извини, но сегодня мне совсем не до этого. Если хочешь, поболтаем вечером по телефону, как друзья.

– Нет. Я не собираюсь с тобой дружить. «Да, да; нет, нет; что сверх этого, то от лукавого».¹⁴ Так и скажи, что я тебе не нравлюсь.

– Да пойми ты, дело не в тебе. Я просто устала уже быть чьим-то прилагательным. Везде, куда бы я не являлась, меня тут же спрашивали: «Так ты и есть та самая девушка Ахилла?!» Девчонки – сгорая от зависти, а парни – классифицируя меня как ту, кому ни в коем случае нельзя даже улыбаться. Ведь Ахилл давно уже стал легендой! А после того, как я стала им говорить, что теперь я уже не его девушка, все девчонки стали снисходительно мне сочувствовать и посмеиваться надо мной: «Ну, Воронцова, ты и ворона! Проворонила такого парня!» И в дальнейшем общении вытирать об меня ноги. Как будто бы без Ахилла я вообще никто и звать

---

¹⁴ Мф. 5:37

меня никак. Так, пустое место.

– Дырка, которую бросил бублик?

– И теперь я не хочу, чтобы все начали ассоциировать меня с тобой. И снова испытывать, если мы расстанемся, этот позор. От которого я едва оправилась. Ведь ты тоже у нас легенда! Сам Творец в глазах Ганимеда и Братков! Не был бы ты одним из нашей музыкальной тусовки, я давно бы уже с тобой замутила. Или думаешь, я реально приглашала тебя на кофе? Но моё мировоззрение перевернулось, когда я снова вспомнила, кто ты.

– Вышел на замену Ахиллу? Произошла замена в команде «Спартака»!

– Вот я и стала отбивать все твои мячи, встав на воротах нашей судьбы!

– Ты просто не поняла сути рассматриваемого вопроса! Ахилл – яркая индивидуальность среди панков. Дез уже сто лет как играет дез-метал с Думом, а Ганимед поёт, со сцены внушая фанатам то, какой он умный! Если помнишь, то это именно Дез организовал всю нашу неформальную тусовку, предложив музыкантам и их фанатам собираться по субботам около Дворца Культуры. Братки тоже уже давно на сцене, их знает весь город! Где они – безусловные божества, грозно взирающие сверху-вниз на простых смертных с этого «Олимпа». Я хотя и не пою, но пишу стихи, на которые ребята поют песни. А ты не столь яркая индивидуальность, как любой из нас. И единственное, чем ты можешь быть, чтобы

стать хоть кем-то в глазах других, это прилепиться к одному из тех, чья слава давно гремит по всему городу! Благо, что Находка не такая уж большая и вся продвинутая молодёжь давно знает друг друга в лицо, пересекаясь на концертах. Или по их текстам, как меня. Как ты тут же узнала меня по «секс-юрити». Вот ты и ощущаешь себя духовно нищей по сравнению с нами, воплощёнными божествами!

– Вот поэтому-то я и стала президентом студенческого клуба в институте, чтобы у меня появился шанс улететь отсюда в Америку по обмену студентами. Там меня хотя бы перестанут ассоциировать с Ахиллом. Или с тобой, если мы всё же решим быть вместе. Да и не хочу я всю жизнь работать учителем английского языка, как моя бабушка, подрабатывая репетиторством. К тому же, – потупилась я и отодвинула фенечки, показав запястье левой руки, – я уже боюсь покончить с собой, если ты меня тоже бросишь.

– И сколько раз ты пыталась применить «Бритву Оккама»?

– А ты посчитай шрамы! – злобно вывернула я запястье.

– Всего-то три раза?

– Вот я и опасаясь, что наша игра окажется для меня последней.

– Смерти давно уже не существует. И самоубийства бессмысленны, понимаешь? Сознание уже давным-давно отцифровывается на «облако» души, имеющей полевою струк-

туру, носитель которой «меньше зёрнышка горчичного». ¹⁵ Каждым своим подвигом или проступком ты нажимаешь на клавишу «ввод» и добавляешь этот поведенческий навык в «облачное хранилище» души. И то кем ты, в итоге, станешь, зависит только от того, как именно ты программируешь свою реальность уже сейчас, каждый день поступая так или иначе. А покончив с собой однажды, ты программируешь себя делать это снова и снова, каждую жизнь!

– Вовлекаясь в эту «дурную бесконечность»?

– Поэтому давай, чтобы ты не грузилась, я буду твоим любовником.

– Но мой ум воспринимает тебя как парня! И если мы начнём отношения, то я постепенно свешу перед серьёзным Творцом лапки. И стану, как все эти... домашние животные. Я-то себя знаю, поверь. Что ничем не лучше! У меня такое было уже с Ахиллом.

– Глядя на моё серьёзное лицо Творца вы почему-то рассматриваете и меня всерьёз тоже, – вздохнул он. – Тогда как я всего лишь озорной Банан! Хочешь посмотреть на воплощение моего Банана? Это Удав. Он, как ты знаешь, конечный бабник. Даже Дез из-за Ириды пару раз с ним дрался.

– Дез – дрался?!

– В душе я точно такой же ловелас, как и Удав, поверь. Просто, Алексей, как толковый евнух, мешает мне таким быть. А Творец во мне постоянно умничает и не даёт Банану

расслабиться и пуститься во все тяжкие!

– Ахилл тоже заливал, что он панк и семья ему не нужна. Но как только я к нему переехала, у нас стало всё, как у всех. И домой я к тебе не поеду, даже не мечтай!

– Вообще-то, это Каравай так шутил: «Девчонки, поехали к нам домой!» И привозил их в гостиницу. Или ты мне отказываешь, потому что разводишь на свадьбу?

– Да какая свадьба? Я уже одной ногой в Америке! Поэтому и не хотела бы, если честно, ни с кем тут связываться.

– Можешь не опасаться, благодаря Лилит я наконец-то понял, не приспособлен к семейной жизни.

– Почему это?

– Ну, хотя бы потому, что ты должен обладать вещами, наглядно доказывающими твою богоизбранность! – показал он жестом сверху-вниз на свой дорогой наряд, купленный в Пусане. – И на эту блесну клюёт не только твоя избранница, но и все её подруги, жаждущие вас разлучить.

– Средний имидж и средние вещи притягивают средних самок! – усмехнулась я.

– И отгалкивают – лучших! А тот, кто пытается на всём сэкономить, притягивает вечером свою экономку. А чтобы сэкономить и на экономке, заводит себе жену.

– А я-то наивно думала, что скромность украшает мужчину.

– Рисую его прекрасным евнухом в глазах самок! Этот мир называют действительностью. А это предполагает, что здесь

надо действовать, проявляя свой скрытый потенциал. Но если у тебя отсырел порох, что ты сможешь проявить там, куда улетишь? Как говорили в школе: «От перемены мест слагаемых сумма (счастья) не изменяется». Надо тренировать свой мозг, только это высушит твой порох, сделав тебя поджарой, так сказать, гневной кобылицей!

– Воронцовой? – усмехнулась я.

– А не розовой пони, как сейчас, – показал он на розовую рубашку гопи в крупную клетку. – Именно этому я и учу в книге! И если ты начнёшь её переводить, то станешь воспринимать мои идеи как часть себя, став со-творцом книги. Ты читала «Блеск и нищета перевода»?¹⁶ Переводчик является даже ещё большим творцом, чем тот, кто написал исходник. Именно поэтому все так восторгаются Шекспиром! А он всего лишь переводил с ирландского и других языков более древних авторов, привнося в их работы свой необыкновенный стиль и ярчайшую индивидуальность, которые и превращали исходники в подлинные шедевры на сцене. То есть – на глазах у всех!

– Хорошо, уговорил. Я подумаю над тем, чтобы стать твоим со-творцом. Если не получится улететь в Америку.

– Но какая разница – где? Страна – всего лишь сцена. Всё зависит от того, умеешь ли ты танцевать!

– У тебя на подтанцовках? Вот поэтому-то я и хотела бы сменить декорации, чтобы начать выступать соло. И попро-

---

¹⁶ Хоссе Ортега-и-Гассет, «Блеск и нищета перевода».

бовать развести в Америке какого-нибудь миллиардера. Я уже устала считать ваши жалкие гроши, которые, к тому же, могут снова в одночасье утонуть в море! – покрутила я пальцем у виска.

– Все знают, что Ахилл приревновал тебя не на пустом месте. Твоя проблема в том, что ты предпочитаешь обижаться не на свои ошибки, а на эти «дорожные указатели». Расстреливая их из бластера отрицательных эмоций только за то, что тебя снесло с трассы в кювет отчаяния. Вместо того чтобы очнуться, выбить ногой лобовое стекло стереотипных взглядов, вылезти из искорёженной ситуации, отряхнуться от осколков обид и начать ползти вверх, истекая кровью раскаяния. Полностью изменив за время подъема на шоссе судьбу свою мифологию поведения.

– На ту, которую ты мне предлагаешь?

– И готов тебе, как со-творцу, заплатить тысячу долларов!

– За пятьсот страниц?

– Легко! – и Алексей, для наглядности, швырнул в окно невесомую пачку из-под чипсов.

– Что ты делаешь?! Прости, Гринпис! – молитвенно сложила я руки. – Весь из себя такой умный, а ведёшь себя...

– Я не мусорю. Я создаю рабочие места!

– Как это? – не поняла я.

– Если бы никто не мусорил, тысячи дворников остались бы без работы! Мы должны не только думать о том, как помочь ближним, но и реально помогать им сохранить рабо-

чие места!

– Никогда об этом так не думала.

– Ты скованна стереотипами поведения обывателей, а потому и не видишь дальше собственного носа. И не делаешь ничего, чтобы улучшить этот мир!

– Лихо же ты умеешь оправдываться! Я же ещё и виновата!

– Это называется – ходить на ушах, ставя всё с ног на голову!

– Но, к сожалению, мне уже пора. Пока! – выпорхнула я из машины, засунула системный блок подмышку, невесомо хлопнула белым крылом двери и направилась в сторону подъезда.

Глава 17

Алексей понял, что в Находке ему не рады и решил перебраться жить во Владивосток. Прекрасно осознавая, что если он купит себе там квартиру, то Самаэль об этом рано или поздно узнает. Конь и Кот попытаются убить его в этой же квартире. Если это не сделает Лилит раньше их. Он не хотел сражаться со своей самой любимой гопи, которая, к тому же, если тебе всё же удастся её убить, после этого точно замучает тебя во снах! И вдруг осознал, что это она таким дерзким образом его звала, пока он был в море, наглядно демонстрируя то, чему без него научилась. Так сказать, во всеоружии! Как и писал классик о демонах искушения: «Но они не протягивали к вам руки. В жесте отталкивания протягивали они к вам руки!» Господи, как же она была прекрасна! И понял, что их любовь всё ещё столь сильна, что он сможет в любой момент её вернуть и натравить на кого угодно! И уже жалел, что поклялся Господу завязать с криминалом. Пусть бы она его кинула на сто тысяч долларов, отомстив за то, что Самаэль её избил. Но они снова были бы вместе! Но уже – навсегда!

И решил снять скромную студию, от греха подальше. Пусть пока что всё идёт, как идёт. Мало ли кого она уже нашла? Не стоит снова делать ей больно, разлучая с любимым. По крайней мере, раньше времени. Тем более что своими

ярко-красными шторами, обоями с тёмно-красными розами и ковром с восточными арабесками на полу предложенная агентством недвижимости студия сразу же ему понравилась. Навевая воспоминания о той самой «красной комнате», которую он с первого же рейса пытался воссоздать у себя в каюте, чтобы и в рейсе чувствовать себя «как дома» одной из его любимых героинь Шарлотты Бронте. Хотя, заходившие в гости моряки и находили его дом слегка «публичным». И всё искали, с усмешками, глазами красные фонари, взхлёб махая воспоминаниями о «Розовых кварталах». И рассказывали свои забавные там (та-ра-рам!) истории. Так что их подолгу не удавалось прогнать спать, настолько сильно они прониклись бодрившей его атмосферой.

Особенно, одну буфетчицу, которую привлёк глубочайший вокал певицы Анни Мurreй из включенного им на полную громкость музыкального центра «Шарп», отражаясь по лестничным пролётам на третий этаж в надстройку. Заставив буфетчицу невольно замедлить шаг, прислушаться, найти в её зычном голосе нечто общее со своим музыкальным прошлым и пойти по этой трепетной нити Ариадны вниз. Безусловно, рискуя наткнуться в этом полутёмном лабиринте коридоров на какого-нибудь Минотавра.

Но увидев вместо него скромного Алексея, расслабиться. Играючи постучать в открытую дверь и с улыбкой напроситься в гости:

– Можно? Просто, дослушать песню.

Затем, альбом. И – расцвести душой!

А затем и другие, не менее прекрасные композиции.

И Алексей, сидя рядом с Ариадной, прекрасно её понимал. Даже глубже, чем она хотела. Понимая уже, что в море из-за постоянного давления сенсорного голода твоя психика постепенно становится буквально обнажена к прекрасному. Целиком и полностью! Готовая в глубине своей чуткой души всем сердцем обнажиться перед любым, кто тебе таким хотя бы просто покажется. И только потом уже – и телом, если до этого дойдёт (до этого дурашки). Тут же получив от хозяина этого заведения (с ней беседы) бесплатный абонемент на его постоянное посещение.

– В качестве музыки, разумеется! – подхватила Ариадна и гулко рассмеялась.

Но неожиданно для самой себя так завелась рассказами о своих музыкальных похождениях по ресторанам, за которые тебе ещё и платят! А затем ещё и приплачивают, если ты соглашаешься снизойти со сцены до одного из не самых простых смертных, чтобы забрать приготовленные им для тебя цветы и прочие знаки внимания на накрытой на столе поляне. Что тут же пожелала-ла-ла завести (себе) хозяина на высочайшую из вершин!

Пока Алексей отговаривал своих неожиданно зашедших друзей не покидать каюту. Выйдя с Ремом и Караваем в туалет и в трёх словах обсудив сложившуюся – на диване – ситуацию, поджав ноги. В ожидании того, пока их наконец-то

уже оставят вдвоем.

Пошла принять душ, вернулась и очень удивилась тому, что этот олух их ещё не выгнал. «Идиот! Я же сказала ему, что иду в душ. Неужели – непонятно?» – лишь подумала Ариадна. И снова рассмеялась.

Упрямо высиживая своё «золотое яйцо» женского счастья несколько долгих дней в каюте за красными полупрозрачными шторами. Ровно до тех пор, пока её не покинут остальные матросы. Наконец-то оставив их в спальном отсеке наедине за красными плотными шторами из красного бархата. Бесконечно выслушивая, как он добыл их на берегу ещё во время работы грузчиком. Когда он со своим напарником Орестом проник в соседний склад. И каждый взял там то, что ему понравилось. С разрешения завскладом, разумеется. Лаодике было плевать на такие мелочи, которые нельзя продать. Особенно после того, как однажды их пригласили в подсобку на импровизированный в рабочей обстановке юбилей, и он тут же спросил, сколько Лаодике лет:

– Неужели уже – сорок?

Та скромно улыбнулась:

– Больше!

– Пятьдесят? – откровенно удивился Алексей, искренне вытаращив глаза.

Лаодика усмехнулась *в сторону*.

Где её помощница Хрисофемида рассмеялась.

– Не может быть! – совершенно искренне отреагировал

Алексей. – Неужели – шестьдесят? Да ладно, вы меня разыгрываете! Где торт? Почему нет надписи?

И долго ещё не мог поверить, заставив Лаодику объяснить:

– Секрет моей «вечной молодости» в том, что я, как завскладом, всю свою жизнь занималась сугубо интеллектуальным трудом.

– Как и все богини?

Прощая ему после этого всё на свете! Всегда и во всём с тех пор был виноват Орест. Даже если в тот злополучный день его и вовсе не было на работе.

– То есть – именно поэтому! – строго подчёркивала Лаодика пустой карман Ореста, лишая его премии.

А когда Алексей уже увольнялся, Лаодика умудрилась отправить его «в отпуск с последующим увольнением». То есть насчитав ему каким-то чудесным образом чуть ли не четыре зарплаты. Ох уж это женское сердце, как легко его подкупить! Особенно, если ты и не пытался это сделать. А просто наивный балбес, которому вечные «девушки» просто хотят помочь.

И пока Орест возился в соседнем складе с каким-то устаревшим оборудованием, Алексей нашёл и жадно схватил там рулон красного бархата, из которого затем и сшил в море шторы. Таская их из рейса в рейс. Что просто завораживали матросов, пока он буквально умолял их не покидать каюту раньше, чем уйдет буфетчица.

– Иначе она надо мной надругается. А я не хочу, чтобы Кронос «сожрал» меня за моё непристойное поведение.

Буквально заставляя друзей играть в игру «кто кого пересядет» рядом с Ариадной.

Даже не пытаюсь им объяснить через несколько дней в курилке, что у женщины за тридцать грудь вроде бы всё ещё столь же красивой формы. Исполненной всё того же изящества и обещания захватить тебя новизной переживаний и непередаваемых (твоим товарищам) ощущений. Сколько бы ни старался ты на следующий же день живописать им эти столь волнующие очертания. Но когда ты хватаешь за хвост удачу, словно ускользающую в небо жар-птицу, отдавая тебя румянцем на щеках. Проникаешь-таки в её святая святых. И, целуя её, слегка касаешься одного из округлых приложений к твоему счастью, ты вдруг обнаруживаешь, что оно уже слегка дрябловато. Как воздушный шарик, что провёл под потолком пару дней после дня рождения твоего племянника. Запоздало понимая (когда твои эмоции начинают медленно оседать, как и тот шарик), что ты слегка опоздал на праздник её жизни. Её грудь теряет ту волнующую упругость, как у всё ещё полной жизненных сил и самых светлых надежд девушки после раннего аборта, переломившего веточку её цветущей юности. Буквально выпнув из «Юношеской сборной»! И слегка расширив этим «пинком» её тазовые кости. Убивая её внутреннюю суть, а через это и её красоту очаровательной нимфетки. Что становится ещё более

обидно, когда ты пытаешься ощутить её нежность на своих губах. И мгновенно разочаровываешься в юношеских ошибках своей избранницы.

– Да нормальная баба! – восхищённо возмутился Рем, выслушав эту поэзию в прозе жизни.

– Это зависит от того, что у тебя за нормы, – спокойно ответил Алексей.

– Да я бы на твоём месте... – мечтательно добавил Каравай щепотку соли в беседу.

– Конечно, вы бы все её... будь у вас место в ложе её сердца.

Ведь буфетчице было уже за тридцать. И по её столь непринуждённому поведению было видно, что эта бывшая джазовая бэк-вокалистка в молодости пользовалась бешеной популярностью в ресторанах Самары. Если верить её многочисленным «фанатским байкам». Особенно, после концертов, где она «отжигала» с не менее талантливыми певичками из своего музыкального коллектива. А потому-то и чувствовала себя в «красном уголке» столь раскованно и свободно, что впереди её уже не ожидало ничего хорошего, кроме объятий капитана, для которого Ариадна, увы, как буфетчица, согласно судовому обычаю должна была стать «походной женой».

Но она отказывалась соблюдать обряды! И пыталась, в знак протеста, завести себе «походного любовника». Но Алексей так и не дал ей тогда... положить себя в рюк-

зак заплечного опыта и отправиться в поход за счастьем. Тут же сплавив её, по перекаату, своему дружку Тесею. Чуть более молодому матросу, стоявшему за штурвалом судна, который более подходил ей тогда и по водянистой природе тела и по тому, что у Тесея из двух ящиков, взятых в море, оставались ещё две бутылки водки, припрятанных Тесем на день рождения. И Алексей, наконец-то сообразив, что Ариадна от него так и не отстанет, спросил Тесея:

– У тебя когда днюха?

– Через неделю, а что?

– А то достала уже! Хочешь Ариадну? Могу подарить на днюху!

– Что, опять?! – удивился Тесей, расплывшись в мечтательной улыбке.

Как и месяц назад в Корее между летним и зимним рейсами, когда Алексей «подогнал» Тесею, по дружбе, пристававшую к нему в кафе зазывалу Гесиону, которая была слишком стара, чтобы её хотеть. Ведь той было уже глубоко за тридцать. Даже, слишком глубоко.

Но не для более раскованного матроса, готового повернуть своё судно в любую гавань! Особенно, столь экзотичную, как выдавшая виды, но всё ещё симпатичная и умная корейка с неплохой фигурой, зазывавшая моряков днём отобедать. Вечером обильно поужинать рядом с ней, потратив побольше денег на напитки. Попеть рядом с этим сияющим золотыми зубами «солнцем» в полукруге твоих дру-

зей караоке. А затем полюбоваться утром роскошным видом из окна её номера!

На глухую стену соседнего отеля. Неслышно усмехнуться над этой экономисткой, принять душ, пока она ещё спала. И снова нырнуть в её глубины.

А теперь опять, допив вместе с Ариадной и Тесеем водку в его носовой каюте, оставил «молодых» ворковать. И ушел к себе, подарив этот столь роскошный в открытом море подарок Тесею на день рождения. И её два таких воздушных шарика со смайликами сосков. Глубоко вздохнув и перекрестившись. Мысленно дав ей пинка под зад – этот уже не менее воздушный от бесконечных абортос шар. Одного взгляда на который хватало... За грудки матросов! И уносило теперь одного из них в самые светлые, самые радужные дали. Где их обоих встречал за барной стойкой из радуги Сальвадор Дали, предлагая свои фантастические коктейли из «Сальватора», опьяняя небесным счастьем! За что они ещё и после рейса Алексея от всей души благодарили. И около года всё никак не могли расстаться, сходяв вместе ещё пару самых романтических рейсов в другой организации. Так как обиженный до глубины души на них обоих капитан судна сделал так, что «молодым» пришлось навсегда его покинуть. Его организацию. Души.

И лишь через год её, обливаясь слезами, понимая уже, что Тесей не сможет в силу разницы лет и отсутствия у него жилья на ней жениться, потянуло к себе на родину. Домой,

к своим фанатам. О чём оба они уже и не жалели! Почти. Проведя на прощанье ещё один самый светлый, самый медовый месяц и... Разорвали этот мир надвое. Навсегда.

Певичку Алексей больше никогда не видел, а вот морячка встречал. Но выглядел тот уже неважно, напоминая пустую тряпичную куклу, из которой в конце этого представления вместе с рукой нечаянно вытащили сердце.

Да, что-то в ней, в этой певичке, было. Умение превращать даже случайную связь в столь пронзительную песню, что даже после того, как ты понял и окончательно смирился с тем, что для тебя её концерт окончен, она ещё долго звучит у тебя в душе, никак не желая замирать. Заставляя тебя снова и снова вспоминать её прощальные слова. Поцелуй на перроне. Её скупые слёзы сквозь вымученную улыбку, что нещадно её душили. Заставляя её в ответ на это с той же силой душить тебя, обнимая на прощанье.

Глава 18

Официального такси тогда почти не было. И хозяева легковых автомобилей охотно подвозили тех, кто с обочины жалобно тянул ласту, умоляя остановиться. И немного подзаработать, если ты всё равно направляешься в ту же сторону. Но уже через пару недель заскучал во Владивостоке, надрывно вспоминая о том, как Элен ему отказала.

Позвонил Креусе, но та стала отнекиваться.

– Я поняла, что Элен тебе больше нравится. И не хотела бы мешать своей подруге. Помешивая и помешивая в тайне от неё твою поварёшку в своей кастрюльке.

– Но у неё уже есть поварёшка! – возразил он. – Она рассказала про Париса. Неужели ты ревнуешь к своей фрейлине?

– Разумеется! Эти дни я так жутко тебя ревновала, что моя животная душа сгорела от ревности без остатка! Ревность стала катализатором пробуждения. Но Элен тебя обманула, у неё нет парня. Она встречалась с Парисом, да. Но она никогда не относилась к нему всерьёз. Потому что я в тот день увела у неё Ясона! Парис был не более, чем утешительный приз.

– Может быть, у нас с тобой всё получится? Я серьёзно. А то я уже устал наблюдать, как твоя фрейлина бегает то ко мне, то от меня.

– Не переживай, она добегаётся. Она ж «Весы» по гороскопу, вот её и шатает туда-сюда! Поэтому она и не может вот так вот сразу

– А потом они ещё и жалуются мне на одиночество! – вздохнул Алексей, одев доспехи Бога.

Но под утро ему приснился Силен, который снова учил его уму-разуму:

– От всего в этом мире должна быть конкретная польза. И чем конкретнее тебе нравится вот эта девушка, – показал Силен пальцем сквозь лобовое стекло «Тирано» на прохожую, – тем пользы от неё должно быть больше. Взять, к примеру, мою жену. Найс тебе нравится?

– Ну, допустим, – осторожно согласился Банан.

– Нет, ты хотел бы её взять... в жёны?

– А что?

– А то, что и я точно также на неё запал, как и ты, пока служил тут в армии. А оказалось, что любая моя любовница умеет в постели гораздо больше. И ты знаешь, почему жена ничего не хочет?

– Ты плохой инструктор?

– Нет! Ей, видите ли, «воспитание не позволяет». А знаешь, кто её мать? Бухгалтер!

– И что?

– Это ей не выгодно! Я же уже её муж. Толку-то уже – стараться? Выше головы не прыгнешь! Поэтому перед тем, как жениться, обязательно проверь то, что умеет твоя невеста.

Иначе, даже если она что-то и умеет, то после свадьбы будет это от тебя скрывать. И знаешь – почему?

– Чтобы ты не заставлял её это делать?

– Да. Это ей уже не выгодно! Ты ведь всё равно уже её муж. А если она ещё до свадьбы покажет тебе всё, что уже умеет, она и после свадьбы не сможет от тебя этого таить. Потому что иначе ты ей ничего не купишь. Решив, что она обнаглела. А это ей невыгодно. Поэтому она будет продолжать тебе это делать и после свадьбы. Особенно, если о чём-то тебя очень сильно попросит. Но уже не на словах, как моя жена, а попросит так, что ты и сам захочешь всё это ей купить. Как моя любовница. О чём бы она меня не просила! И знаешь, почему ты ей это купишь?

– Это выгодно? – усмехнулся Банан.

– Ещё бы! Особенно, когда перед тобой настоящий мастер! Грех не вознаградить её за теплоту и участие.

– Ну, а если она будет стараться кое-как?

– Так тогда и ты ей купишь кое-что. А не то, чего она от тебя хотела. И если у тебя хватит смелости на этот подвиг – отказать ей в насущном, то она это тут же поймёт. Понимать тебя ей внезапно станет выгодно! И в следующий раз будет стараться с тобой на все лады.

– Чтобы получить от тебя именно то, о чём она тебя просила, а не утешительный приз?

– Вот поэтому-то я никогда и не покупаю менадам ничего из того, о чём они меня просят, пока те не дадут гарантию,

что за это им придётся расщитаться со мной натурой.

– Чтобы это стало выгодно!

– И мне и ей. И нормальные менады из команды «Спартак» это понимают и соглашаются. А менады из команды «Динамо», что пришли в места для отдыха чтобы продинамить лохов, тут же отсекаются. К тому же тем, что я не хочу ничего им покупать, а не пускаю пыль в глаза, покупая всё подряд, говорит им именно о том, что я реально богат, раз не сорю деньгами, как нищоброды. И даже если и богат, то уже не кичусь своим богатством. Как те, кому деньги случайно попали в руки, и они тут же их теряют, транжирия с непривычки. Что только набивает в их глазах мой ценник!

– Выходит, что чем меньше ты на девушку тратишь, тем больше ты от неё получаешь? – удивился Банан

– Ещё как выходит! Поехали снимать менад!

Глава 19

Так что нужно было любой ветошью спешно заделать пробоину в его кровоточащем сексуальными фантазиями сердце. И он снова позвонил Креусе.

– С твоим животным мне уже всё предельно ясно. Но у меня есть новости для Творца Галактики!

– Ладно, приезжай вечером, поболтаем.

Отвёз Креусу на пляж «Волна» и стал читать:

«После того, как Женевьева обратила внимание на заявку Творца Вселенной для отправки его в литературнэ на любую планету низшего типа, она тут же поняла, что это поможет ей выгнать из тюрьмы Артура. Если ей удастся уговорить Творца отправиться именно на Землю. И поспешила согласовать это на Луне, где коалиция архангелов с планет высшего типа давно уже оборудовала себе Пункт Наблюдения за тем, в каких условиях содержатся на Земле заключённые с их планет. Контролируя архидемонов и следя за тем, чтобы те не перегибали палку, излишне усердно наказывая падших ангелов за их проступки.

– Вы хоть понимаете, что именно вы мне предлагаете? – отшатнулась Женевьева от архидемона, выслушав его встречное предложение. – Если Ганеша будет страдать на Земле от гепатитов, то у него не хватит энергии на про-

буждение. А значит – дать и Артуру даже шанса покинуть эту планету-тюрьму! Что за бред?! Может, вы не будете играть с ним в Прометея?

– Буду! Потому что он считает, что сможет легко Пробудиться из любых социальных условий.

– Абсолютно! – подтвердил архангел. – Их специально в Учебно-тренажерном центре «Млечный путь» именно этому и обучают перед тем, как отправить в командировки по галактикам. Чтобы все они смогли вернуться.

– Вот пусть и докажет нам, что он достоин носить звание Творца Вселенной! – усмехнулся архидемон. – Ведь это не просто должность, но ещё и высшая ступень в иерархии разумных существ! Или вы думали, из каких богов произошли Старейшины? Именно из Творцов! Вот поэтому архангелы и согласны на этот эксперимент. И будут во всём вам помогать. Так как это будет проверкой на то, достоин ли Ганеша, в перспективе, стать одним из Старейшин.

– Это будет его выпускной экзамен! – подтвердил архангел.

– Минуйя то, чтобы стать начальником экспедиции? – удивилась Женеваева.

– Этот подхалим втёрся в доверие к самому опытному в политических играх Старейшине. И тот упорно продвигает его во власть! Хотя сам Ганеша об этом пока ещё не догадывается. Именно его оппоненты нас об этом и попросили, ведь Старейшины контролируют всю вселенную!

– Назначая Творцов Галактик?

– Нет конечно! Но они, в переломные моменты, вносят в их поведение существеннейшие коррективы, посылая к Творцу Галактики целую бригаду Творцов Вселенной. Чтобы тот от них не отвертелся! Ведь в противном случае любой из них сможет создать в центре его галактики «Черную дыру» такой силы, что она буквально за несколько столетий сможет втянуть в себя всю галактику. Подчистую!

– Да. Но только если Совет Старейшин по каналу высшего разума им это одобрит! – возразил архангел.

– Поэтому мы ни за что не согласились бы на подобную авантюру, если бы один из Старейшин не предложил нам через своего доверенного архангела этот план. Кстати, познакомьтесь, смертные называют его Николай Угодник.

– Так что всё согласовано на самом высшем уровне! – подтвердил архангел.

– В итоге, если Ганеша умрёт на Земле от болезней, так и не успев Пробудиться, он будет играть на стыке эпох роль планетарного Творца.

– Таков план.

– А если Ганеша почует неладное и не согласится? – не сдавалась Женестьева.

– Вот вы как раз и должны будете обеспечить то, чтобы он на всё это согласился, – лукаво улыбнулся архидемон. – Причём, ещё и сам стал бы вас на это самое уговаривать!

– Что за «это самое»?

– Ганеша очень падок до всего красивенького. Догадайтесь, какое у него в Школе Творцов было прозвище? Павлин! Он постоянно писал стишки по любому поводу, видя смысл своей кичливо-незадачливой жизни в создании прекрасного.

– Этим он и привлёк Старейшину?

– Не знаю. Но именно этим его привлекла руководитель их экспедиции, явившись перед отправкой в нашу галактику в Учебно-тренажёрный центр слегка накрашенной. Так легко, чтобы лишь подчеркнуть своё изящество и неземную красоту! И Ганеша тут же на это клюнул. Как Креуса и рассчитывала. Но не учла, что Старейшина, который в этот день принимал у него экзамен, тоже это заметит. По его волнению. И потом, когда Креуса отказалась возвращаться в Центральную галактику без него, они тут же сопоставили одно с другим. И всё, разумеется, поняли – своим высшим разумом.

– Что она решила завязать с работой?

– Когда наконец-то поняла, что стать Старейшиной ей не светит! – усмехнулся архидемон. – И тут же попыталась стать женой того, кого один из Старейшин продвигал во власть.

– Чтобы через него влиять на решения в Совете?

– Именно за это Судьи вселенной и присудили ей тут пожизненное перерождение без возможности Пробудиться из простых смертных. Чтобы устранить потенциальную кон-

курентку, зная её твёрдую позицию по основным вопросам обустройства мирозданий. А не за отказ работать на них Творцом! – усмехнулся архидемон. – Уверенные, что о Креусе никто уже и ни вспомнит, когда мы постепенно превратим её на Земле в демонессу! Сделав полностью непригодной для участия в политической жизни вселенной.

– Кроме Ганеши, – возразила Женестьева, – который после её выходки никогда уже о ней не забудет!

– Так что он либо «в цвете» с ней тут попрощается и оставит, либо останется в её галактике вместе с ней навсегда. Но в любом случае не сможет транслировать в Совете Старейшин её решения. Повторяю, это не наш план, мы слишком мелко плаваем. Нам сотворить такого никто бы тут не позволил – под угрозой исчезновения галактики!

– Всё согласовано на самом высшем уровне! – снова подтвердил архангел.

– И что же от меня потребуется? Какую роль мне предстоит сыграть во всём этом политическом спектакле?

– Вы просто должны будете лишь слегка накраситься, как и Креуса, чтобы Ганеша тут же на вас запал, как и на неё. Ведь вы так красива!

– Но нам нельзя приходить на работу даже легко накрашенными! – возразила Женестьева. – Это прописано в уставе компании: «Клиенты должны грезить о Высшем Мире! А значит – видеть в наших сотрудниках прообразы богов, чуждых всех искушений и страстей». Наивно думая, что мы

запросто с ними якшаемся. Ведь боги, которых на Земле наивно считают обычными инопланетянами, называя их «раса Серых», после тридцати трех лет полностью удаляют себе детородные органы. Чтобы больше не искушаться и не тратить энергию на эмоции и страсти, понапрасну распыляя её в пространстве. Переходя после этого на питание чистой вихревой энергией, получаемой с планет низшего типа. Именно это и обеспечивает им самую высокую продолжительность жизни их физических тел в галактике – до шести тысяч лет. Тогда как даже нам, ангелам, не удаётся прожить более двух тысяч. Именно потому, что мы не удаляем себе детородных органов, чтобы не терять смысла жизни! Так как мы, всё же, психически чуть более примитивны и не так стабильны, как боги. Продолжая заниматься сексом раз в месяц. Наше агентство «Новая жизнь ангела» было создано именно для того, чтобы ангелы, воплощаясь на одну жизнь в телах богов, прочувствовали на собственном опыте, каково это – жить одним лишь ментальным телом. Создавая для других Сказки, в которых ангелы после этого будут жить, называя их «научные теории». Подобно тому, как Социализм строился по чертежам «Капитала» Карла Маркса. И понять для себя, хотят ли они, в перспективе, стать богами. Либо уже смириться и так и оставаться ангелами, если жизнь богов покажется им несносной. С удивлением, воодушевлением и восторгом от всё новых прогрессивных теорий (данных нам богами), строя всё лучшее, всё более «Светлое

будущее» в своём доминионе. Делая жизнь ещё более осмысленной. Чтобы без оглядки на боль и низшие принципы, мешающие нам плодотворно развиваться, создавать вокруг себя прекрасное! В каждом своём творении, будь то мебель, архитектура или предметы роскоши. И действительно жить в Сказке. А не – умозрительно, как боги. Что живут на своих планетах в отрешенности и полной нищете – по нашим меркам. Всю свою жизнь оставаясь голыми и используя только лишь насущно необходимое. Да и то – временно, пока в этом есть нужда.

– Подчиняясь закону «Абсолютной необходимости»! – подтвердил архангел.

– Были бы смертные хоть чуточку терпеливее, они тоже смогли бы использовать свои тела во всей полноте, что заложена в их тела Создателем. А так, их тела – это слишком дорогие для них игрушки, – улыбнулась Женевьева, – которые смертные используют точно так же, как и до того, как Ганеша решил подарить им тело Вечного.

– Подарил не сам, а по решению Совета Старейшин! – уточнил архангел.

– То есть используют и это тело тоже лишь для того, чтобы размножаться как собаки! – улыбнулась Женевьева. – То есть ящеры как были недо-разумными полуживотными, какими Ганеша на Земле их обнаружил, так ими, по сути своей, и остались. Даже – приняв форму Вечного. Так и не научившись использовать своё новое тело даже на проценты.

Среди которых только считанные единицы обладают теперь рассудком.

– Тут же величая себя великими учёными! – усмехнулся архидемон.

– Не говоря уже об интеллекте, которым обладают только ангелы! – понимающе улыбнулась Женевьева.

– Попытавшись и на Земле сделать всех её обитателей не менее разумными! – возразил архангел.

– Кстати, – переключилась Женевьева на архидемона, – я порылась в архивах и обнаружила у вас одного из величайших мастеров, которого сослали на планету-тюрьму на пожизненный срок без возможности Освобождения даже по амнистии. Из-за того, что он стал обладать таким могуществом, что попытался стать Творцом Галактики. Но не новой галактики, нет, а почему-то решил захватить власть в уже существующей. Так вот, я хотела бы переродиться на Земле как его дочь. Чтобы он с детства обучил меня всему, что знает.

– Что-о-о? – оторопел архидемон от такой наглости. – Вы хотите, чтобы ваше путешествие на Землю стало бы одновременно со спасением Артура ещё и курсами повышения квалификации?

– Ну, а что? Либо я спасаю мужа, либо оставляю его там навсегда. Но хотя бы научусь за это время у мастера его основным приёмам. В любом случае я должна выведать у него все ваши тёмные тайны и выложить их Ганеше в «Глубин-

ной Книге», чтобы он помог мне вытащить из тюрьмы Артура. Это часть сделки! Либо вы на всё это соглашаетесь, либо я не стану краситься, рискуя потерять работу. Мне нет до игр в Совете Старейшин никакого дела! Пусть соблазняют на свои политические шашни кого угодно. А мужа я в любой момент и другого могу себе найти. Я даже без макияжа на работе каждый день отвергаю своих поклонников. Тем более что, как Навигатор, я могу проложить маршрут к любому сердцу! Только представьте, что за торнадо эмоций закрутит вокруг меня неженатых ещё сотрудников из агентства, когда я приду на корпоратив накрашенная?

– Легко! – подтвердил архангел.

– Поэтому я и хочу уже либо хотя бы попытаться спасти Артура, либо поставить для себя в отношениях с ним жирную точку! И ответить на Вечный зов одного из тех, кто ко мне равнодушен. Даже – без косметики!

– Хорошо, будет вам мастер! – согласился архидемон. – Итак, по рукам?

– Ну, а Ганеша? Моё агентство должно предложить ему то, чего он не встретит на других планетах. Ангелиц у него уже было столько, что я вряд ли смогу его всерьез увлечь.

– Хорошо, – улыбнулся архидемон, – я дам ему Творца Галактики!

– Замечательно! – всплеснул руками архангел. – Ведь Ганеша тут же распознает в ней падшую богиню Геру и хотя бы попытается вернуть в Рай – на Поля Будд!

– Но боюсь, что её ему будет недостаточно! – возразила Женестьева. – Думаю, он захочет более острого блюда.

– Вы намекаете на демонессу? – оторопел архангел.

– Вы хоть понимаете, что это только звучит красиво? – усмехнулся архидемон.

– Должна же я его хоть чем-то ошарашить? Чтобы он точно клюнул!

– Хорошо, я дам ему саму Каллисто! Пусть хлебнёт по-полной! – усмехнулся архидемон. – Давно я не издевался над богами. Причём, официально!

– Но она же сделает ему так больно, – оторопел архангел, – что Ганеша полезет на стену от душевных мук.

– Так это именно то, что мне и нужно, чтобы он точно пробудился!

– Нет, вы не ангел! – вздохнул Николай Угодник. – Разве можно причинять богу столько боли? Я подам на вас жалобу в Верховный суд галактики!

– Хорошо, договорились! – усмехнулся архидемон. – С нетерпением буду вас ждать. А вы не хотите к ним присоединиться? – лукаво посмотрел он на архангела.

– Как только наступит Сатья-Юга, я первым туда явлюсь, чтобы выжигать вашу ересь! Будем надеяться, что Ганеша окажется гораздо крепче, чем боги нашей галактики.

– Вот и проверим, кого теперь берут в Творцы Вселенной! – улыбнулась Женестьева. – Возможно, для него это окажется гораздо терпимее, чем вы думаете.

– Что ж, если Ганеша действительно справится, и на Земле наступит Сатья-Юга, я не буду подавать на вас жалобу. Впрочем, иначе вы останетесь там со своим Артуром навсегда. И жаловаться будет просто не на кого.

– Да будет вечная Кали-Юга! – проревел архидемон и исчез.

– Боюсь, что и мне уже пора, – улыбнулся архангел. И исчез тоже».

Глава 20

– Теперь ты понимаешь, почему я не хочу связываться с Элен? – усмехнулся Алексей.

Но как только он попытался обнять Креусу, та отстранилась:

– А ты знал, что при трансформации животного ума в высший разум нельзя заниматься сексом? Я только вчера прочитала об этом в «Тайной Доктрине» Блаватской.

– Конечно знал! И дал заповедь «Не прелюбодействуй!» не только для того, чтобы социальные животные перестали беспорядочно спариваться, но ещё и для того, кто начнёт практиковать религию и почувствует на своей шкуре, как после употребления спиртного, мяса или секса его тут же покидает духовная энергия. И он снова ощутит себя животными!

– Почему же ты сразу об этом не сказал?

– Догадайся!

– Чтобы использовать меня, как животное?

– Если ты наивно хочешь поиграть в эзотерику, то поверь мне, оно того не стоит. В современных реалиях это слишком дорого! Ведь тебе придётся изменить не только питание, но и весь твой образ жизни. Эзотерика – это роскошь, которую ты не сможешь себе позволить! Подожди, пока помрёшь своей смертью, и тогда официально в астральном теле... – попытался он её поцеловать.

– Да не могу я ждать! – отстранилась Креуса. – Я должна всё выяснить ещё при жизни! Иначе мне снова сотрут память, ты же знаешь! А тебя в следующей жизни рядом уже не будет, чтобы снова открыть мне глаза.

– Почему это?

– Наши линии жизни разойдутся! Когда я узнала от Ганимеда, как низко ты тут пал, я была просто в шоке! Ты должен полностью завязать с криминалом!

– Это просьба или приказ? – усмехнулся Алексей.

– Приказ! – отрезала Креуса.

– Господи, я клянусь тебе навсегда завязать с криминалом! – молитвенно сложил он руки. – Тем более что по-настоящему мы живем лишь пока взаимодействуем, обмениваясь полезной друг для друга информацией. Обучаясь быть кем-то большим, чем мы есть сейчас. Именно общение на фоне взаимодействия и позволяет нам выйти за рамки своей социальной роли, постоянно пересматривая и изменяя себя в процессе общения. Перестав быть оторванными от мира Нарциссами, засевшими в скорлупе своего эго, которое и заставляет нас собой восхищаться! То есть если мы периодически не будем доверять чужому мнению, подвергающему сомнению наше поведение, то мы так и останемся социальными животными.

– Так ты хочешь, чтобы я контролировала твоё поведение, а ты, в ответ на это, курировал бы трансформацию моего инстинктивного ума в высший разум? – посмотрела на него

Креуса как на Творца. Глазами Креусы Креонтовной.

– Потому что наша задача – как можно чаще отчуждаться от себя, подвергая сомнению и пересмотру свои действия. пробуждая в себе Судью! В философии это называется «будить мысль». И надо будить в себе мысль до тех пор, пока через три недели тебе не удастся полностью стать Судьей.

– Всего-то три недели? – удивилась она. Совершенно искренне.

– Ну, иногда чуть больше, – вспомнил Алексей. – Один раз я так отупел на берегу, что корпел над книгами в рейсе больше двух месяцев, пока не почувствовал, что снова в Большой Игре. Зато потом у тебя начнётся процесс полного пересмотра картины мира, во время которого ты начнёшь его полностью выворачивать наизнанку и формировать свое собственное мировоззрение. Перепостигая мир для себя заново. В философии это называется «Эпохэ».

– Тогда объясни, наконец, как начать мыслить самостоятельно?

– Твои мысли есть производное твоего опыта. Это наша месть на чуждую нам неадекватную реакцию другого, поданную на твоё рассмотрение, на твой суд, выступая как полномочный представитель всеобщих ценностей. Но в той форме, которая в данный момент для нас наиболее выгодна. Чтобы всеобщие ценности могли не только оправдать, но и поддержать тебя!

– Но так делает каждый! Мы все поворачиваем для себя

ситуацию таким боком, который для нас наиболее выгоден.

– Поэтому в любом действии и в любой мысли, взятой как момент взаимодействия, изначально заложен правовой момент.

– То есть любой, подвергающий сомнению твоё действие, есть прокурор?

– А всеобщие ценности – твой адвокат! А ты, то есть твой высший разум, Судья. Ты, отчужденный от себя. Судья, ставший – через отчуждение – выше тебя и других, их мыслей и поведения. Поэтому если мысли других и можно использовать, то лишь для того чтобы начать видеть себя со стороны. Со стороны всеобщих ценностей! Научившись от себя отстраняться, отчуждаться. До тех пор, пока ты не начнёшь мыслить самостоятельно. Поэтому я и называю свой (чуждый мне и другим) высший разум – Творец! Который понял уже, из-за кого ты мне сейчас отказываешь.

– Но у меня с Ганимедом ничего не было! Я позвала его к себе, чтобы ты, из ревности, смог переключиться на Элен.

– Чтобы я вам обоим за это отомстил?

– Да! Я давно уже научилась использовать ревность в конструктивных целях. Забыл, как зовут мою высшую сущность?

– Но у нас ничего не вышло, Гера. Ты напрасно принесла себя в жертву, прыгнув на амбразуру Ганимеда голой грудью.

– Нет же! Я всего лишь сделала вид, что готова прыгнуть!

– Докажи!

– Но – как? – растерялась та. – Ты ведь всё равно не пове-
ришь ни единому моему слову. Слова ничего не значат!

– Ошибка Хайдеггера и других философов в том, что они
пытались познать бытие умозрительно! Тогда как сущее по-
знаётся не на спекулятивном языке мышления, а на языке
навыков тела! – подмигнул Алексей. – О чём знали мастера
Шаолиня, заставляя учеников вначале освоить в совершен-
стве язык тела, а уж потом приступать к языку мышления,
как более тонкому и точному языку, благодаря которому мы
познаём то, что именно сейчас надо делать и как побыст-
рее этого достичь для достижения конкретных целей. Сло-
мив сопротивление тех, кто станет нам возражать, не только
острым словом, но и не менее сильным телом. Именно пото-
му что мы это интуитивно чувствуем, нам и нравятся боеви-
ки с положительными героями, отстаивающими справедли-
вость, не щадя себя! О чём знали все христианские святые,
заявлявшие по зрелому размышлению, что «добро должно
быть с кулаками». Настаивая на том, что ты должен стать
именно воином христовой веры, способным защитить исти-
ну не только интеллектуально, но и с мечом в руках! С чем
соглашаются позитивисты, настаивая на том, что практика –
критерий истины. Иначе Бог давно бы уже перестал попус-
кать вооруженные столкновения, если бы дух воина не по-
могал нам отсекал досужие умозрения, приводящие лишь
к заблуждениям и ошибкам. Которые так любили распуты-
вать философы, петляя в них, как зайцы, лишь намекая нам

на истину. О которой знал Христос, предлагая новый способ бытия в мире, а не последовательный ряд спекулятивных измышлений. Как те, кто считает истину предметом соглашений, то есть совокупностью мнений тех или иных интеллектуалов, не понимающих ни того, что есть истина, ни того, что праведность это не абстрактный раздел этики, а конкретный способ бытия, ведущий высоконравственных борцов со злом в самом себе к эволюции их же тела на генном уровне! Позволяя нам стать святыми уже в этой жизни и познать абсолютно все тайны бытия – на языке тела, каждый день закрепляя их на практике всё более совершенными поступками. И создать рай на Земле уже сейчас, улучшая качество бытия своих близких конкретно! – подмигнул он, коснувшись её руки.

И Креуса рефлекторно поцеловала Творца в губы. Улучшая и улучшая качество бытия совершенством своего тела.

Пока не наступил рай.

– Ладно, если завяжешь с криминалом, то звони. Но не чаще, чем раз в месяц! – наконец-то отстранилась Креуса, пытаясь застегнуться. – Ты порвал платье! И не забывай, для чего мы здесь, займись Каллисто! Или ты забыл, о чём мы договаривались в Тронном Зале?

– Так ты тоже всё вспомнила?

– Выбей из неё, кто стоял за покушением. То, что ты наплёл Женевьеве в агентстве, это официальная версия следствия. Каллисто – лишь инструмент в чьих-то более могуще-

ственных руках.

– Думаешь, за этим стоит кто-то из Старейшин?

– Я боюсь так думать!

– А меня тебе не жалко!

– Я стала подозревать о заговоре сразу же после «Большого взрыва». И то, что Каллисто стала бунтовать против Времени, лишь укрепило меня в мысли, что архидемоны появились на Земле не просто так. Ни в одной другой галактике такого ещё не было, чтобы демоны смогли эволюционировать так быстро, что им удалось победить богов. Выясни их метод, благодаря которому они нас тут победили! Думаю, кто-то из соседней галактики устроил мне тут помойку, сослав на Землю свои самые чёрные души.

– Каким образом?

– Хотела бы я знать! Думаю, их технологии сильно обошли наши. Поэтому я и не стала возражать, когда ты решил превратить Землю в планету-тюрьму. Так мы сможем криэйтеров контролировать, купировав эту заразу в пределах одной планеты. Но я должна навести Порядок! Боль за судьбу моих созданий удерживает меня в галактике. А я так тоскую по вечности!

– Ты хоть помнишь о том, что обещала мне в Центральной галактике?

– Выйти замуж? Но не здесь, на помойке, а на планете Тронный Зал! Я мечтаю устроить самую шикарную свадьбу в галактике! Или ты забыл, что спустился в Ад, чтобы спасти

свою «невесту небесную»?

Что заставило его глубоко задуматься.

– Прости, – тронула Креуса его за руку, – но мне пора домой.

– Так ты хочешь, чтобы я отвёз тебя домой? – завёл он машину.

– Да, верни меня на планету Тронный Зал. И как можно скорее! Я не хочу выходить замуж старухой!

Глава 21

Через пару недель он наконец-то понял, что от судьбы не убежишь. И позвонил Элен.

– Не знаешь, где тут можно поесть? А то я, если честно, уже умираю с голоду.

– Ты снова не ел три дня? – усмехнулась я. – У меня не получится. Но здесь есть столовая в пятой бане, можно сходить туда. Там недорого. И если хочешь, я могу составить тебе компанию, я ещё не обедала.

– Фу-у, столовая! Есть тут какое-нибудь кафе?

– Рядом есть одна «китайская кухня». Мы недавно были там... с подружкой.

– Сколько тебе дать на сборы? А то, пока ты спустишься, я уже умру с голоду. Пяти минут хватит? Если нет, то вызывай «Скорую помощь».

– Постараюсь.

– Хорошо, я пока что подъеду к твоему дому.

– Только близко не подъезжай! – испугалась я. – Встань у соседнего. А то мама снова будет ворчать, что ещё один умер от любви ко мне!

– Ну и что у нас с переводом? – усмехнулся Алексей, пока повара готовили блюда.

– Некогда пока. Но как будет время, я начну! И зна-

ешь, почему? Ни за что не догадаешься! Вчера у меня тоже было осознанное сновидение! Представляешь? Значит, ты не врал! Я всем говорила, что я автор нашумевшей книги, а мне никто не верил! «Вот, посмотрите! – настаивала я. – Это же я!» Но все только крутили пальцем у виска: «Ты не смогла бы такое написать!» Это было так реально! И так обидно, что никто не верил, что я – гений!

– Выпрями спину, гений!

– Зачем это?

– Чтобы небо входило в тебя. Или ты думала, что делает из тебя принцессу?

– Осанка? Но мне, наоборот, почему-то нравится сидеть ссутулившись, – подтянула я колени к подбородку и обхватила их руками, – вот так!

– Это не тебе нравится так сидеть, а твоему животному. Это «поза эмбриона». Твоё животное погружается в свой незатейливый рай, бессознательно вспоминая то ощущение отрешенного блаженства, в котором оно пребывало в утробе матери. Без забот и хлопот! Думаешь, чем пролы отличаются от более высших каст? Высшие касты постоянно включают «улучшайзер», чтобы каждую секунду становиться всё более совершенными!

– Как ты?

– Как ты! Следи за спиной! Утверждай свою власть над телом!

– Постоянно?

– Всегда! Мысли как Вечная! Это должно стать твоей привычкой.

– Чувствовать себя принцессой? – улыбнулась я и невольно приосанилась.

– Быть ею! Принцессой надо себя ощущать!

– Осанкой?

– Перестань спать на ходу! Мы должны каждую секунду становиться всё более лучшей версией самих себя! Когда работать над собой входит в привычку, ты сможешь снова стать богиней даже в Аду! Поэтому я хочу, чтобы ты меня тоже постоянно поправляла, если увидишь, что я делаю что-то не так. Договорились?

– Хорошо! Только потом не говори, что я до тебя докапываюсь! – засмеялась я.

Появилась официантка и поставила на стол блюда.

– Креуса сказала, что теперь ты свободна.

– Когда мать узнала о том, что произошло на яхте, она позвонила на домашний Ахилла и сказала, что если я срочно не вернусь домой, то она меня в семью уже не примет. Я поговорила с Ахиллом, и ты знаешь, что сказал мне этот панк?

– Что же?

– Что ему пофигу! «В смысле тебе пофигу? – не поняла я. – И на меня – тоже?» «Да вообще на всё и на всех пофигу! Я же панк. Можешь жить у матери, я не напрягаю». Так мне и сказал, представляешь? А я-то думала, что он меня любит. О семье мечтала. А ему, оказывается, на всё пофигу!

– Как и учил его Егор Летов. А чего ты ждала?

– Да ничего я потом уже и не ждала! Мне тоже стало на всё пофигу. И он – тоже. Я ведь с ним прониклась духом панка, их музыкой, текстами. И вернулась домой. Объявив, что рассталась с Ахиллом.

– Навсегда?

– Встречались потом, правда, иногда. То он ко мне заедет, когда у меня никого не было, то я к нему, если у меня появлялось на это время. То в походы на выходные пешком ходили на самые дальние бухты, чтобы было поинтереснее и подальше ото всех! На «Триозерье» и соседние с ней бухты. Вот бы хоть разочек ещё туда сходить! Там так красиво! – просияла я. Тут же постеснявшись своего порыва. – В общем, перебивались кое-как. Помаленьку.

– Если хочешь, можем съездить в те места, куда ты ходила пешком с Ахиллом! – благодушно предложил Алексей. – В качестве аванса за перевод книги. Я ещё ни разу не был на «Триозерье».

– Что, правда, что ли? Когда?

– Да хоть сейчас, погода классная!

– Но туда ехать только часа полтора.

– Прокатимся на пару часиков. Искупаемся и позагораем, да и всё тут. Я же тебе с ночёвкой ехать не предлагаю. Так что можешь меня не бояться, я не кусаюсь. Пока светло.

– Ты гений! – подскочила я. – Я только плавки и покрывало дома возьму!

– И шарфик на шею. На тот случай, если мы задержимся.

– Так ты вампир? – засмеялась я.

– Главное не сам укус, а его предвкушение! Со всеми его придыхательными, гласными, но уже безгласными...

Глава 22

Кинула пакет с покрывалом на заднее сиденье, села в машину и попросила:

– Ехать долго. Расскажи, пока будем ехать, о чём твоя книга. Я должна знать, о чём ты пишешь, чтобы проявить блеск, а не нищету перевода.

– «Книга Жизни» содержит многочисленные сцены сексуального характера, сцены насилия с сексуальным характером, сцены готовности к насилию ради секса и готовности к сексу ради сцен насилия! Так как демоны и демонессы только этим и живут, то и дело вовлекая главного героя в свои брачные игры. Где он проходит путь от глубокого циника в юности, как и всякий конченный материалист, помешанный на поклонении науке и искусству, до истинно верующего.

– Верующего в Бога? – криво усмехнулась я.

– В подлинно прекрасное – мир ангелов! Но неугомонные архидемоны, окопавшиеся на данной планете, продолжают с каждым годом всё сильнее его искушать, посылая к нему отъявленных грешников и бредовые идеи, пользуясь его наивной жадой обрести в этом мире свою вторую половинку. Стоит ли упоминать о том, что все мои книги являются чистойшей социальной фантастикой, не имеющей ни к кому из современников, ни к представителям древности ни малей-

шего отношения. Тем более что у автора, как и у любого самостоятельно мыслящего философа, давно уже выработался сугубо свой метаязык, который он постоянно показывает современной ему науке, отставшей от него на целую вечность. Всё описанное в моих книгах является чистейшей выдумкой автора, в том числе и – его герои, их слова, действия, мечты и не менее бурные, чем у автора, фантазии. И проводить какие-либо параллели с героями исторических событий (несмотря на многочисленные аллюзии и сноски) в жизни автора и данной планеты вообще означало бы поддаться на искушение проникнуть во внутренний мир автора и стать ещё одним из его персонажей – ещё одним попаданцем. Но уже – во внутренний мир книги, которая внезапно так вас очаровала, что заставила совершенно искренне поверить в реальность происходящего вокруг вас хаоса и буквально втянула вас в себя. Вывернув в виде точно такого же потенциально-го ангела у себя дома, возжаждав точно так же реализоваться на основе опыта восхождения главного героя. Тем более что это оказалось не таким уж сложным! Даже для таких наивно-демонических созданий, как и любой житель этой планеты, на которой наш герой неожиданно для них очутился. Ведь в моих книгах описано ровно то, как этот ангел благодаря своей отзывчивости и жажде социального эксперимента сумел-таки отыскать истоки подлинной религии. Благодаря Судье Херкле прорвался на Летучий Корабль – в штаб повстанцев, существующий к его удивлению и до сих пор. Пре-

одолеет-таки все искушения и соблазны, заставлявшие его ранее перерождаться в Аду из жизни в жизнь. И используя свои пан-исторические воспоминания, неожиданно для себя духовно переродился в этом воплощении в настоящего Волшебника для того чтобы начать чудить и чудотворить в этом социальном аду уже по-настоящему! Продолжение которой не заставит себя долго ждать, неожиданно мутируя и вырываясь со страниц в нашу с тобой реальность. Ведь подобно тому, как Христос приходил исключительно к «павшим овцам дома Израилева», так и наш герой, подобно Орфею, постепенно спускается в самый настоящий Ад в поисках своей Эвридики!

Я подумала, что это он обо мне и улыбнулась:

– Давай, заедем на рынок и купим чего-нибудь на пляж.

Мы с Ахиллом тут постоянно что-нибудь покупали!

– Зачем? Мы ведь только что поели.

Я расстроилась, что этот жмот мне ничего не купит и решила загорать так, как привыкла делать это с Ахиллом и его друзьями, заставляя их сходить с ума от возбуждения. И поэтому на рынке вежливо спрашивали: «Тебе что-нибудь купить на пляж?»

Алексей увидел пробежавший по лицу холодок, усмехнулся и включил кассету с неизвестными мне песнями.

– Выключи! – не выдержала я и минуты. – У меня от неё мурашки!

– В такие минуты нужно чутко прислушиваться к тому,

что внутри тебя происходит. Когда ангелы через песни посылают тебе знаки! – улыбнулся Алексей над тем, что гопи ещё не слышит легкого шума крыльев его свиты.

Который я предпочитала держать за шум в ушах и легкое головокружение от его постоянного одухотворения моих чувств.

– И что за знаки они мне сейчас посылают?

– Тебе видней, это ведь твои ощущения. У тебя они свои, а у меня – свои. Ангелы каждому расставляют свои акценты важности, которые мы ощущаем.

– Может быть не ощущаем, а – чувствуем? – усмехнулась я. – Ощущают руками!

– Ангелы любят настолько сильно, что ты это именно ощущаешь. До мурашек! Слушай эти песни и ангелы будут акцентировать твоё внимание своей любовью на том, что именно для тебя сейчас важно.

И я стала слушать. И только смеялась над каждой песней, понимая, что ангелы пытаются меня в него влюбить. Наслаждаясь тем, как красиво любят ангелы.

И тут до меня дошло:

– Так ты всем девушкам включаешь эти песни, чтобы ангелы их в тебя влюбляли?

– Нет. Мегере я включал этот сборник песен уже после того, как она призналась мне: «Я хочу тебя!» И что характерно, вначале я услышал эти слова в песне¹⁷, а через пол го-

---

¹⁷ Президент и Амазонка, «Хочу тебя».

да Мегера воплотила эту мою мечту в жизнь. Как и завещал Уайльд: «Жизнь подражает искусству!» Но до этого вечера на кухне Алекто я и не подозревал, что слово в слово!

– И ты думаешь, что я развешу уши и тоже в тебя влюблюсь?

– Чувствовала бы ты тоже самое, что и я, когда впервые услышал песню¹⁸, через которую ангелы мне показывали, что я и есть Христос, который через две тысячи лет снова тут воплотился!

– Да, я слышала эту песню, но ничего не чувствовала.

– А я всегда слушаю песни, как молитвы! И плакал от счастья, понимая теперь, чему так радовались Старейшины на Летучем Корабле, когда Николай Угодник познакомил меня со всеми ангелами, подробно рассказывая о том, какие группы ангелов курируют ведущие мировые религии, какие – секты, а какие управляют текущими мировыми событиями на Земле. И как только я разочарованно понял, что мы полностью в руках Божьих, пригласил меня в окруженный стеной Храм Небесный. Он отодвинул вьющийся по стене плющ, открыл дверку, пропустил меня в тёмный тамбур и строго спросил, не отступлюсь ли я от религии? И как только я заверил его, что обратного пути уже нет, он пропустил меня вперед, тоже вышел и воскликнул: «Свершилось! Чудо-чудное! Диво дивное!» И повёл по залу мимо Старейшин, которые восклицали: «Ну, наконец-то!» «Мы столько

---

¹⁸ Демю, «2000 лет».

веков ждали!» Пока апостолы не окрестили меня Святым духом. И Николай Угодник сказал: «Ну, всё. Теперь ты один из Нас». И как только пришел из рейса, вдруг услышал эту песню и сразу же понял, какие именно ангелы вдохновили её на создание этого альбома! – улыбнулся Алексей и помахал рукой солнцу.

Ангелы молча помахали ему в ответ. Прекрасно осознавая, что Творец их с такого громадного расстояния, разумеется, не видит. Но так хотелось в это верить, что... одна юная особа послала ему воздушный поцелуй. Поклявшись мысленно: «Как только Творец вернётся на Летучий Корабль и захочет поблагодарить коллектив лично, я с ним непременно встречу. Просто поговорить. А дальше... как получится. Если получится!» – тут же поправила себя ангел. Заметив, что все остальные ангелы улыбнулись, прочитав её мысли.

Пока я слушала кассету с неизвестными мне песнями. Иногда подрагивая от прикосновения чьих-то крыльев.

Глава 23

Приехали на пляж «Триозерья» и оказались на удивительно светлом берегу моря. Достали из багажника серое покрывало, расстелили на песке у воды, разделись до плавок и пошли купаться.

Но вода оказалась довольно-таки холодной, так как бухта выходила прямо в открытое море. В этом году тёплое течение пошло, обогнув Японию. И холодным течением, выданным из ледовитого океана, охладило пыл ныряльщиков. Вышли из воды и легли загорать на покрывало. Любуясь на удивительно синее море, подставив грудь солнцу.

– Я загораю без купальника вовсе не для того, чтобы ты пялился на мою грудь! – усмехнулась я. Над тем, что все проходившие мимо отдыхающие, выпучив глаза навыкат от удивления, именно пялились на мою роскошную грудь. И посмотрев на Алексея, отрицательно мотали головой. Мол, что ты своей девушке позволяешь? – Да не обращай ты на них внимания, в Европе все так загорают!

Но уже через пару минут заметила, что Алексея охватил испанский стыд. Он слегка покраснел и стал закрывать мои высокомерно вздёрнутые носики сосков белыми ракушками:

– Ты разве не знала, что от солнечного света очень вероятен рак груди?

– Ой, да ладно врать! – усмехнулась я. Но ракушки не ста-

ла стряхивать. Эффект был достигнут. Теперь он будет покупать мне всё, на что я укажу пальцем! – Знала бы я, что тут уже успели построить базу отдыха, ни за что не согласилась бы сюда поехать. Надо было ехать в соседнюю бухту! «Окунёвая» чуть поменьше, поэтому отдыхающих там почти нет.

– Так поехали в «Окунёвую», чего сидеть? А то эти зеваки меня уже достали! – закатил Алексей глаза так высоко, что протёр их линияло-голубой скатёркой неба, натянутой на круглую столешницу мироздания. Вздутостью центра своей противности явно давившей на шары и выдавливающей талую слезу, нерву в прогрессии и выход из себя на выхлопе эмоций.

– Нет, – возразила я. – Давай сегодня погуляем тут, а в следующий раз поедem уже в «Окунёвую».

– Тогда пошли гулять! Чего сидеть?

И мы направились прочь от базы отдыха по удивительно светлому пляжу в сторону белёсых валунов, громоздившихся в конце длинной дуги побережья, упиравшейся в зелень сопки.

И пока шли по песку, оmyвая ступни в прохладных волнах, Алексей усмехнулся:

– Куколка, ты пытаешься убить мою самооценку своей надувной грудью? Спешу тебя разочаровать, миром правят идеи! Идея одежды возникла вовсе не для того, чтобы девочки одевали и раздевали себя, как своих куколок, а при

сопротивлении природным стихиям, как попытка перенять её у мохнатых животных. Одежда – это не более, чем роба. Просто, для каждого вида деятельности существует своя роба. Вот и всё. Поэтому мы и приобретаем именно те вещи, которые, на наш взгляд, – скопил он глаза на надувную грудь куклы, – в данной ситуации нам жизненно необходимы!

– Это ты про то, что я загораю без купальника? – усмехнулась я.

– Все предметы в мире возникают при столкновении живых существ с миром, как разнообразные способы самостоятельного разрешения возникающих противоречий.

– Вот поэтому-то в мире столько вещей, что у каждого из нас свой взгляд на жизнь!

– Пока мы не осознаем подлинного смысла жизни!

– Так, а в чём тогда подлинный смысл жизни?

– Как это – в чём? – усмехнулся Алексей. – Хайдеггер давно ответил: «Смысл жизни в бытии. И не просто в бытии, а в становлении. Как активном действовании!»

– То есть?

– Он перефразировал Христа: «Будьте совершенны, как совершенен Отец наш небесный!»

– И ты пытаешься стать совершенным, как сам Господь Бог?

– Для этого не обязательно быть Богом. Достаточно стать богоподобным! – гордо расправил он мускулистые плечи. – Поэтому я и дружу с Ганимедом, чтобы бесплатно – то есть

по контрамарке дружбы – ходить заниматься в спортзале его старшего брата.

– Чтобы стать принцем? – вспомнила я. Приосанилась и тоже расправила плечи, чтобы стать принцессой.

– Настоящую принцессу отличает от черни умение видеть красоту!

– Где? – не поняла я.

– Везде! Оглянись вокруг! «Триозерье» – это самая шикарная бухта в мире! Её песок напоминает мне песок в Анапе, где я отдыхал в детстве. А такого глубокого синего цвета я вообще нигде не видел! Посмотри, как тут красиво!

– Вот поэтому-то я тебя сюда и позвала!

– Чтобы научиться сознательно видеть красоту не только здесь, но и дома, превращая хижину Золушки в шикарный дворец, тебе вначале придётся буквально заставляя себя воспринимать мир эстетически. Потому что у тебя ещё нет соответствующе развитых отделов головного мозга, как у художников и поэтов. Но с каждым разом видеть мир прекрасным будет всё легче и приятнее!

– Даже тогда, когда мне снова станет плохо? – глянула я на свои шрамы.

– Достаточно будет просто выглянуть в окно и начать сознательно видеть красоту в знакомом пейзаже. Который вдруг станет для тебя таким красивым, что твоё мироощущение тут же перевернётся! И ты станешь элементом более высшего, чем ты была до этого, общества!

– Принцессой? – улыбнулась я. Наконец-то осознав, насколько этому «принцу» неловко, когда отдыхающие на нас оглядываются. – Но если я не художник и не поэт, то как мне сформировать эти отделы?

– Смотри на веточку дерева и старайся почувствовать её красоту. То, как нежно она свисает или же, наоборот, с вызовом смотрит в небо! Полностью её прочувствуй! Затем закрой глаза и пару минут вспоминай образ этой веточки вместе с тем, что ты при этом чувствовала. Затем – вторую, третью. Постепенно ты станешь способна охватывать чувством всё дерево. А затем и – пейзаж! Как я выразил это в стихотворении, когда ранней весной шёл поздно вечером и вдруг увидел:

«Чёрны злые клёны,
В каменном фантазме
Выгнулись всей сетью
В сумрачном оргазме!»

– А вот здесь мы ставили палатку, – показала я на небольшую возвышенность в десяти шагах от берега в конце пляжа.

– Если хочешь, я могу купить палатку! Развести костёр и приготовить ужин.

– Что ж, если получится вырваться от матери, – вздохнула я.

И мы побрели по зеркальному мокрому песку обратно, омывая ступни в прохладных волнах.

– А затем я снова обрёл для себя этот метод, когда стоял в пробке. И вдруг вспомнил слова Уайльда: «Нужно уметь видеть красоту. Как Художник». И снова «включил» Художника, воспринимая мир, как картину. Перестал нервничать от того, что стою и начал буквально заставлять себя наслаждаться жизнью, подмечая красоту окружающих зданий, машин, деревьев. И теперь, как только попадаю в пробку, использую её как способ вынырнуть из круговерти мирской суеты, сознательно включаю Художника и уже наслаждаюсь жизнью! В отличие от черни, что в соседних машинах ворчат в бессильной злобе, видя мир серым и грязным. А не хрустально чистым, как я. Переворачивая своё мировосприятие «по щелчку!» Включаю Художника и начинаю жить в сказке! Именно это Ганимед и воспел в песне «Вечер».¹⁹ После того, как я поделился с ним этим методом. И он тоже стал Художником! Сама попробуй!

И я стала любоваться морем, оглядываясь на прибрежные скалы с зелёными шапками леса. И вдруг глубоко вздохнула, словно бы вынырнув на поверхность из под воды:

– Да, слушай, у меня получилось! – засияла я. – Господи, как же тут красиво!

– А ты думала, почему я называю Находку – Изумрудный город? Цветы спрятаны в стёклышках восприятия, этих контактных линзах сознания, которые и делают наш городок таким волшебным!

---

¹⁹ Гагарин бит, «Вечер».

– Да ты и вправду живёшь в сказке!

– Добро пожаловать в мой мир! – улыбнулся Алексей и коснулся руки гопи. – Думаешь, зачем все ездят куда-то отдыхать? Чтобы научиться включать Художника хотя бы в незнакомом месте. Ведь дома им всё уже просто осточертело!

– Может, именно поэтому меня и тянет в Америку?

– Это не Америка тебя тянет, это твой мир тебя отталкивает! Твоё разочарование в себе. А включая Художника, ты выныриваешь из животной души со всеми её социальными проблемами прямо в дух! Это самая простая и приятная медитация.

– Остается лишь наслаждаться этим миром и просветляться! – засияла я. И вдруг ощутила, как он снова коснулся моей руки. И с опаской на него посмотрела.

– Не бойся, это называется «Эриксоновский гипноз». Я закрепил «якорь», чтобы мои прикосновения вызывали в тебе самые восторженные переживания!

Глава 24

Вернулись к покрывалу, ещё раз искупались и легли загорать.

– Из диалектики Гегеля, как учения о единстве и борьбе противоположностей, мы понимаем для себя не только то, что это его Учение применимо к каким-то глобальным явлениям, как это уже однажды сделал на коленке Ленин и все стали смотреть на диалектику сквозь только этот его наколенник, с которым Ленин вышел на лёд мировой истории, не проникая самостоятельно в рядах болельщиков за его команду в самую суть учения Гегеля, настолько сильно они были под впечатлением от игры Ленина. Продолжая ещё семьдесят лет с ребячьим азартом гонять у себя во дворах республик шайбу его посылы. Всё никак не решаясь признать то, что есть ещё и другие игры, кроме игры в социальную справедливость. И поверили в предложенную Марксом по этому поводу экономическую подоплёку для покупки формы, клюшек, шайб, содержания тренеров, уходе за льдом и прочими сугубо экономическими составляющими, без которых никакая игра невозможна в принципе. А значит, сделал наивный вывод Маркс, это, суть, правила любой игры! На что даже школьник младших классов может покрутить пальцем у виска и показав ему язык, подобрать первый попавшийся камень, расчертить «Классики» и тут же начать играть,

полностью опровергнув столь долго и тщательно создаваемый Марксом «Капитал». Давая понять Марксу, что деньги – это вообще нечто искусственное и не имеющее ни к жизни, ни к социальным, ни к любым другим играм, в которые только и играют всю свою жизнь люди, никакого реального значения. Взять то же богостановление, передаваемое ранее в поэтической форме для гораздо более лёгкого запоминания в виде мистерий из уст в уста. С полнейшим запретом для какого-либо записывания. Чтобы значение театра продолжало из века в век восприниматься как нечто боговдохновенное, где сами актеры – кассандры, где ты сам волен выбирать, верить или же всё ещё сомневаться в их пророчествах. Которые ты именно так и воспринимаешь мурашками по телу. И будешь с трепетом ждать появления в твоём городке очередных бродячих по городам и селам балаганных актеров. Доносящих до жителей дыхание небес. В своих повозках. Пока это с тобой снова не произойдет. Вплоть до появления первой английской драмы из под пера Кристофера Морло. С которого и началась деградация вначале театрального, а затем и искусства вообще. Ведь с тех пор был утрачен сам символический язык, где все слова были лишь указаниями на и без того происходящее на сцене таинство, понимаемое и без перевода в любой стране. Превратившись с тех пор в средство заработка, а не в боговдохновенный образ жизни под открытым небом. Появились книги, а мифы и мистерии были объявлены не более, чем сказками. А не сказани-

ем богов. Да и деньги появились только в результате появления городов, как раз для того чтобы одни бездельники смогли эксплуатировать других. Так что с утилизацией городов и все деньги Маркса и само его учение «Капитал» потеряет для людей свою актуальность. Просто начав жить на земле и занявшись самообслуживанием. Как и жили люди ранее в хуторах, не вникая в суть эксплуататорских теорий, надеясь только на себя и на своих близких. А потому и вынужденно жили друг с другом в любви и согласии. Постепенно и сами становились ангелами, из уст в уста передавая опыт становления Прекрасными. Просто выгоняя злобных своих собратьев за ворота, где их пожирали хищники. Для чего эти дикие звери только и бродили, как и до сих пор бродят себе по всей планете. Для порядка в головах. И их полнейшее уничтожение не только бессмысленно, но и очень даже вредно для психического здоровья человека. Ибо он тут же начинает изводить себя ложно понимаемыми им теориями. Тут же создаваемыми им же буквально у себя на коленке. Ведь человек далеко не так уж глуп и примитивен, как когда-то выгнанным за ворота хуторов теоретикам этого хотелось бы, если его не пичкать мясом и не спаивать алкоголем. Возводя вокруг своих городов высоченные стены, чтобы ни один хищник не смог за них проникнуть и восстановить божественную справедливость, ночью пожрав злодеев. А когда и им этого не удастся – организуя войны именно для того, чтобы натравить города друг на друга и уничтожить

засевших за его стенами злодеев их же собственными руками. Пока они хмелеют от восторга в победах и восстановлении попранной их врагами «исторической справедливости». И так бесконечно, до последнего злыдня на планете. Уничтожая зло его же руками. И всё это делает даже не Бог, великодушно попуская сие действие, ведь его ангелы органически не могут творить насилие. Значит, насилие нужно творить не-органически – руками демонов! Существование которых только поэтому и попускается на этой планете. Как существование палача (неизбежное зло) допускается для наведения в головах порядка. И Сатана будет рубить и рубить без конца и края, пока каждый человек не станет полностью автономным Сыном Божиим. Не только как Его образ и подобие – ребёнок, но через собственное очищение от наивного демонизма и страстей постепенно станет мыслителем – реальным воплощением Божества. Его Духа. В материи, то есть – во плоти. Как *ставишь*. Ведь из диалектики Гегеля следует ещё и то, что взаимовыгодное решение абсолютно любого вопроса не просто есть, но оно сокрыто в самой природе вопроса. И нам нужно лишь прояснить для себя, а затем и для другого природу данного вам обоим вопроса. Чтобы (от общего – к частному) найти это взаимовыгодное и взаимоисключающее ваши эго решение. Чего бы мы не касались. Превращая всё – в золото правильных решений! По формуле: Решение любого жизненного вопроса равняется природе данного вопроса, разделенной на разность взаимных ин-

тересов. $P_v = P_v / (I_1 - I_2)$.

– И что, ты этот универсальный закон применяешь и к нам тоже?

– Благодаря этому закону я до сих пор жив! Мне пришлось отдать почти половину хабара людям Вэпса, чтобы не убивать их. Хотя, для того чтобы они начали воспринимать меня всерьез, мне пришлось сжечь оба их джипа. Слава богу, они успели из них выскочить. И мне не пришлось брать грех на душу. Зато теперь Вэпс думает, что это его люди его кинули, и до сих пор не объявил на меня охоту. Ведь по драгоценностям его жены их легко было отследить при продаже. Да упокоит Господь их души...

– Ты применил к ним принцип самонаказания зла? – удивилась я. – Я бы сейчас поела, если честно. Жаль, что ты ничего не купил.

– А я пока что не голоден.

– Ты реально уже перешел на питание кишечником?

– Пока что не перешел, но сегодня мы уже ели.

– Откуда ты нахватался этих глупостей?

– Ты действительно интересуешься или хочешь отправиться в литературнэ?

– Поехали! – усмехнулась я. Уже успев заметить, что именно это его и заводит – любоваться собой, как Нарцисс, в лужицах своих рассказов. А не та, кому он их читает.

Алексей сходил в машину, принёс тетрадь, сел на покрытие и стал читать:

«Что заставило меня после беседы с Джимом и Лайзой вспомнить то, что и делало мой героизм таким литературным до мозга голубых костей. Ведь в юности у меня был свой учитель, обучивший меня мало есть, а не только бедность. Воображения.

Работать учитель не любил (на то он и Учитель). Но ничем хроническим не болел. И к тому же у него была первая положительная (в карман) группа крови, которая подходила почти ко всем. Причем, без спросу! Нагло вливаясь в самый неожиданный для них момент в реанимации.

Однажды Ликий, так звали будущего Учителя, тоже загремел в больницу. Не менее неожиданно, чем любой другой. Не желающий признавать, что ТЫ и вдруг чем-то заболел! Наивно думая, что можно есть и пить что попало, вести себя как самая разудалая свинья, повизгивая от восторга собой, не делая ни утренней гимнастики, ни ещё чего столь же вздорного и глупого, как правильное питание и распорядок дня, оставаясь при этом абсолютно здоровым! Последовательно создавая своим незатейливым образом жизни как раз обратное.

И от делавших ему переливание врачей Ликий с удивлением узнал о том, что его кровь – страшный дефицит. Можно сказать, драгоценность! Молча догадавшись о том, что им для него её откровенно жалко. Столь никчемно он выглядел в их глазах. Поэтому и промолчал. Да и сил возмущаться тогда, если честно, совсем не было.

И врачи настоятельно порекомендовали ему, втыкая капельницы, начать её сдавать.

– Обратно?

– На благо родины!

– Если я выживу?

– За деньги, разумеется! – подчеркнул главврач, оживив его интерес. А через это – и его самого.

– Как только ты выздоровеешь и окончательно окрепнешь! – улыбнулась медсестра, укладывая Ликия рукой обратно на подушку.

Придав ему столь мощный стимул поскорее выздороветь и включится уже в эту несложную игру по зарабатыванию денег, что он только и ждал, изнывая в постели, пока его выпишут. И выпнут из больницы.

Пусть и – небольших, но ему стало хватать на житьё-бытьё в своей скромно обставленной студии. Ел Ликий и без того мало и скромно. Можно сказать, перебивался от случая к случаю. Так и не решив ещё, задумчиво глядя вослед уходящим от него годам, чем в этой жизни ему предстоит заняться.

А начав сдавать кровь, стал стараться есть то, что советовали врачи. То есть без излишеств и по распорядку дня, чтобы кровь активно восстанавливалась. Если и употребляя иногда спиртное с приятелями, то лишь две-три стопки для очистки сосудов, как и рекомендовали ему врачи. Да и то – за несколько дней до сдачи крови. Однажды уже отвергнув

его кровь из-за присутствия в ней спирта и не дав ему ни гроша! С тех самых пор ни в какую не желая пить, сколько бы приятели его не уговаривали – подняться на их волну общения, закрутив и ударив головой о дно стакана. Но Ликий лишь молча улыбался, уже пару раз найдя поутру своё сведённое судорогой раскаяния тело на финансовой отмели во время отлива разошедшихся по своим делам приятелей, распухшее с похмелья и слегка посиневшее, как у любого утопленника. Щетина которых, по инерции, некоторое время продолжает ещё расти. Не подозревая о том, что хозяин уже покинул данное (ему на время) тело. Из-за того, что внезапно закончился срок его аренды.

Хозяин которого теперь становился для своих приятелей тем самым джинном, что ни в какую не желал снова лезть в бутылку, сокращая сроки аренды.

Одним из таких вот приятелей я для него и стал после пары совместных кутежей. В один из которых Ликий наотрез отказался употреблять спиртное, сославшись на поджигавшие его к сдаче крови сроки. Но продолжал оставаться для нас самым радушным хозяином, душой компании! И на все наши уговоры лишь беспомощно разводил руки, словно бы это именно мы и приперли его к этой самой стенке. А не какие-то высшие по отношению к нему силы, наказания которых он откровенно побаивался. Суеверно, словно слыша уже за спиной отдалённые раскаты грома. Гнева врачей. Заставляя нас над этим посмеиваться.

Случилось так, что мы очень быстро нашли общий язык. Хотя, это было не мудрено, ведь он валялся невдалеке в углу – весь в пыли расхожей фразеологии и мусоре «общих мест». И молча ждал, слегка насупившись, пока его подберут и начнут использовать по назначению, превращая из «вещи в себе» в «вещь для других». Если удавалось блеснуть той или иной нестандартно звучащей мыслью. Ведь все мы учились тогда в академии этой жизни на «лекарей». И потому никогда не упускали случая попрактиковаться на том или ином, подвернувшемся под руку, пациенте. Даже таком взрослом, как Ликий.

Ликийю было уже глубоко за сорок, так что он объяснил нам:

– Тяга к женщинам в моём возрасте усиливается в основном у тех, кто вечером любит плотно поужинать. Ведь тестостерон вырабатывается у нас ночью. А я легко ужинаю в шесть и в десять вечера уже ложусь спать. Если мне это удастся, – улыбнулся Ликий, обводя взглядом зашедших к нему на огонёк юношей. – Именно поэтому суккубы и приходят ночью.

– Что ещё за суккубы?

– Ну, бабы. Во сне. Или те, кто ими притворяются.

– Бесы?

– В основном! – ещё более загадочно улыбнулся Ликий. – Иногда это даже метровые тараканы. Все они внушают тебе, что они такие распрекрасные дамочки, что ты так и жаждешь

с ними совокупиться. А когда тебе этого так и не удастся, их внушенная тебе иллюзия постепенно рассеивается. И ты наконец-то видишь их истинный облик!

– Ужас!

– Они питаются твоим желанием.

– Джинны, что ли?

– Джинны в сказках. А эти – самые настоящие! Они к вам уже приходили?

– И не раз! – вспомнил Пенфей, как уже пытался с одним из таких позабавиться. И нервно сплюнул.

– Иногда суккубы принимают облик уже знакомых тебе девушек, – понимающе кивнул Ликий. – А иногда и прекрасных незнакомок. Женские особи приходят к тебе такими, какими они были ещё при жизни. Сформировав свой устойчивый образ астрального тела в ранней молодости. А вот инкубы – затейники! – подмигнул Ликий. – Им приходится казаться тебе красивой самкой.

– Так они мёртвые, что ли?

– Смерти нет, – усмехнулся Ликий, – это суеверие. Вы слышали про Христа? Он это наглядно доказал, явившись уже после смерти, временно арендовав для этого постфактум объяснения тело недавно умершего.

– Такие, как Он, это уже умеют?

– Да и Кришна приходил прощаться в телах других к своим друзьям и любимым жёнам. Мы не есть тело, мы – больше! Хозяева. А не только его слуги. И суккубы, ещё при жиз-

ни овладевшие своим телом, поняли, что к чему и даже при-
норовились за счет ещё живых питаться нашей сексуальной
энергией, которую мы выделяем при виде самки.

– Как слюну – при виде пищи?

– Это – самое мощное излучение!

– Так может быть именно это и ускоряет нашу гибель?

– В том числе. Всё течёт, всё изменяется, – продолжил
отстранённо вести свой пассаж Ликий, – из одного наивного
существа – в другое, более опытное.

И пытаясь объяснить свой отказ от спиртного более внят-
но, Ликий рассказал нам одну историю. Как однажды он
встретил в магазине «Дюймовочка» своего давнего приятеля,
пришедшего с морей.

– Ну, и начали ж мы тогда гулять! Как раньше, когда бы-
ли ещё молодыми и бесшабашными. Наперебой вспоминая
куражи своей залихватской юности! И тут же пытались все
их повторить. Один за другим. Это стало вопросом чести!
Благо, что денег у приятеля было шквал. Поэтому...

Каждый день таская к нему в студию всё новых и новых,
ещё более роскошных девиц. Играя в Дон-Жуанов.

А потом у приятеля кончились все деньги. И он с грустной
улыбкой ушёл в рейс. Но обещал вернуться! Как и любой
уважающий себя Карлсон. Помахав, на прощание, лопастью
ладони.

А Ликий ещё долгое время всё никак не мог восстановить-
ся. Тело нагло требовало вкусной еды, самых что ни на есть

и пить горячительных напитков. И гулящих девушек, если удавалось привлечь к себе их внимание. Подстрекая его пойти работать, чтобы начать удовлетворять всё возрастающие потребности. «Эту «дурную бесконечность», – понял Ликий.

И тут же поднял восстание! Как и любой тиран, установил жесточайший распорядок дня. Ровно в десять вечера ложился в постель и насильно закрывал уставившиеся в темноту глаза. И чтобы заставить свой организм спать, полностью выключал ум, наблюдая за своим дыханием. И с огромным трудом, но всё же пересилил уже захватившую в нём власть тела. Разогнал, как участников массовой демонстрации, все эти дурные мысли (на счёт работы), махавшие перед его воспалённым взором лозунгами с призывами стать как все – объединившиеся в едином порыве к самкам пролетарии! И через пару недель ожесточённой борьбы с диктатурой тела невероятным усилием воли всё же вернулся в давно уже накатанную колею – есть один раз в день. Перейдя на питание кишечником, подобно волкам и другим животным, которые благодаря этому «фокусу» могут вообще не есть до десяти суток. А ещё через неделю, ощутив поутру охвативший его прилив сил, снова пошёл сдавать кровь. Так сказать, излив свой «жизненный порыв» к самкам в благое русло.

И когда через год приятель, наивно думая, что Ликий его лучший друг, с полными карманами денег по уже протоптанной дорожке снова к нему явился, Ликий был неожиданно к нему сух. Ел мало, то и дело отказываясь от предлагаемых

ему яств. Пил тоже весьма неохотно. А гулять с девицами и вовсе стал отказываться.

– Да ты чего? Жизнь всего одна! И нужно отрываться!

– Это у тебя она одна, – усмехнулся над ним Ликий, – когда ты с морей приходишь с вытарашенными на мир глазами.

– Как красный окунь, – усмехнулся приятель, – которого подняли в прилове с морских глубин.

– Одноразовая! – без тени улыбки продолжил распекать его Ликий. – А я-то живу тут всегда. Поэтому и надо жить так, как живёшь всегда. В соответствии с тем образом жизни, который у тебя уже сформировался. Несмотря на попытки небытия выбить тебя из колеи.

– Что за небытия? – не понял приятель.

– Это у тебя на судне питание строго по распорядку, – попытался объяснить Ликий. – Больше чем в миску положат, не съешь. А мне после наших куражей очень тяжело себя в норму возвращать. Чем больше кормишь тело, тем больше еды оно просит, автоматически вырабатывая уже каждый день необходимую для её расцепления химию. Понимаешь?

– Раздуваясь, как морская собака! – кивнул приятель.

Вспомнив, как пинал их по палубе вместо мячиков.

– А когда тело кормишь мало, оно постепенно как бы смиряется и привыкает есть то, что ему дают, – продолжил Ликий. Нести всю эту ересь.

– На большее уже и не рассчитывая?

– Наоборот, отвергая уже излишества. Кто меня потом

кормить будет, когда ты снова в рейс уйдёшь?

– Так пошли со мной, в море! – подхватил приятель. И снова принялся расписывать ему прелести быта на судне. – Без забот и хлопот! Там тебя и накормят вдоволь. И обстирают. И спать на чистое бельё уложат!

– Нет! – отрезал Ликий. – Работа – это тяжкий грех! Я давно уже это понял. И чем более ты грешен, тем тяжелее твоя работа. Данная тебе в наказание за твою неумеренность и неумение организовать свой собственный распорядок дня. Организуя его уже извне, как у тебя. Приучая тебя к порядку, как собаку Павлова.

– Ты хочешь сказать, что я – животное? – возмутился приятель.

– И я – тоже, – примиряюще улыбнулся Ликий. – Просто, я своё животное умудряюсь усмирять. Чтобы жить за его счёт, сдавая кровь на нужды других... деструктивных животных. А ты просто ещё и не пробовал его сознательно ограничивать и контролировать. Потому всё ещё и живёшь для того, чтобы быть у тела на побегушках. Как другие полуживотные, которые пытаются въехать в животный рай на твоём горбу, – кивнул Ликий на приглашённых к нему девиц. – Нужно становиться цивилизованным! Именно сознательное самоограничение и делает нас всё более культурными. А это совсем не просто. Сам попробуй! Не делать этого на судне из-под палки. Как только снова закончатся все твои рейсовые.

Но приятель не захотел его даже слушать! И наутро покинул Ликия, сделав вид, что смертельно обиделся. Ведь Ликий не желал становиться таким же ненасытным животным, как и он сам. Даже, по старой дружбе.

И оставшись наутро совсем один, Ликий постепенно понял, что это был всё ещё живой суккуб, сбивающий его с пути истинного. Демон искушения, который тут же покинул Ликия, как только потерял клиента.

Нет, конечно же, приятель приходил ещё не раз. На то он и демон искушения! И среди других приводил ту самую девицу, которая была знакома с Ликием не только на языке тела, но и на языке сердца. А потому и весьма охотно снова и снова ходила к нему в гости, каждый раз всё отчаянней надеясь на продолжение банкета – в виде свадьбы. Готовая уже для него на любые жертвы! Взвалить на алтарь их взаимной любви любую из своих подруг. Почему-то только с ним ощущая себя богиней.

Но Ликий с тех пор был суров и неумолим. Демонстративно уткнувшись наутро лицом в подушку, пока все не разойдутся. В том числе и – богиня. Краем глаза исподволь наблюдая, как неохотно она следует за весёленькими нимфами, делая вид, что тоже улыбается. Даже не попрощавшись.

Именно потому, что у Ликия с тех пор изменилась сама парадигма восприятия. Ведь до того, как он начал сдавать кровь, Ликий жил исключительно для того чтобы снимать и улаживать девиц. Как и любое животное мужского пола,

с которыми он для этого объединялся в шумные ватаги, называя это проявление бессознательного высокопарным словом «дружба». То после того как он фактически убедился в том, что не только пьянки-гулянки оттягивают сдачу крови, а следовательно и получение средств от её реализации, но и сами гулянки с девицами, как объяснил ему врач, делают его кровь всё менее качественной.

– Так как на восстановление организма после куражей уходит колоссальное количество и без того дефицитных в организме микроэлементов, – заметил врач, – постоянная нехватка которых постепенно приводит к общему иммунодефициту. Что и проявляется в возникновении различного рода заболеваний. Так как это бьёт прежде всего по тем болезням, которые ты унаследовал от своих недалёких предков – бабушек и дедушек, столь же безалаберно разбазаривавших, в своё время, свой потенциал здоровья, делая тебя ещё более болезненным и недалёким, чем они сами. Пойдя их неровной походкой по их стопам. Что животные давно уже преодолели, размножаясь почти исключительно весной. Всё остальное время года сохраняя к противоположному полу завидное равнодушие, – вздохнул врач. – В отличие от нас, этих самых глупых представителей животного вида! Напрягающих своей несдержанностью медицину, которая уже не успевает со всеми вами справляться. Особенно, в праздничные дни, которые надо все как один взять и запретить на законодательном уровне!

– Ну, это уж ты хватил! – усмехнулся Ликий и пошёл домой.

Оставив врача в кабинете, успокаиваясь, кидать шариками из листов исписанной диагнозами бумаги в стоящую у двери корзину.

Но слова врача заставили его по дороге домой глубоко задуматься. Да так глубоко, что с тех пор он стал избегать девиц. И чтобы продолжить служить донором на благо родины, он полностью подчинил себе своё животное. Ровно в десять вечера Ликий приглушил свет и молча ушел спать в свой «медвежий угол», невзирая на остальных. Оставив нас допивать и расходится, защёлкнув за собой железную дверь на замок с демонстративно скошенным, от обиды, язычком».

– Это ты про то, чтобы я не ревновала тебя к Креусе? – усмехнулась я. – И всегда была готова взвалить её, как жертву, на алтарь нашей любви?

– Ты же сама сказала, что ты её именно для этого и приглашала, надев на эту куклу одно из своих платьев! Как группу никому не известных музыкантов приглашают «на разогрев» перед выступлением рок-звезды!

– Ну и как, она тебя разогрела?

– Вполне! И теперь я готов зажечь звезду! – улыбнулся Алексей и поцеловал звезду в губы.

Звезда не сопротивлялась. Не хотела, чтобы он остался «с демонстративно скошенным, от обиды, язычком». Кото-

рый предательски раздваивается на кончике стального пера.

– Жаль, что ты ничего не купил! – отстранилась я, чтобы научить его уму-разуму. – Нам очень льстит, когда на нас тратят деньги!

– Нам должно быть достаточно лишь самого необходимого, – возразил Алексей и снова стал скрывать соски ракушками, – без чего нам сейчас действительно нельзя обойтись! Вещи вовсе не таковы, какими мы хотели бы их видеть!

– Если честно, я тоже так думаю! Поэтому и не могу понять, зачем в современном мире такое сумасшедшее разнообразие вещей? Зачем скрывать красоту? – покачала я грудью.

– Смертные только потому и окружают себя красивыми вещами, что красота не может идти у них изнутри, быть их естественным проявлением, их дыханием, – поправил он ракушки.

– Как у нас?

– Смертные, собственно, только потому так и называются, что смерть отнимает у них все их потуги к совершенству. Они только потому так быстро и умирают, что только таким способом они могут избавиться от того хлама, которым они себя окружают в попытках создать видимость совершенства. Посредством этих игрушек постепенно научив каждого из них играть в бога. А затем и быть им, от них избавившись.

– Не рассказывай, а показывай! – усмехнулась я и отбро-

сила пустые белые ракушки (его пустых претензий). – Пошли купаться!

Глава 25

– Так если всё так правильно и просто, как ты говорил, то почему нам говорят, что этот мир – иллюзия, майя? – очнулась я, как только машина стала преодолевать перевал. – И советуют его избегать. Ведь тут так красиво, посмотри! – указала я на «парящие скалы» из голубого гранита, торчавшие в синее небо прямо из тёмно-зелёных зарослей, кружа над машиной сверху, пока мы объезжали их по дороге из сыпучего жёлтого грунта, петляя по горному серпантину.

– И правильно делают! Только давно уже и сами не понимают, почему именно.

– Так, а почему – именно? – настаивала я. Чтобы польстить его больному самолюбию, которое он высокомерно именовал «Творец».

– Потому что внушением того, что раньше, якобы, по всей Земле существовало рабство, нам вручили иллюзию свободы. Мол, теперь, после официальной отмены рабства в США, все мы стали абсолютно свободны!

– Но – зачем? – не поняла я. Совершенно искренне.

– А как ещё добиться того, чтобы рабы перестали искать свободы?

– Внушить им то, что они уже свободны! – дошло до меня.

– Именно для организации этой клоунады и был организован весь этот цирк с вывозом из Африки населения в Аме-

рику. Чтобы на примере того, что афроамериканцев наконец-то освободили, внушить и всем остальным рабам, что они тоже с этого для свободны!

– Мол, делайте, что хотите?

– И больше не ищите подлинной свободы – от своей животной природы. А Карл Маркс окончательно всех добил, сказав рабам, что они – разумные животные. Мол, ты и так разумен.

– Не надо читать книжки?

– Которого жёстко высмеял Рэй Брэдбери, в шутку призвав книги вообще сжигать! А тех, кто их читает, считать преступниками!²⁰

– Но для чего это сделали? – так и не поняла я. В отличии от Рэя Брэдбери.

– Потому что источником вещного мира являются идеи. Идеи вещей. И ты, естественно, и должна стремиться к их источнику. Уметь их для себя конструировать и изобретать. Быть Творцом! А пользуясь уже застывшими мыслеформами и уже готовыми вещами, ты и сама застываешь в них, став вещью среди вещей – рядовым потребителем.

– Обывателем! – поддакнула я. Заметив, что он заглотив наживку «Учителя».

– Продавая себя вещам в рабство.

– За деньги?

– За твоё рабочее время, которое у тебя каждый день от-

---

²⁰ Р. Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту».

нимают с твоего добровольно-принудительного интересующими тебя вещами согласия. Милостиво создавая тебе для этого все необходимые условия.

– Условия труда? – озадачилась я. – Чтобы я смогла совершить свой выбор?

– Боюсь, что выбор существует лишь для того, чтобы мы могли совершить ошибку, заблуждаясь. И исправляя её, набрались жизненного опыта борьбы с самим собой. Пока мы не научимся всегда поступать только правильно! А не так, как тебе там вздумается, послушав свой инстинктивный ум, который и мечтает о вседозволенности, нарядив её в тогу Свободы.

– Как статуя Свободы в Нью-Йорке? Но как поступать правильно всегда? Разве так бывает? – озадачилась я. Рассматривая зелёные сопки с вкраплениями серых и голубых скал, за которыми уже виднелся Врангель, то проглядывая из-за сопки, то вновь скрываясь за крутым поворотом дороги.

– Именно для этого ты и должна разбудить в себе Судью, который и будет взвешивать все за и против перед тем, как совершить поступок. Используя каждую текущую ситуацию для своего же блага. Особенно – конфликтную!

– Конфликтную? – оторопела я, моментально выйдя из образа ученицы.

– Конфликты и проблемы – это самые мощные катализаторы активности! Их любовное разрешение – самый быст-

рый путь к совершенству.

– Так вот зачем Ганимед толкнул тебя ко мне на даче! – засмеялась я. – Чтобы мы полюбовно решили свой конфликт!

Рассчитывая, что он тут же свернёт в ближайшую гостиницу, чтобы я смогла принять душ, смыть морскую соль и наконец-то осуществить все его мечты! Но этот олух молчал. Не буду же я ему навязываться, как Креуса?

Глава 26

А утром позвонил, чтобы попрощаться навсегда:

– Ну и как продвигается перевод книги? Ты её хотя бы читала?

– Некогда пока, – сухо ответила я, так как вчера мы «плохо кончили».

А точнее, он так и не захотел со мной кончать. И теперь сопел в трубку:

– Я снимаю во Владивостоке студию. Так что я больше не буду приезжать в Изумрудный город. «Прости-прощай, зарезанное Солнце!»²¹

– Забавно! Я как раз во Владивосток собиралась.

– Зачем?

– Хотела навестить Ёлку.

– Новогоднюю?

– Свою подружку.

– Так она что, гамадриада? – заинтересовался Алексей новой героиней своего романа.

– Родители назвали её точно также, как и меня: Елена! И чтобы парни нас не путали, я и решила её слегка приукрасить, принарядить, как ёлку, придав ей более новогоднее настроение: Ель-лена, Ель, Ёлка! – засмеялась я в трубку. – Ещё до того, как бабушка придумала для меня образ Элли.

---

²¹ Гийом Аполлинер.

– Это и подтолкнуло тебя осуществить мечту Элли – улететь в Америку?

– Нет. У меня совсем другая сказка!

– Тогда почему все стали звать тебя Элен – на американский манер?

– Это тоже придумала моя бабушка. Чтобы если ребёнок спросит: «Так вы Елена, а не Элли? Вы меня обманываете?» Мне не пришлось перед ним краснеть. И я ему спокойно ответила: «Пока я была маленькая, меня звали Элли, но теперь, когда я выросла, меня стали звать Элен! Тебя как зовут, Коля? Вот как вырастишь, тебя будут звать Николай! Понял?» И ребёнок тут же всё поймёт и успокоится. Как сказала бабушка: «Дети должны не просто верить, они должны жить сказкой! И воспринимать дополнительную учёбу, как волшебство!»

– Ловко это она!

– Пару недель назад Ёлка приглашала меня к себе, чтобы через месяц я поехала прямо от неё работать вожатой в детский лагерь. Как и в прошлом году. Поэтому я тут от тебя и отнекивалась, если честно. Только я вчера вечером позвонила ей, но она ответила, что теперь я не смогу у неё жить. Так как мы в том году перед лагерем здорово покуражились по ночным клубам! А сейчас она разводит родителей на машину и делает вид, что вся такая правильная, чтобы родители не передумали покупать машину. Ёлка уже договорилась с хозяином о цене. И даже о том, чтобы он подождал, пока

родители подкопят всю сумму. И вот тогда можно будет хоть на ушах ходить!

– Для чего же тебе к ней ехать, пока «тогда» не наступило? – не понял Алексей женской логики. Что гопи напрашивается в гости.

– Чтобы её проведать! – возразила я. – А то она уже замучилась дома сидеть одна.

– Тогда, если хочешь, можешь пожить пока что у меня, пока Ёлке не купят машину. Сказав матери, что снова поедешь к ней.

– Хорошо, приезжай с утра! – положила я трубку. Ход удался!

И вдруг осознала, что через покупку машины Бытие буквально толкает его в мои объятия. Как Ганимед – на даче. Чтобы мы полюбовно решили свой конфликт? Но что это ещё за конфликт у нас такой, в который вмешивается само Бытие? Может, Бог реально живой? Или Бытие – это Сатана, ведь он – князь мира сего. И не то чтобы я поверила во всю эту чушь, но решила в дороге его об этом расспросить. Так, на всякий случай.

Глава 27

Утром сразу помылась, чтобы снова не попасть впросак. Накрасила ресницы, веки, брови, слегка нарумянила щёки и не зная, чего бы ещё накрасить, поставила три горизонтальных точки ближе к внешнему краю на левом веке. И довольная собой, сообщила по телефону, что уже готова ехать.

– К Ёлке! – громко напомнила я. Скорее матери, чем ему.

Как только Алексей выехал за город и попытался пошутить:

– Проблема России не «дураки и дороги», как сказал классик, а дураки, которые эти дороги строят!

Я натянута улыбнулась, чтобы он решил, что мне нравятся его плоские шутки, и спросила:

– Так значит, если Бог реально живой, то кто такой Сатана?

– Это очень древнее существо. Просто, раньше у него было совсем другое тело. И оно не позволяло Сатане подняться выше меркантильного рассудка – третьей чакры. Ведь тело нашего современника устроено уже несколько иначе. Так что мы уже можем продолжать эволюцию через соблюдение нравственных норм и высоких принципов и стать ангелами во плоти! А затем – богами!

– То есть наше тело – это новейшая разработка ученых?

– До которых ученым Земли ещё расти и расти! И через

самоочищение раскаянием подняться до четвертой чакры – источника Истинной Любви с большой буквы! А затем и – ещё выше!

– Куда уж выше-то? – усмехнулась я. – До «охотника на шестипалых»?

– Проблема всех религиозных деятелей на Земле в том, что все они, как один, ратуют за Бога. Тогда как нужно призывать ещё к чистоте и совершенству, то есть к нашей подлинной божественности! Ведь Бог – это не просто коллективный высший разум всех сверхразумных существ, которых мы знаем тут как архангелы, но ещё и просто место – силовое Поле Будд, откуда все мы, боги, пришли с тех пор, как эта Малая галактика приняла форму Большой после исчерпания ресурсов. И все, кто не успел к тому времени стать богами, просто исчезли.

– Навсегда?

– Снова став элементарными частицами. Как и прошлый Сатана и все его демоны. Так что мы должны быть готовы в любой момент на эти Поля Будд вновь вернуться, если этой галактике будет угрожать опасность снова разлететься вдребезги. Где Сатане и его поделщикам просто не будет места в этом «Ноевом ковчеге».

– Но – почему?

– Да потому, – усмехнулся Алексей, – что Сатана владеет в относительном совершенстве оказывать влияние на других страхом и прочими отрицательными эмоциями, научившись

внушать их смертным, наивно воспринимающим их как свои собственные, раз уж они их чувствуют. Но так как Сатана не пошёл выше третьей чакры – меркантильного рассудка, хотя и прокачал силу воли и внушения до абсолютных максимумов, остановил на этом свое саморазвитие. В то время как любой из нас может пойти ещё дальше, двигаясь по Пути Любви!

– По пути любви в гостинцу? – улыбнулась я.

– И достичь того, что Сатане даже не снилось! – не заметил он намёка. – Постепенно став воплощенными богами – Логосами Платона – уже в этой жизни. Если пойдём по сугубо положительной стезе саморазвития. Где ангелы, исполненные божественной Любви, ранее бывшие вполне разумными смертными, будут с удовольствием помогать каждому. Объясняя что да как (незаметно, чтобы ты наивно решил, что это ты сам всё понял). Ведь потом уже и ты сверху, с Летучего Корабля, будешь точно также помогать уже и им, когда они спустятся для воплощения. Для того чтобы продолжить свою эволюцию и достичь ещё больших высот, чем прежде! И практически навсегда, для смертных, однажды зависнуть высоко-высоко над этой галактикой в силовом Поле Будд. Как Логос. Не просто наслаждаясь своим абсолютным совершенством, но еще и периодически посылая действенные импульсы. Помогая тем, кто уже давно помогает каждому из нас в его эволюционном развитии – архангелам, координирующим работу ангелов на Летучем Корабле.

– Ты-то откуда знаешь?

– Однажды я мысленно попросил Небо показать мне Рай. Пришёл в каюту, сел на диванчик, закрыл глаза руками и на долю секунды вдруг увидел себя среди существ, напоминающих шаровые молнии, источающие лучи света.

– Поэтому Платон и считал сферу божественной?

– Да, боги после духовной реализации обитают в виде сфер на Полях Будд. Не знаю, я это был или мне это только показали. Так, будто бы это я парю среди себе подобных. Но само это состояние показалось мне знакомым. Я это уже ощущал! Значит, я уже там бывал. И знаю уже, как туда вернуться!

– Тогда почему ты всё ещё здесь, из-за книги?

– Не только, – улыбнулся Алексей. – Я пришел за тобой!

– Что, прямиком с Неба? – усмехнулась я.

– Ну, поскольку планета Тронный Зал находится в созвездии Трон, то – с неба.

И я поняла, что пора брать дело в свои руки. Иначе я от этого мечтателя снова так ничего и не дождусь.

– Если честно, я не хотела бы быть твоей девушкой только потому, что парень тратится на девушку ровно до тех пор, пока ему не удаётся затащить её в постель! А потом она становится уже его собственностью – его девушкой. И парень призывает её экономить их общий уже семейный бюджет и не тратит на неё ни цента!

– И это всё? Ты только из-за этого мне отказываешь?

– Ну, да. Мы ведь не животные, чтобы жить только ради секса.

– А ради чего ещё, ради денег?

– Ради «конфетно-букетного периода»! – горячо возразила я. – Пока мы и просто так друг другу нравимся! Как сказал поэт: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Вот я тебя и останавливаю, охлаждая твой пыл.

– А у меня, если честно, совсем другая тактика. Я наоборот, после стольких разочарований уже стараюсь не тратить на девушку ровно до тех пор, пока не затащу её в постель. После чего бессознательно начинаю прозревать в ней свою вторую половинку. И уже на «Ту, чьи взоры непреклонны»²², которую я искал всю жизнь, начинаю тратить всё до цента!

– Так чего же ты раньше об этом не сказал?

– Но я сразу же вручил тебе «Книгу Жизни», чтобы ты смогла подробно ознакомиться с моей «инструкцией по эксплуатации».

– Если я захочу тебя тут поэксплуатировать? – усмехнулась я.

– Именно так Маркс и подшучивал над женой, называя их брак «эксплуатацией человека человеком», когда жена начала требовать от него денег.

– Маркс считал жену не женщиной, а – человеком? – не поняла я и посмотрела на него озадаченно.

– Человек – это примитивная форма разумной жизни, су-

---

²² Н. Гумилёв, «Он поклялся в строгом храме...»

ществовавшая тут до Потопа!

– Выходит, Маркс создал «Капитал» только для того, чтобы объяснить жене, что у неё допотопные взгляды? – засмеялась я.

– Откуда я знал, что у тебя столь же допотопная тактика, как и у его жены? Я решил, что просто тебе не нравлюсь. Вот и старался на тебя не тратить. А ты решила вчера, что я жмот?

– Просто, я люблю, когда за мной ухаживают, пойми. Как и все девушки на планете! – пожала я плечами. Мол, я тут ни при чём.

– Но Силен учил меня не тратить денег на девушку ровно до тех пор, пока она не согласится отработать каждый вложенный в неё доллар. В том или ином виде! – подмигнул Алексей, как подмигивал Силен менадам. И столь же подчёркнуто глупо улыбнулся.

– Ну и где же ты собираешься на меня их тратить? – улыбнулась я. Ход удался!

Глава 28

Долина упиралась в небольшое уютное кафе у реки с небольшим бревенчатым мостиком, где мы решили позавтракать в беседке из морёного дерева, расположенной в тени высоких деревьев. И пошли гулять, пока сонные повара, не ожидавшие столь раннего визита, стали приводить в порядок кухню.

Спешить было некуда, так что Алексей даже не пытался поддержать меня за талию, пока мы бродили вдоль берега. Изредка лишь поддерживая за руку, пока я прыгала по камням.

– И давно у тебя было это... Эпохэ? – нарушила я молчание, желая снова войти в роль ученицы. Понимая уже, что именно это его и заводит – роль Учителя.

– Давно. Ещё в шестнадцать лет! – признался Учитель. – И с тех пор оно периодически повторялось, как только я снова углублялся в философию.

– Ещё в шестнадцать лет? – не поверила я и перепрыгнула через ручеек, впадавший в море.

– Ну, да. К тому времени я уже серьезно увлекался философией, – перепрыгнул Учитель. – Тогда, впервые переосознав для себя реальность, я уперся в некий потолок познания. И мне показалось, что я обладаю абсолютным познанием мира! Так что мне неинтересно стало дальше его позна-

вать. Во мне актуализировался какой-то глубинный психотип «старца в теле младенца», которому всё уже было по барабану. А мне ведь было всего шестнадцать! Понимаешь? Вся жизнь была ещё впереди, а смысла жить, как все, уже не было! Ведь я понял тогда, что жизнь ничему не учит. Кроме как набивает нам голову суевериями, которые в критических ситуациях «почему-то» уже не работают. И мы беспомощно смотрим на свои «познания» и, не найдя поддержки в себе, начинаем искать её у Бога, которого мы «убили» вместе с Ницше, чтобы нарушать заповеди, и которого теперь вынуждены срочно реанимировать. Откуда здесь твёрдая почва под ногами? Мы и в Бога не верим и не верить уже не можем. И не зная к чему стремиться, стоим и топчемся на месте, как лошадь, потерявшая наездника, не зная уже к кому пристать.

– «Ибо кто преумножает познания, преумножает скорбь!» – с усмешкой процитировала я Экклезиаста.

– Я почувствовал себя лет на сто, а то и больше!

– И что, ты предлагаешь мне тоже заняться философией, чтобы стать столетней бабкой?

– Не думаю, что у тебя это получится! Я понял потом, что мне удалось прикоснуться к вечности, став «ветхим днями». А Ганимед выразил это в песне «Мухтар»²³, когда я ему об этом рассказал. Сама послушай! У тебя же свой собственный уникальный опыт, поэтому ты должна использовать зна-

---

²³ Гагарин бит, «Мухтар».

ния других только для того, чтобы собирать свою собственную мозаику мировоззрения! Используя события своей жизни для оценки применимости к ним тех или иных знаний. Как средство взглянуть на происходящие с тобой события под новым углом зрения.

– Для того чтобы выяснить, кто из нас прав был вчера на самом деле? – усмехнулась я.

– Когда ты начинаешь переоценивать события, то внезапно понимаешь, что виноваты все. И ты – тоже! Осознавая ошибки, ты должна выяснить прежде всего то, в силу каких причин события происходят именно так, а не более комфортно.

– И то, почему мы не можем извлечь из них выгоду? – подыграла я Учителю. Бёдрами.

– Главное для тебя – увидеть, почему вчера ты не смогла поступить таким образом, чтобы все оказались довольны данным событием! – подмигнул Учитель. – И выяснив, что конкретно ты вчера упустила, понять то, как именно тебе следовало поступить. Чтобы именно так и поступить в другой раз в подобной же ситуации!

– И то, как следовало поступить другим?

– Поняв, как именно следовало поступить другим, ты поймёшь только то, как поступила бы ты на их месте! – усмехнулся Учитель и покачал головой. – В то время как другие в силу своего уникального опыта могут поступить самым неожиданным для тебя образом!

– Включи они мозги! – усмехнулась я. И вошла в беседку. – Итак, чем мы накормим своих животных?

– Я-то откуда знаю? Пусть твоё животное пробежит по меню глазами и само тебе скажет! – улыбнулся Учитель и взял меню.

Ход удался! Теперь, возомнив себя моим Учителем, он потратит на меня всё до цента!

– А новые знания, которые ты получаешь, как раз и позволяют по-другому взглянуть на происходящие с тобой события, когда ты будешь пытаться их усвоить, – тыкнул Учитель официантке в понравившиеся блюда, – непроизвольно соотнося их с событиями своей жизни.

– Усвоить? – удивилась я, что он говорит о знаниях, как о блюдах.

– Поэтому чем больше знаний ты получаешь, постоянно пересекая их со своей личной жизнью, тем лучше и полнее они будут усваиваться! – кивнул Учитель. – На самом деле помогая тебе лишь тогда, когда они позволяют тебе постичь твою собственную жизнь, извлекая из неё драгоценные камни опыта.

– Делая тебя реально богаче! – поняла я, хлопнув себя по животу. И оглянулась вокруг, чтобы запомнить окружающие нас горные массивы. Включив Художника.

– Непроизвольно заставляя тебя делиться своим богатством с остальными, – подмигнул Учитель, – помогая им извлекать сокровища личного опыта.

– Тебя так заводит мой личный опыт? – усмехнулась я и стала заказывать самое вкусное.

Как только мы закончили завтрак и сели в машину, я стала переваривать услышанное, уставившись в окно пустыми глазами куклы, которые, казалось, и вовсе не видели тех красот, которые неслись мимо.

Глава 29

Приехали к Ёлке и застали её буквально искрящейся. Но не от мороза, ведь было лето, а от полового воздержания.

Ёлка познакомила его со своими пожилыми родителями, которые мне почему-то были не особо рады. Но по их восторженным взглядам на Алексея я поняла, что из-за него они мне всё-всё прощают. Мол, пошла на исправление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.